

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический
центр Российской академии наук**

**Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южный федеральный университет»**

ООО «Омега-Пресс»

ГУМАНИТАРИЙ ЮГА РОССИИ

Научно-образовательный журнал

Том 12

№ 3 (61)

2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР И ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. В. Атанесян – д. полит. н., проф. (Ереван, Армения); **Н. С. Бондарь** – д. ю. н., проф. (Санкт-Петербург); **М. А. Боровская** – д. э. н., проф. (Ростов-на-Дону); **Ш. А. Гапуров** – д. ист. н., проф. (Грозный); **М. К. Горшков** – академик РАН (Москва); **Р. С. Гринберг** – член-корреспондент РАН (Москва); **И. А. Гуськов** – д. социол. н., проф. (Ростов-на-Дону); **А. Т. Гыязов** – к. э. н., проф. (Бишкек, Киргизия); **В. И. Колесников** – академик РАН (Ростов-на-Дону); **С. А. Кравченко** – д. социол. н., проф. (Москва); **Н. Г. Кузнецов** – д. э. н., проф. (Ростов-на-Дону); **Ван Лэй** – д. ист. н., доц. (Чанчунь, Китай); **А. Л. Маршак** – д. филос. н., проф. (Москва); **Г. Г. Матишов** – академик РАН (Ростов-на-Дону); **А. В. Миронов** – д. социол. н., проф. (Москва); **А. Е. Мкртчян** – д. филос. н., проф. (Ереван, Армения); **Н. Г. Скворцов** – д. социол. н., проф. (Санкт-Петербург); **Г. Сросляк** – д. э. н., проф. (Краков, Польша); **Л. Г. Титаренко** – д. социол. н., проф. (Минск, Беларусь); **Ж. Т. Тоценко** – член-корреспондент РАН (Москва); **Лю Цзайци** – д. полит. н., проф. (Ухань, Китай); **Е. М. Харитонов** – академик РАН (Краснодар); **Р. Д. Хунагов** – д. социол. н., проф. (Майкоп)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. Х. Акаев – д. филос. н., проф. (Грозный); **В. Н. Бадмаев** – д. филос. н., проф. (Элиста); **Т. И. Барсукова** – д. социол. н., проф. (Ставрополь); **А. В. Бедрик** – к. социол. н. (Ростов-на-Дону); **М. И. Биалалов** – д. филос. н., проф. (Махачкала); **А. В. Верецагина** – д. социол. н., проф. (Ростов-на-Дону); **К. В. Воденко** – д. филос. н., проф., зам гл. редактора (Новочеркасск); **В. В. Касьянов** – д. социол. н., д. ист. н., проф. (Краснодар); **И. В. Ковтуненко** – д. филолог. н., доц. (Ростов-на-Дону); **Ю. С. Колесников** – д. э. н., проф. (Ростов-на-Дону); **А. М. Кумыков** – д. филос. н., проф. (Нальчик); **Е. Г. Попкова** – д. э. н., проф. (Волгоград); **И. М. Сампиев** – д. полит. н., проф. (Магас)

РЕДАКЦИЯ

А. А. Беспалова – к. социол. н., редактор-переводчик; **В. П. Войтенко** – к. филос. н., перв. зам гл. редактора; **А. Н. Дьяченко** – к. филос. н., ответственный секретарь; **Е. А. Гринченко** – технический редактор – переводчик

Адрес редакции: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.
Тел. (863) 219-97-25. E-mail: gursfedu@rambler.ru

**Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences**

Southern Federal University

Omega-Press

**HUMANITIES OF THE SOUTH
OF RUSSIA**

Scientific-educational journal

Vol. 12

N 3 (61)

2023

EDITOR-IN-CHIEF

Volkov Yury Grigor'evich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Honored worker of Science of Russian Federation

EDITORIAL COUNCIL

A. V. Atanesyan – Dr. Sci. (Polit.), Prof. (Yerevan, Armenia); **N. S. Bondar'** – Dr. Sci. (Jur.), Prof. (Saint Petersburg); **M. A. Borovskaya** – Dr. Sci. (Econ.), Prof. (Rostov-on-Don); **Sh. A. Gapurov** – Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Grozny); **M. K. Gorshkov** – Academician, Russian Academy of Science (Moscow); **R. S. Grinberg** – Corresponding Member, Russian Academy of Science (Moscow); **I. A. Gus'kov** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Rostov-on-Don); **A. T. Giyasov** – Cand. Sci. (Econ.), Prof. (Bishkek, Kyrgyzstan); **V. I. Kolesnikov** – Academician, Russian Academy of Science (Rostov-on-Don); **S. A. Kravchenko** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Moscow); **N. G. Kuznetsov** – Dr. Sci. (Econ.), Prof. (Rostov-on-Don); **Wang Lei** – Dr. Sci. (Hist.), Associate Prof. (Changchun, China); **A. L. Marshak** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Moscow); **G. G. Matishov** – Academician, Russian Academy of Science (Rostov-on-Don); **A. V. Mironov** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Moscow); **A. E. Mkrtchyan** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Yerevan, Armenia); **N. G. Scvorcov** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Saint Petersburg); **G. Sroslak** – Dr. Sci. (Econ.), Prof. (Cracow, Poland); **L. G. Titarenko** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Minsk, Republic of Belarus); **J. T. Toshchenko** – Corresponding Member, Russian Academy of Science (Moscow); **Liu Tszaytsi** – D. Sci. (Polit.), Prof. (Wuhan, China); **E. M. Kharitonov** – Academician, Russian Academy of Science (Krasnodar); **R. D. Hunagov** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Maikop)

EDITORIAL BOARD

V. H. Akaev – Dr. Sci. (Philos.), Prof.; **V. N. Badmaev** – Dr. Sci. (Philos.), Prof.; **T. I. Barsukova** – Dr. Sci. (Soc.), Prof.; **A. V. Bedrik** – Cand. Sci. (Soc.) (Rostov-on-Don); **M. I. Bilalov** – Dr. Sci. (Philos.), Prof.; **A. V. Vereshchagina** – Dr. Sci. (Soc.), Prof.; **K. V. Vodenko** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Deputy of Editor-in-Chief; **V. V. Kas'janov** – Dr. Sci. (Soc.), Dr. Sci. (Hist.), Prof.; **I. V. Kovtunencko** – Dr. Sci. (Philolog.), Ass. Prof. (Rostov-on-Don); **U. S. Kolesnikov** – Dr. Sci. (Econ.), Prof.; **A. M. Kumykov** – Dr. Sci. (Philos.), Prof.; **E. G. Popkova** – Dr. Sci. (Econ.), Prof.; **I. M. Sampiev** – Dr. Sc. (Polit.), Prof.

EDITORIAL STAFF

A. A. Bespalova – Cand. Sci. (Soc.), Editor and Interpreter; **V. P. Voytenko** – Cand. Sci. (Philos.), First Deputy of Editor-in-Chief; **A. N. D'jachenko** – Cand. Sci. (Philos.), Assistant Editor; **E. A. Grinchenko** – Technical Editor and Interpreter

The address of edition: Pushkinskaya St., 160, Rostov-on-Don, 344006.
Ph. (863) 219-97-25. E-mail: gursfedu@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям9

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Анисимова Т. Г. Структурные особенности социального самочувствия населения Тувы: гендерный аспект13

Колесникова Г. И. Информационная война в обществе постмодерна: проблема классифицирования22

Мамедов А. К. Типы экофильного поведения в суперрегионе Юга Российской Федерации37

Узунов В. В. Фактор неотрадиционализма в развитии консолидационных практик на Юге России46

КУЛЬТУРА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Пигулевский В. О. Эстетика касания.....57

Сорокина С. Н. Трансформация идей милосердия в русской культуре72

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

Ситнова И. В. Клиническая социология как методология анализа общества риска.....84

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Кувшинова Е. Е., Мьявлима Н. Ж. Опыт использования цифровых технологий в преподавании различных дисциплин студентам высшей школы93

Татаринцева Р. И. Дистанционный формат обучения: вопросы остаются...106

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ЮГЕ РОССИИ

Гринченко Е. А. Социальные риски формирования этнических анклавов.....122

Магомедов М. Г. Экологически ориентированное поведение: грани отечественного социально-гуманитарного дискурса140

Шекера Е. А. Правовой плюрализм в Республике Дагестан: некоторые особенности правового габитуса дагестанской молодежи, живущей в Санкт-Петербурге.....148

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ЮГА РОССИИ

Суркова Л. А. Атаман М. И. Платов – диалог с потомками166

РЕЦЕНЗИИ

Акаев В. Х., Хадиков А. К. Достойный итог плодотворной научно-исследовательской деятельности. Рецензия на четырехтомник В. Д. Дзидзоева «Избранные труды» (Владикавказ: ВНЦ РАН, 2022. 2506 с.).....184

Правила для авторов.....190

TABLE OF CONTENTS

To the readers	9
----------------------	---

SOCIAL STRUCTURE AND SOCIAL INSTITUTIONS IN RUSSIAN SOCIETY

Anisimova T. G. Structural features of the social well-being of the population of Tuva: gender aspect	13
Kolesnikova G. I. Information war in postmodern society: the problem of classification	22
Mamedov A. K. Types of ecophilic behavior in the super region of the South of the Russian Federation	37
Uzunov V. V. The factor of neotraditionalism in the development of consolidation practices in the South of Russia	46

CULTURE AND GLOBALIZATION

Pigulevsky V. O. Aesthetics of touch	57
Sorokina S. N. Transformation of the idea of mercy in Russian culture.....	72

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF SOCIAL AND HUMANITARIAN COGNITION

Sitnova I. V. Clinical sociology as a methodology of risk society analysis	84
--	----

HIGHER EDUCATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

Kuvshinova E. E., Myavlina N. Zh. Application of digital technologies in teaching different subjects in higher school.....	93
Tatarintseva R. I. Distance learning: some questions remain unanswered	106

SOCIO-POLITICAL AND ETHNIC PROCESSES IN THE SOUTH OF RUSSIA

Grinchenko E. A. Social risks of forming ethnic enclaves	122
Magomedov M. G. Environmentally oriented behavior: factors of domestic socio-humanitarian discourse	140
Shekera E. A. Legal pluralism in the Republic of Dagestan: some features of the legal habitus of Dagestan youth living in St. Petersburg	148

**SCIENTIFIC AND CULTURAL LIFE
OF THE SOUTH OF RUSSIA**

Surkova L. A. Ataman M. I. Platov – dialogue with descendants 166

REVIEWS

Akaev V. H., Khadikov A. K. A worthy result of fruitful research activity.
Review of V. D. Dzidzoev’s four-volume “Selected Works”
(Vladikavkaz: VNC RAS, 2022. 2506 p.) 184

Rules for authors 190

Уважаемые читатели, коллеги!

Несмотря на то, что наступает летняя пора отпусков, академическое сообщество продолжает трудиться на благо развития российского образования, отечественной науки и присылать в редакцию актуальный, интересный материал, содержащий основные результаты научных исследований в различных сферах жизни современного российского общества. Редакция журнала рада представить Вашему вниманию третий номер журнала «Гуманитарий Юга России» в 2023 году.

Открывает текущий номер рубрика «*Социальная структура и социальные институты в современном обществе*» и статья Т. Г. Анисимовой «Структурные особенности социального самочувствия населения Тувы: гендерный аспект», в которой автор ставит своей целью рассмотреть причины, детерминирующие процесс социального самочувствия людей, населяющих Туву, с учетом гендерной принадлежности. Т. Г. Анисимова приходит к выводу, что гендерная принадлежность определяет существенную дифференциацию населения по восприятию своего положения в обществе и, соответственно, эмоциональное реагирование на данную ситуацию. Особое внимание в работе было уделено социальным группам, как наиболее уязвимым с точки зрения социального самочувствия. Для выявления этих групп были разработаны критерии положительного, удовлетворительного и неблагоприятного социального самочувствия.

Автор Г. И. Колесникова из ДНР в своей работе рассматривает особенности ведения информационных войн и специфику их классифицирования в обществе постмодерна. Выделяет методы, примененные на Украине для трансформации сознания населения в сторону радикального национализма. Отмечает, что у системы образования, в контексте реалий современности, сформировалась новая задача – воспитание типа личности, обладающего знаниями и навыками, позволяющими противодействовать информационному воздействию.

Немалый интерес представляет статья московского коллеги А. К. Мамедова, который раскрывает интеграционно-гармонизирующий потенциал типов экофильного поведения в суперрегионе Юга России, отмечая, что институты власти и гражданского общества региона имеют возможность использовать креативный потенциал всех типов экофильного поведения его этносов для взращивания молодого поколения творцов экологичного социально-экономического уклада. А крымский коллега В. В. Узунов на страницах нашего журнала рассматривает подходы к изучению проблемы традиционализма

в контексте консолидационных практик на Юге России, где отмечает, что значительное влияние оказывает фактор неотрадиционализма, потенциально являющийся мощным ресурсом единения и сплочения населения.

Продолжает текущий номер рубрика «*Культура и глобализация*» и материал В. О. Пигулевского «*Эстетика касания*». Автор рассматривает такие вопросы, как касание как бытие в мире, касание как невербальное общение. Суть эстетики касания поверхностей в обеспечении комфорта существования, в сочетании красоты и пользы. Работа воображения в ситуации поглощенности тела стихиями мира рождает мечты, которые питают мифологию души. В этом плане эстетическое раскрывается как фантастическое. Дизайн нацелен на конструирование инструментов высокой чувствительности, поверхностей приятной осязательности и тактильной привлекательности. Семантика жеста и мимики становится подоплекой эстетики невербальной коммуникации – симпатии и антипатии, любви или ненависти, наслаждения и отвращения. В общении раскрывается весь спектр эстетико-психологических отношений – от наслаждения до отвращения, от боли и трагедии до радости и восхищения.

В статье С. Н. Сорокиной представлен анализ некоторых противоречий между проявлением дел милосердия и наполнением самого понятия новым ценностно-смысловым содержанием в условиях современного российского общества. Автор пришла к выводу, что в условиях современного общества воспитание милосердия, сочувствия необходимо осуществлять уже в раннем возрасте, когда формируются духовно-нравственные установки личности. Милосердные поступки в жизни человека способствуют его нравственному развитию, обретению духовной гармонии и спокойствия, веры в положительные изменения. Именно более глубокое изучение и исследование особенностей трансформации системы традиционных ценностей, составляющих ядро русской культуры, позволит выработать механизмы создания и укрепления в современном обществе идеалов милосердия, доброты, сострадания, гуманизма, оказания безвозмездной помощи.

Рубрика «*Теоретико-методологические проблемы социально-гуманитарного познания*» представлена работой И. В. Ситновой «*Клиническая социология как методология анализа общества риска*», в которой автор анализирует объект, предмет, методы и законы клинической социологии. Для создания методологии, которая позволила бы говорить об инструменте исследования общества риска, перед социологом стоит несколько задач: во-первых, определение и описание особенностей индивидуальных и коллективных реакций на экстремальную ситуацию; во-вторых, изучение частоты и структуры психических наращений; в-третьих, разработка вопросов организации профилактики специализированной социально-психологической помощи.

В разделе «*Высшее образование: проблемы и перспективы*» публикуем статью Е. Е. Кувшиновой и Н. Ж. Мявлиной «Опыт использования цифровых технологий в преподавании различных дисциплин студентам высшей школы». На примере двух московских вузов авторы продемонстрировали, как современные технологии внедряются в преподавание разных дисциплин – экономики и английского языка, выявили общие подходы вузов к использованию определенных программ и приложений. В данной работе авторы пришли к выводу, что часть инструментов нашла широкое применение в обучении, другие будут в дальнейшем встраиваться в образовательный процесс. В перспективе предполагается использование сквозных цифровых технологий во всех учебных дисциплинах.

В статье Р. И. Татаринцевой подробно рассматриваются значительные недостатки применения традиционных аудиторных методов преподавания в условиях дистанционного обучения, особенно в контексте проверки и контроля промежуточных и итоговых результатов обучения. Автор делает вывод об ограниченности применения дистанционного обучения в реальных условиях современности. В статье предлагаются важные вопросы и желательные варианты их решения и адаптации, а также базовые условия для внедрения дистанционного обучения, учитывая текущие возможности.

Рубрика «*Социально-политические и этнические процессы на Юге России*» представлена несколькими интересными работами. В частности Е. А. Гринченко выявляет факторы, детерминирующие социальные риски формирования этнических анклавов в условиях дезинтеграции полиэтнического пространства, а также предлагает ряд мер по оптимизации преодоления «деконсолидационных травм» в процессе фундированных интеракций мигрантов и автохтонного общества Российской Федерации.

Отметим в свою очередь статью М. Г. Магомедова об основных направлениях дискурса в отечественном социально-гуманитарном знании по вопросу экологически ориентированного поведения. В работе автор отмечает, что на сегодняшний день можно наблюдать конкретизацию исследований непосредственно экологического поведения и активизацию научных исследований в области социологической рефлексии указанной проблематики, а также более рельефно выступающий социально-политический аспект дискурса.

Автор Е. А. Шекера занимается изучением феномена правового плюрализма в Республике Дагестан, начиная с вхождения в состав Российской империи и до современного времени. Посредством анкетного опроса были выявлены некоторые элементы функционирования правового габитуса дагестанской молодежи, живущей в Санкт-Петербурге. Отмечается необходимость усиливать социальный контроль, основанный на внутригрупповой репутации.

Один из самых увлекательных и познавательных материалов представлен в рубрике «*Научная и культурная жизнь Юга России*» Л. А. Сурковой о бравом герое-атамане М. И. Платове. Автором была показана применимость категории «нематериальное наследие» к личности и свершениям атамана Платова, оценена его актуальность в современном социально-культурном контексте для патриотического воспитания.

И в заключении, в разделе «*Рецензии*», представляем материал В. Х. Акаева в соавторстве с А. К. Хадиковым «Достойный итог плодотворной научно-исследовательской деятельности. Рецензия на четырехтомник В. Д. Дзидзоева «Избранные труды» (Владикавказ: ВНЦ РАН, 2022. 2506 с.)». Авторы отмечают большой вклад В. Д. Дзидзоева в научное наследие поиска решения проблем национальной и федеративной политики Российской Федерации; вопросов межнациональных и межэтнических отношений на Кавказе; малоисследованных проблем выселения в годы Великой Отечественной войны советских народов, а также недостаточно исследованных аспектов их реабилитации.

Очень надеюсь, что данный номер вызовет неподдельный интерес у наших читателей и последующие материалы будут не менее познавательными и полезными в нашем научном поле. Мы всегда открыты для вас!

*Главный редактор журнала
«Гуманитарий Юга России»
Ю. Г. Волков*

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 316.4 + 314.04
DOI 10.18522/2227-8656.2023.3.1
EDN ВСН1AW

Научная статья

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ТУВЫ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

STRUCTURAL FEATURES OF THE SOCIAL WELL-BEING OF THE POPULATION OF TUVA: GENDER ASPECT

*Т. Г. Анисимова **

*T. G. Anisimova **

** Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук Москва, Россия*

** Institute of Sociologists of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences Moscow, Russia*

Цель исследования – изучение причин, детерминирующих процесс социального самочувствия людей, населяющих Туву, с учетом гендерной принадлежности. Именно от того, насколько стабильно и в какой мере удовлетворены потребности в пище и в безопасности, зависит социальное самочувствие граждан. В качестве проблемного поля мы рассматривали социально-экономические процессы, происходящие в обществе, в результате чего возникают предпосылки для нестабильности социального самочувствия различных слоев населения.

Objective of the study is to study the causes that determine the process of social well-being of people living in Tuva, taking into account gender. The social well-being of citizens depends on how stable and to what extent the needs for food and security are met. As a problem field, we considered the socio-economic processes taking place in society, as a result of which there are prerequisites for instability of the social well-being of various segments of the population.

Методологическая база исследования базируется на интеграции принципов междисциплинарных социально-гуманитарных исследований и интенций системного анализа, который позволяет интегрировать возможности аналитики в различных сторонах социально-инвестиционной деятельности.

The methodological basis of the research is based on the integration of the principles of interdisciplinary social and humanitarian research and the intentions of system analysis, which allows integrating the capabilities of analytics in various aspects of social and investment activities. The analysis of the factors

© Анисимова Т. Г., 2023

Анализ факторов социального самочувствия был выполнен на основе методологического подхода, предложенного французским социологом Ж.-П. Пажесом (1991), автором конструктивистской теории общественного мнения. Была сформирована матрица исходных данных, основанная на воспроизведении двух генеральных совокупностей – респондентов и социальных проблем.

Результаты исследования. Результаты исследования. В итоге становится очевидным, что гендерные различия имеют важное значение в процессе формирования социального самочувствия. Гендерная принадлежность детерминирует существенную дифференциацию населения по восприятию своего положения в обществе и, соответственно, эмоциональное реагирование на данную ситуацию. Особое внимание было уделено социальным группам, наиболее уязвимым с точки зрения социального самочувствия. Для выявления этих групп были разработаны критерии положительного, удовлетворительного и неблагоприятного социального самочувствия. Дана характеристика каждой из этих групп с точки зрения социальных условий существования. Хотя представители обеих гендерных групп находились под воздействием одних и тех же социальных факторов, мы наблюдаем существенные различия в их социальном самочувствии. У женщин оно обусловлено их внутренними психологическими проблемами, женщины более остро переживают физическое недомогание, более эмоционально реагируют на различные жизненные ситуации. Мужчины воспринимают проблемы противоположным образом, не замыкаясь на негативных переживаниях, а более фокусируя внимание, например, на физической деятельности. Результаты нашего анализа в полной мере согласуются с распределением гендерных ролей в современном обществе, где фактор деятельности и поступка для мужчин является более значимым, нежели эмоционально-психологический, определяющий не действие, а состояние.

of social well-being was carried out on the basis of a methodological approach proposed by a French sociologist J.-P. Pages (1991), the author of the constructivist theory of public opinion. A matrix of initial data was formed based on the reproduction of two general aggregates – respondents and social problems.

Research results. As a result, it becomes obvious that gender differences are important in the process of forming social well-being. Gender identity determines a significant differentiation of the population in terms of perception of their position in society and, accordingly, emotional response to this situation. Special attention was paid to the social groups most vulnerable from the point of view of social well-being. To identify these groups, criteria for positive, satisfactory and unfavorable social well-being were developed. The characteristic of each of these groups from the point of view of social conditions of existence is given. Although representatives of both gender groups were influenced by the same social factors, we observe significant differences in their social well-being. In women, it is caused by their internal psychological problems, women experience physical malaise more acutely, react more emotionally to various life situations. Men perceive problems in the opposite way, not focusing on negative experiences, but focusing more on, for example, physical activity. The results of our analysis are fully consistent with the distribution of gender roles in modern society, where the factor of activity and action for men is more significant than the emotional and psychological one, which is not a factor of action, but of state.

Перспективы исследования. Закономерности, выявленные в ходе социологического исследования, могут учитываться при разработке социально-экономических программ, а также мероприятий социальной политики, в которой должен учитываться гендерный подход.

Ключевые слова: социологический анализ, социальная детерминация, Республика Тыва, проблема бедности, критерии социального самочувствия, гендерная принадлежность, Ж.-П. Пажес.

Prospects of the study. The patterns identified during the sociological research can be taken into account when developing socio-economic programs, as well as social policy measures that should take into account the gender approach.

Keywords: sociological analysis, social determination, Republic of Tuva, the problem of poverty, criteria of social well-being, gender identity, J.-P. Pages.

Введение

Трансформация общества на основе набирающих динамику социально-экономических преобразований вызывает целую цепь изменений, прежде всего в системе трудовых отношений, а затем в привычном образе и качестве жизни. Всё это требует адекватной социальной политики, которая, в свою очередь, влияет как на экономику страны и развитие производства, так и на социально-психологический климат в обществе.

В результате возникают предпосылки для нестабильности социального самочувствия различных слоев населения.

Внимание к проблеме социального самочувствия граждан обусловлено социальной политикой государства и поставленными им задачами по улучшению благосостояния населения. Ведь именно социальное самочувствие является одним из важных показателей качества жизни населения и такой характеристикой, по которой судят о состоянии региона как объекта государственного управления: показателем эффективности действий органов государственной власти и, как следствие, критерием стабильности государственной системы.

Социологические исследования, проводимые в этой области, опираются на данные, связанные с вопросами семейного уклада, наличия жилплощади, трудовой занятости, образования. Можно с уверенностью сказать, что существует разница в восприятии различных социальных условий, обусловленная гендерными отличиями. Эта разница усугубляется в зависимости от того, какая культура преобладает в определенном обществе.

Наш интерес к вопросу социального самочувствия населения Тувы определен «проблемой бедности региона и задач, связанных с повышением качества жизни россиян, характерных для уровня развитых эконо-

мик»¹. Обращение к теме социального самочувствия продиктовано противоречиями между сложившимися социальными условиями в регионе и актуальными потребностями граждан, от степени удовлетворения которых зависит то, насколько комфортно людям жить в данном регионе.

Численность жителей моложе трудоспособного возраста, или 16 лет, на начало 2021 года увеличилась до 112,6 тысячи человек – это 34,1 % от общей численности населения (в России – 18,7). Трудоспособное население также росло и сегодня составляет 180,8 тысячи человек, или 54,7 %. Сегодня средний возраст населения Тувы – 30 лет. Это более чем на 10 лет моложе среднего возраста россиян в целом – 40,4 года. Доля женщин на начало 2021 года составила 52,1 %, или 1087 на каждую тысячу мужчин (в РФ – 1154). При этом почти половина женщин, более 80 тысяч, фертильного возраста – от 15 до 49 лет².

Методы и исследования

В социальной психологии нет универсального определения социального самочувствия, разделяемого всеми исследователями. Наиболее близким и содержательным для наших исследовательских задач является определение социального самочувствия как «целостного социально-психологического состояния, в котором зафиксировано временное эмоционально-оценочное отношение человека, социальной группы к содержанию и условиям их жизнедеятельности»; а также их поведенческие образцы (Лепешкин, 2004. С. 41). В социологии оно появилось относительно недавно и пришло сюда из психологии.

Исходя из определения, мы представляем самочувствие как динамичный процесс, имеющий сложную структуру, в которой отражается вся иерархия потребностей представителя социума; при этом различные уровни этих потребностей находятся в разной степени актуализации в зависимости от их удовлетворения.

Удовлетворенность базовых потребностей формирует чувство защищенности, уверенное представление о завтрашнем дне, социальный оптимизм. Удовлетворенность потребностей сопричастности, коммуникаций, престижа власти и уважения, наконец, самовыражения – либо неудовлетворенность – всё это влияет на эмоционально-оценочное состояние социальных групп.

¹ Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (распоряжение Правительства Российской Федерации № 1662-р от 07.11.2008); Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг. (Указ Президента Российской Федерации № 761 от 01.06.2012); Госпрограмме «Социальная поддержка граждан» (Постановление Правительства Российской Федерации № 296 от 15.04.2014).

² Статистический ежегодник Республики Тыва. 2021 // Красноярскстат : [сайт]. URL: <https://krasstat.gks.ru> (дата обращения : 22.03.2023).

Отдельным вопросом является процесс адаптации социальной группы к социальной среде и та роль, которую играет социальное самочувствие в процессе адаптации.

Удовлетворенность основных групп потребностей, построенная на этом адаптация к социальной среде оказывают огромное влияние на групповое сознание, отражающее процесс того, как люди осознают окружающую действительность, свою роль в окружающем мире.

В свою очередь, изменения в самосознании влияют на социальное поведение людей, взаимодействие в группе и в обществе в целом. Анализ сферы сознания позволяет нам понять мотивы поведения людей, дает возможность всестороннего диагностирования проблем, возникающих у людей в ходе решения их бытовых вопросов, в их трудовой деятельности, в процессе взаимодействия с коллективом.

Мы рассматриваем процесс социального самочувствия населения Республики Тыва в контексте социальных отношений и множества условий, детерминирующих социальное самочувствие различных категорий граждан.

Целью нашего исследования являлось выявление факторов положительного влияющих, на уровень социального самочувствия граждан, населяющих Туву и негативных.

Особое внимание было уделено социальным группам, наиболее уязвимым с точки зрения социального самочувствия. Для выявления этих групп следовало разработать критерии положительного, удовлетворительного и неблагоприятного социального самочувствия, охарактеризовать эти группы с точки зрения социальных условий существования. В этой связи нас, прежде всего, интересовали изменения социокультурного и духовного облика граждан под влиянием различных процессов, происходящих в данном регионе. В соответствии с целью исследования мы уделили особенное внимание тому, какие оценки и характеристики дают граждане, населяющие Туву, своим ощущениям и настроению. Наше внимание к этим особенностям при оценке социального самочувствия позволило достичь уровня верификации, необходимого для теоретико-прикладных и эмпирических данных.

В данном сообщении мы приведем лишь некоторые факторы, детерминирующие социальное самочувствие граждан, населяющих Туву, с учетом гендерной составляющей.

В перечень предметов изучения, затрагивающих проблемное пространство социального самочувствия, мы включили вопросы о причинах и свойствах, детерминирующих процесс социального тувинцев. Именно от того, насколько стабильно и в какой мере удовлетворены потребности в пище и безопасности, зависит социальное самочувствие граждан.

В результате анализа выделенных детерминант фактором, в наибольшей степени оказывающим влияние на социальное самочувствие граждан, явля-

ется «уровень обеспеченности семьи». Так, по данным опроса, 77,6 % мужчин причисляют свою семью к группе материально обеспеченных граждан, 19,4 % – к группе малообеспеченных и по 1,5 % равно относят свои семьи к группам бедных и богатых. В отличие от мужчин, только 55,1 % женщин считают, что живут в обеспеченной семье, 39,1 % – в малообеспеченной, и по 2,2 % относят свои семьи к группе бедных и к группе богатых. Количество женщин, которые считают свою семью малообеспеченной, значительно отличается от оценки мужской части населения, соответственно 39,1 % и 19,4 %. В «бедных» и «богатых» семьях обе стороны совпадают в оценке материального положения семьи.

Анализ данных методом выявления зависимостей между разными переменными позволил сопоставить оценки ключевых признаков социального самочувствия и получить два отличающихся социальных портрета – мужчин и женщин.

И мужчины, и женщины показывают достаточно высокий уровень удовлетворенности жизнью, хотя женщины чуть более оптимистичны (табл. 1).

Таблица 1

*Можете ли вы про себя сказать:
«Мне нравится моя сегодняшняя жизнь»? (%)*

Ответ	Мужчины	Женщины	Всего
Да	89,1	91,0	90,1
Нет	10,9	9,0	9,9

Тестирование по критерию Хи-квадрат Пирсона показало наличие зависимости между гендерной принадлежностью и оценкой обеспеченности семьи (табл. 2).

Таблица 2

Оцените уровень обеспеченности вашей семьи (%)

Обеспеченность семьи	Мужчины	Женщины	Всего
Высокообеспеченная, богатая	1,5	2,9	2,2
Обеспеченная	77,6	55,1	66,2
Малообеспеченная	19,4	39,1	29,4
Бедная	1,5	2,9	2,2

Однако уже при оценке уровня обеспеченности семьи гендерный аспект достаточно рельефно усиливается. Большая часть респондентов относит свои семьи к обеспеченным (66,2 %) и малообеспеченным (29,4 %), лишь 4,4 % в сумме относят себя либо к богатым, либо к бедным. И если мужчины склонны завышать уровень обеспеченности, то женщины чаще занижают этот показатель.

Оказывается, структура обеспеченности оценивается по-разному. 83,1 % мужчин ответили положительно на вопрос «Хватает ли вам денег, чтобы хорошо питаться?», но у женщин процент положительных ответов значительно меньше – 73,5.

Более весомым фактором, демонстрирующим уровень обеспеченности семьи, для женщины считают и возможность «прилично одеваться» (табл. 3).

Таблица 3

Хватает ли вам денег, чтобы прилично одеваться? (%)

Ответ	Мужчины	Женщины	Всего
Да	53,1	41,5	47,3
Частично	42,2	47,7	45,0
Нет	4,7	10,8	7,8

И уж совсем катастрофической выглядит разница мнений мужчин и женщин относительно нехватки денег на отдых (табл. 4).

Таблица 4

Хватает ли вам денег, чтобы отдыхать, как хочется? (%)

Ответ	Мужчины	Женщины	Всего
Да	34,9	22,4	28,5
Частично	44,4	31,3	37,7
Нет	20,6	46,3	33,8

Наиболее важным фактором, на основании которого можно судить об актуальности для граждан удовлетворения их материальных потребностей, является, в частности, то, насколько успешно решаются вопросы обеспечения населения жильем. Другим показателем, влияющим на социальное самочувствие, хотя и менее значимым, является то, в каком домовладении проживает семья. По результатам опроса мы можем видеть следующее: 76,1 % мужчин и 53,6 % женщин ответили, что проживают в собственной квартире или доме; 4,5 % (м) и 18,8 % (ж), соответственно – в общежитии; 4,5 % (м) и 13 % (ж) – снимают жилплощадь; 9 % (м) и 10,1 % (ж) – проживают с родственниками. Как мы видим, мужчины в обоих случаях более высоко, чем женщины, оценивают свое благосостояние и условия проживания.

Характерно, что и в процессе тестирования бытовых условий мужчины оценивают условия проживания как «хорошие» (53,7 %) и значительно реже как «плохие» (1,5 %). 44,9 % женщин считают свои бытовые условия хорошими и 8,7 % – плохими.

Одним из факторов, как детерминирующим, так и являющимся показателем социального самочувствия, является участие в общественной

работе граждан, проживающих в данном населенном пункте. Несмотря на то, что участие в общественных мероприятиях говорит скорее о хорошем социальном настроении. По результатам нашего опроса, включены в общественную жизнь 75,4 % мужской части населения района и 71 % женщин. Такое единодушие можно объяснить тем, что до настоящего времени тувинский народ проводит мероприятия, отражающие их гражданство и религию. Жизнь и мужчин, и женщин насыщена совместным ритуалами и в повседневности, и в дни, приуроченные к определенным событиям.

Проведенные нами ранее исследования социального самочувствия различных групп лиц фиксируют отрицательную корреляцию между показателем «здоровье» и отрицательным самочувствием: низкий уровень показателя «здоровье» определяет более высокую вероятность неудовлетворительного социального самочувствия. Полученные нами результаты подтверждают это положение и позволяют отнести плохие условия жизни и плохое здоровье к групповым факторам риска сниженного уровня социального самочувствия. Состояние своего здоровья в настоящее время считают «хорошим» 65,7 % мужчин и всего 3 % оценивают физическое самочувствие как «плохое». В отличие от сильного пола, всего 47,8 % женщин чувствуют себя «хорошо» и 14,5 % – «плохо».

В качестве полярных признаков, определяющих социальное самочувствие граждан, были использованы некоторые вопросы анкеты и соответствующие варианты ответов. Прежде всего, это ответы на вопросы, отражающие поведенческие рефлексии людей как результат их социального самочувствия: Можете ли вы про себя сказать: «Мне нравится моя сегодняшняя жизнь»; «Я часто погружаюсь в невеселые размышления»; «Мне кажется, что я ничего не умею делать хорошо»; «Я чувствую себя человеком на своем месте»; «Я часто чувствую сильное одиночество»; «Я уверен, что у меня все получится»; «Я часто чувствую себя несчастным».

Выводы

Независимо от сходства факторных структур социального самочувствия мужчин и женщин, мы видим и существенные различия. Социальное самочувствие женщин обусловлено их внутренними психологическими проблемами, женщины более остро переживают физическое недомогание, более эмоционально реагируют на различные жизненные ситуации. Можно сказать, что социальное самочувствие женщин определяется «духовной» составляющей.

Мужчины больше концентрируются на физической активности, пытаются таким образом не замыкаться на негативных переживаниях, не «уходить в себя». То есть «деятельностный» фактор для мужчин оказался более значимым, нежели психологический. Результаты нашего анализа вполне согласу-

ются с гендерными ролями, которыми традиционно наделяют мужчин и женщин в современном социуме.

Полученные результаты позволят перейти к решению следующего важного вопроса – разработке типологии населения Тувы по комплексу факторов социального самочувствия.

Список источников

Лепешкин Н. Я. Социальное самочувствие населения на современном этапе трансформации российского общества: Региональный аспект: автореф. дис. ... канд. социологических наук: 22.00.04 / Н. Я. Лепешкин; Хабар. гос. техн. ун-т. – Хабаровск, 2004. – 22 с.

Пажес Ж.-П. Конфликты и общественное мнение. Новая попытка объединить социологов и математиков / Ж.-П. Пажес // Социологические исследования. – 1991. – № 7. – С. 107–115.

Для цитирования: Анисимова Т. Г. Структурные особенности социального самочувствия населения Тувы: гендерный аспект // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 3 (61). – С. 13–21.
DOI 10.18522/2227-8656.2023.3.1
EDN ВСН1AW

Сведения об авторе

Анисимова Татьяна Германовна
доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник центра
исследования социальной структуры
и социального расслоения Института
социологии ФНИСЦ РАН
anissimova07@gmail

References

Lepeshkin N. Ya. (2004) Social self-purification on this joint transformation of Russian society: Regional aspect: synopsis of a thesis for the degree of PhD in Sociological sciences: 22.00.04 / N. Ya. Lepeshkin; Khabarovsk State Technical University. – Khabarovsk. – 22 p.

Pages J.-P. (1991) Conflicts and public opinion. A new attempt to unite sociologists and mathematicians / J.-P. Pages // Sociological Research. – 1991. – No. 7. – Pp. 107–115.

История статьи:

Поступила в редакцию – 14.04.2023

Получена в доработанном виде –
26.05.2023

Одобрена – 28.06.2023

Information about author

Tatiana G. Anisimova
Doctor of Sociological Sciences, Leading
Researcher at the Center for Research on
Social Structure and Social Stratification of
the Institute of Sociologists of the Federal
Scientific Research Center of the Russian
Academy of Sciences
anissimova07@gmail

УДК 327. + 355.01 + 316.4
DOI 10.18522/2227-8656.2023.3.2
EDN BGTTFW

Научная статья

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА В ОБЩЕСТВЕ ПОСТМОДЕРНА: ПРОБЛЕМА КЛАССИФИЦИРОВАНИЯ

INFORMATION WAR IN POSTMODERN SOCIETY: THE PROBLEM OF CLASSIFICATION

*Г. И. Колесникова **

*G. I. Kolesnikova **

** Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», Донецк, Донецкая Народная Республика, Россия*

** Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky", Donetsk, Donetsk Public Republic, Russia*

Цель исследования заключается в рассмотрении особенностей ведения информационных войн в обществе постмодерна и специфики их классифицирования.

Objective of the study is to consider the peculiarities of conducting information wars in postmodern society and the specifics of their classification.

Методологическая база исследования. Проблема классифицирования информационных войн в обществе постмодерна базируется на работах зарубежных и отечественных ученых, исследовавших проблемы информационных войн (Гарольд Лассуэлл, Мартин Либки, В. Г. Афанасьев, Д. А. Волкогонов), их классифицирования (Д. Деннинг, П. Лазерсфельд и Р. Мертон, А. В. Манойло, Ю. П. Сурмин, Н. В. Туленков) и содержательного наполнения определяющего их понятия (Мартин Либки, Г. Г. Почепцов).

The methodological basis of the research. The problem of classifying information wars in postmodern society is based on the works of foreign and domestic scientists who have studied the problems of information wars (Harold Lasswell, Martin Libiki, V. G. Afanasyev, D. A. Volkogonov), their classification (D. Denning, P. Lazarsfeld and R. Merton, A. V. Manoilo, Yu. P. Surmin, N. V. Tulenkov) and the content of the concept defining them (Martin Libiki, G. G. Pocheptsov).

Результаты исследования. В работе делается вывод: поскольку у всех видов войн, выделяемых в современном научном пространстве, есть одно общее оружие – информация,

Research results. The paper concludes: since all types of wars distinguished in the modern scientific space have one common weapon – information, then we can only talk about one

© Колесникова Г. И., 2023

то можно говорить только об одной форме войны – информационной, все остальные – ее подвиды, которые должны выстраиваться в классификационной системе исходя из дополнительных составляющих. Выделены методы, примененные на Украине для трансформации сознания населения в сторону радикального национализма. Указано, что у системы образования, в контексте реалий современности, сформировалась новая задача – воспитание типа личности, обладающего знаниями и навыками, позволяющими противодействовать информационному воздействию.

Перспективы исследования связаны с последующим изучением особенностей информационной войны и использованием полученных результатов для создания проектов по противодействию информационному воздействию на всех уровнях.

Ключевые слова: война, информационная война, управление сознанием, манипуляция, Донбасс, Украина, военный конфликт, будущее, образование.

form of war – information, all the others are its subspecies, which should be built in the classification system based on additional components. The methods used in Ukraine to transform the consciousness of the population towards radical nationalism are highlighted. It is indicated that the education system, in the context of the realities of modernity, has formed a new task – the education of a personality type with knowledge and skills that allow to counteract the information impact.

Prospects of the study are connected with the subsequent study of the features of the information war and the use of the results obtained to create projects to counter information influence at all levels.

Keywords: war, information war, mind control, manipulation, Donbass, Ukraine, military conflict, future, education.

Русские: надо жить мирно.

Генерал США: русских надо убивать!

Чешский депутат: русских надо сжигать!

Западные СМИ: русские разжигают ненависть!

© Филипп Масловский

Введение

В современной научной мысли принято размышлять об информационных, сетевых, гибридных войнах. Однако у всех этих разновидностей есть общее оружие: информация. Исходя из этого можно говорить об одной форме¹ – информационной войне по «превращению» сознания населения посредством манипуляции. Собственно, «формы-виды-типы» и их соотношение и взаимозависимость подробно рассмотрены в другой работе автора, посвященной исследованию социального механизма манипуляции сознанием личности. Здесь же наиболее уместна иллюстрация данного феномена: во время военных действий США в Корею в 1950–1951 годах (Корейская война) в США

¹ Примечание: «формы-виды-типы» – их соотношение и взаимозависимость.

этот конфликт формально считался не войной, а «полицейской операцией»; в КНДР – «Отечественной Освободительной войной»; в КНР – «войной против Америки для поддержки корейского народа». Кто и зачем ведет информационную войну – можно рассматривать в разных концепциях, например, конспирологической. Или присоединиться к позиции Т. Мора, который писал: «Существующее общество есть, по сути, заговор богатых против всех членов общества» (Мор, 2018). Маркс, в свою очередь, тонко подметил, что отчуждение труда, особенно бурное после промышленной революции и вступления общества в фазу капиталистического развития, которое, кстати, всё тот же Маркс признавал только в качестве ступени к подлинному обществу – коммунистическому, есть первый шаг к порабощению Человека, так как отчужденный труд опустошает его, перекрывая доступ к творческому началу, то есть в таком виде труда человек «не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свой дух» (Маркс, 1844. С. 85). Однако в данной статье проблема концентрируется не на «кто?», а «что?» и «как?».

Основная часть. Степень научной разработанности темы

В мире постмодерна, оснащенного новыми технологиями, несущими облегчение труда и быта, есть и обратная сторона, заключающаяся в расширении спектра возможностей манипуляцией/управлением сознанием как отдельного человека, так и групп, и масс.

Исследование манипуляции/управления и информационной войны в научном пространстве стало набирать интенсивность начиная со второй половины XX века, включая в себя и теоретический анализ, и изучение практических приемов и техник воздействия на сознание (технологический подход). Со временем также приобрел популярность и синтетический подход, концентрирующий внимание на описании реальных примеров манипуляции сознанием из истории с их последующим анализом. Развитие средств массовой информации вызвало акцентирование внимания на поиске универсального механизма, одним из примеров которого может служить «Окно Овертона». Исследуя данную проблему, автор пришел к выявлению не только универсального механизма манипуляции сознанием и противодействия ему, но и формулированию определения манипуляции сознанием, включающего в себя три составляющие, только совокупность которых позволяет говорить о том, что в данном моменте мы имеем дело именно с этим феноменом: «исторически обусловленный феномен, имеющий структуру, состоящую из 1) цели, заключающейся в инициировании определен-

ного типа поведения у личности без учета ее интересов, 2) тайных методов воздействия на сознание личности, 3) собственно процесса осуществления воздействия на сознание личности, выполняющего корректирующую, мотивирующую, направляющую функции в системе управления» (Колесникова, 2010. С. 84). Другим побочным эффектом от развития технологий и СМИ стало появление новой разновидности войн, получивших название сетевых/сетевых/сетевых, суть которых, по мнению исследователей, заключается в объединении в единую сеть всех участников военных действий при помощи полученного при помощи специальных методов и техник инфокоммуникационного первенства (А. Себровски и Дж. Гарстка). В качестве примера успешно проведенных США сетевых/сетевых войн некоторые исследователи приводят события, произошедшие в 90-е годы XX века в странах постсоветского пространства. Подробно ключевые теоретические положения данной концепции на примере военных операций в Ливии были рассмотрены Я. А. Чижевским (Чижевский, 2019).

Таким образом, **новизна темы исследования** обусловлена тем, что, исходя из анализа научной литературы, стало явным следующее обстоятельство: классификация видов войн в обществе постмодерна отличается мозаичностью. Исходя из этого **цель статьи** заключается в концептуальном анализе феномена информационной войны в обществе постмодерна и поиске нового основания для построения классификационной системы.

Достижение цели предполагается осуществить через последовательное решение ряда задач: 1) провести анализ ключевых моментов в теоретических исследованиях, посвященных применению информации при управлении сознанием; 2) дать краткую характеристику основных элементов, составляющих базис теоретических исследований, посвященных изучению современных видов войн; 3) сквозь призму полученных данных при решении первой и второй задачи рассмотреть специфику воздействия на сознание населения украинской политической элитой.

Теоретико-методологической базой исследования проблемы концептуального анализа феномена информационной войны в обществе постмодерна и поиска нового основания для построения классификационной системы стали работы отечественных и зарубежных исследователей по проблемам социально-философского осмысления феномена войны (Арон, 2000; Бэттлер 2008; К. Клаузевиц, 1989, 2009), классифицирования видов войн и новых подходов к пониманию их отдельных видов (Либики, 1995; Лассуэлл, 1929; Манойло, 2009; Klark, 2011); доминирования и значения информации при современном противостоянии как в мирное время, так и в периоды ведения боевых действий (Афанасьев, 1975; Волкогонов, 1984; Cronin, Crawford, 1999).

Обсуждение

При анализе определений психологической (воздействие на психику противника при помощи информации и иных средств как в мирное время, так и во время ведения боевых действий с целью деморализации), поведенческой (изменение поведения людей при помощи манипулятивных технологий с сохранением у них иллюзии в самостоятельности выбора тех или иных поведенческих стратегий), сетевой/сетевцентрической (организация управления действиями войск/сил, ориентированная на достижение информационного превосходства с целью увеличения их боевой силы в результате формирования единой информационно-коммутиционной сети) войн, становится явным, что в качестве их центрального элемента выступает информация. При этом существует и отдельное понятие «информационная»/«информационно-психологическая» война, а авторы, ее исследующие (Завадский, Г. Почепцов, А. В. Манойло), предлагают свое видение как собственно конкретизации данного понятия, так и его структурных и тактических элементов (Володенков, Митева, 2016; Журавлева и др., 2022; Самохин, 2022). Наиболее адекватным, с точки зрения автора статьи, поскольку включает в себя весь спектр составляющих данный феномен нюансов, является следующее определение информационной войны: «Информационная война – это комплекс мероприятий по информационному воздействию на массовое сознание в условиях информационной открытости для изменения поведения людей и навязывания им целей, которые не входят в число их интересов» (Зеркалов, 2012. С. 32).

То есть у всех определений различных видов войн обнаруживается общий базис – информация, используемая либо для изменения восприятия сознанием противника отдельных событий (например, роль России во Второй мировой войне), либо полностью сознания масс (например, трансформация сознания украинцев) с целью изменения их поведения для достижения поставленной стороной воздействия цели, либо стратегий поведения в результате изменения установок под влиянием информационного воздействия (например, начавшаяся волна гонений на русских на основании национального признака на Западе). И это коррелируется с сущностью манипуляционного воздействия. В принципе на это указывал еще В. Г. Афанасьев в своей работе «Социальная информация и управление обществом»: «Главный прием манипулирования, используемый средствами массовой информации, – маскировка действительности, и прежде всего маскировка классового характера капиталистического общества. В этих целях широко используются такие понятия, как “социальное партнерство”, “плюралистическое общество” и др. Общественные события персонифицируются; крупные социально-политические проблемы сводятся к анализу личных качеств политических деятелей, их увлечений, просчетов, ошибок; общественные конфликты трактуются как

конфликты личные и т. д.» (Афанасьев, 1975. С. 356). При этом в качестве первичной локальной цели поражения выступает именно сознание личности, интегрированное в сознание общественное, которые, соединенные подобно сообщающимся сосудам, исподволь перекодируют друг друга; промежуточной целью – «формирование модели поведения друзей, нейтральных сил и врагов в ситуации мира, кризиса и войны» (Smith, 2002) для создания ситуации полного управления и контроля над всеми имеющимися и потенциальными игроками политических и военных действий с учетом всех вероятностных изменений ситуации (Дугин, 2007). Одной из составляющих в данной «игре» выступает подготовка и осуществление цветных революций (Колесникова, 2021; Тлепцок, 2019). В принципе всё вышеперечисленное укладывается в мысль Фрейда о том, что основная часть действительно реального скрытого внутри нас не осознается, а основная часть осознаваемого нами нереально, которая и дает ключ к вскрытию механизма управления сознанием в системе ведения информационных/психологических/сетевых/поведенческих войн, «универсалии процесса которого проникают в индивидуальное бессознательное, минуя сознание “отвлеченное” псевдоцелью, а затем “выныривают” из него в социальной части личностного сознания, воздействуя через рационализацию на общественное сознание в детерминированной социальной среде, направляя поведение, мысли и чувства людей в уготованное манипуляторами русло» (Колесникова, 2022. С. 149).

На современном этапе ряд исследователей, заметив разнородность существующих классификаций (цели войны, масштаб, средства), стали выдвигать свои идеи, направленные на их упорядочивание. Так А. Н. Гулевский, введя понятия «сила» и «социальная сила», выделил следующие виды войн: «1) войны сильных против слабых; 2) сильных против сильных; 3) слабых против слабых» (Гулевский, 2021). Кроме того, автор, исходя из предложенных им ключевых понятий, предлагает и ряд других классификаций: на основании различия численности применяемых сил и доминирующего вида оружия. Дополнение уже к классификации именно информационных войн с позиции политической психологии было предложено Н. Р. Красовской и А. А. Гуляевым, а именно: «в качестве первичного деления информационных войн мы берем такое основание, как мирный/военный, а также духовный/технический. В этом случае информационные войны делятся на два главных типа – психологическая война и кибервойна» (Красовская, Гуляев, 2019. С. 53). Как наиболее опасный вид войны – информационно-техническую – квалифицирует в своей работе И. А. Крылова (Крылова, 2016). То есть предложенные классификации фактически пересекаются с ранее предложенными видами войн.

Таким образом, исходя из анализа научной литературы по заявленной теме, мы можем сделать заключение: все современные виды войн и их клас-

сификации (информационные, психологические, поведенческие, сетевые, гибридные и т. д.) включают в себя информацию, наличие которой хотя и варьируется в различных пропорциональных соотношениях с остальными составляющими в разных видах войн, но выступает обязательным элементом. На основании этого мы считаем возможным сделать вывод: в обществе постмодерна существует только одна форма войны – информационная, все остальные – ее подвиды, которые должны выстраиваться в классификационной системе исходя из дополнительных составляющих.

Кроме того, в результате анализа теоретических и практико-ориентированных мнений, приведенного выше, автором выявлен универсальный алгоритм, используемый при организации воздействия (манипуляционного влияния) на сознание населения в системе ведения информационных/информационно-психологических/сетевых войн и состоящий из трех, последовательно сменяющих друг друга этапов: «Этап 1. Детерминация социального пространства через насыщение его при помощи специальных методов информацией исходя из цели воздействия. Этап 2. Индивидуальное сознание личности, воспринимая информацию, воздействует на социальное сознание. Этап 3. Социальное сознание, в свою очередь, производит перестройку сознания индивидуального. В результате “перестройки” индивидуального сознания личность попадает в жестко детерминированную социальную среду, сохраняя при этом уверенность, что ее деятельность носит самостоятельный характер» (Колесникова, 2017. С. 313). Эффективность данного универсального алгоритма в информационной войне обусловлена тем, что активизирует в сознании человека, в зависимости от его типа, один из механизмов: либо страх, который имеет биологическую основу и является сильнодействующим регулятором поведения, либо псевдоинтеллектуализацию. Коварность последнего обусловлена тем фактом, что все мысли, чувства и решения воспринимаются как собственные, в то время как они являются чуждыми, то есть внедренными в сознание через рудиментные слои бессознательного и эмоциональную составляющую. При этом рудиментные слои бессознательного активизируются через архетипы, символы, семантику, а также знаковые системы. При этом значение неосознаваемой мотивации в программировании поведения было доказано еще А. Смитом, когда он писал о том, что преследуя свои собственные интересы, «экономический человек» часто более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится служить им. Данный вывод согласуется с мнением К. Юнга, подчеркивавшего превалирующее значение социума в возникновении массовых неврозов, что в свою очередь коррелируется с манипуляциями общественным сознанием в системе ведения информационной войны (Колесникова, 2016). Ярким примером верности данных тезисов в обществе постмодерна

может служить массовый националистический психоз, охвативший украинцев в период с 2014 по 2022 год, вынудивший РФ начать военную операцию.

В качестве дополнительного аргумента предложенного автором подхода к классификации войн в обществе постмодерна можно продемонстрировать анализ сквозь его призму современной ситуации на Украине. На наш взгляд, очевидно, что военное противостояние, начавшееся с 2014 года между Украиной и Донбассом, не могло возникнуть без длительного предварительного воздействия на сознание граждан. Украинская политическая элита при зомбировании своего населения использовала общую схему, внутри которой использовались как различные классические приемы, например, дезинформация (например, в школьных учебниках по истории украинцы преподносились как несправедливо гонимая русскими нация), так и новейшие техники, например, «самоманипуляция», и стратегии, например, «ведение роя»: ««самоманипуляция» – это предоставление псевдообъективной информации относительно какого-либо планируемого события/действия/мероприятия, как правило, негативного характера, повторение которой производит перестройку восприятия данного события/действия/мероприятия в сознании личности в сторону, нужную манипуляторам <...> Стратегия “ведение роя” (представляет собой) ... технологию стирания способности у личности к самостоятельному мышлению и созданию на этой основе управляемого децентрализованного “роя”. Отличительной чертой технологии “ведение роя” от иных технологий управления сознанием является неосознавание “роем” (Beni, Wang, 2015) сути происходящего и пребывание в иллюзии самостоятельности и автономности» (Колесникова, 2020. С. 133). Однако большинство примененных стратегий и техник были сформированы на основе одного из наиболее «древних» принципов – склонности сознания к мифологизации окружающего пространства: «...миф всегда трактовался как результат бессознательной деятельности и как продукт свободной игры воображения. Но здесь миф создается в соответствии с планом. Новые политические мифы не возникают спонтанно, они не являются диким плодом необузданного воображения. Напротив, они представляют собой искусственные творения, созданные умелыми и ловкими “мастерами”. Нашему XX веку – великой эпохе технической цивилизации – суждено было создать и новую технику мифа <...> Методы подавления и принуждения всегда использовались в политической жизни. Но в большинстве случаев эти методы ориентировались на “материальные” результаты. Даже наиболее суровые деспотические режимы удовлетворялись лишь навязыванием человеку определенных правил действия. Они не интересовались чувствами и мыслями людей» (Кассирер, 1990. С. 65). Таким образом, не удивительно что мифологизация массового сознания активно использовалась правящей украинской элитой с момента

прихода к власти, так как в результате возникшей социально-политической и экономической ситуации возникла крайняя необходимость, с одной стороны, оправдать крайнюю степень низкого уровня жизни большинства населения, с другой – обосновать выбранный политический курс задействовав для этого все имеющиеся ресурсы, включая СМИ (Кашук, 2009).

В техниках, применяемых правящей украинской элитой для осуществления цели, а именно, аргументации важности демократических и экономических/рыночных изменений и декларировании национализма вместо идеи имперского патернализма, можно выделить мифы, направленные на дискредитацию 1) советской власти («миф о демонизации социалистической модели»); 2) «мифы о криминализованности русских»; 3) «миф о русских как о враге» и 4) мифы, пропагандирующие новый демократический строй («миф свободного рынка»); 5) «миф об особом украинском пути достижения демократии»; 6) «миф о культе личности украинского национального лидера как основе национальной идеи». При этом наиболее активно применяли мифологизацию сознания для трансформации сознания населения Украины в сторону возникновения массового радикального национализма как мировоззренческого феномена. Успеху данного замысла, по мнению В. Ю. Даренского (Даренский, 2016), в большой степени поспособствовало наличие у украинцев невротического коллективного нарциссизма и чувства неполноценности, появившихся вследствие упадка этнокультурной общности украинцев с ее последующей маргинализацией. В результате у добравшихся до власти радикальных националистов получилось путем жесткого информационного воздействия на сознание масс средствами СМИ «вовлечь и «канализировать» в деструктивный процесс миллионы граждан Украины... [и, тем самым] ... вывести процесс осознания национальной идентичности граждан на “уровень действий” и эффективно использовать его в качестве инструмента негативной пропаганды» (Кондратов, Розанов, 2017).

Как показал негативный по последствиям, как для украинцев, так и, фактически, для всех вовлеченных в ситуацию сторон, наиболее эффективными в информационной войне являются контрмеры, которые, по мнению автора, заключаются в создании безопасной среды для сознания на всех уровнях. Лидирующая роль в этом должна принадлежать системе образования, у которой к традиционной задаче (воспитание творческой, самодостаточной и самообучающейся личности), исходя из реалий общества постмодерна, прибавляется новая задача: формирование у личности знаний, умений и навыков, позволяющих противостоять информационному воздействию. При этом концентрация усилий в системе воспитания и образования должна быть сосредоточена именно на отдельном индивиде, из совокупности которых и состоит население страны, так как основным ресурсом государства всегда был и остается

человеческий ресурс, а здоровое, образованное и культурное население есть залог великого будущего страны.

Заключение

1. Исходя из анализа научной литературы, а также специфики общества постмодерна предложены новые критерии построения классификации войн, а именно: поскольку у всех видов войн, выделяемых в современном научном пространстве, есть одно общее оружие – информация, можно говорить об одной форме войны – информационной, выстраивая остальные в классификационной системе (вид – тип) исходя из дополнительных составляющих. При этом автор не отрицает традиционное классифицирование в теории войн по масштабу, напряженности, типу разрешения противоречий и проч. Однако мы концентрируем внимание на том, что всем этим видам и подвидам войн предшествует, сопутствует и, после их официального завершения, продолжается информационная война, относящаяся ко всем прочим как большее к меньшему.

2. На Украине для трансформации сознания населения применялись такие методы, как «самоманипуляция», стратегия «ведение роя», мифологизация (последняя использовалась наиболее активно). Следствием этого стало возникновение на Украине такого мировоззренческого феномена как массовый радикальный национализм.

3. Одной из отличительных примет общества постмодерна стало хроническое наличие информационной войны. В данных условиях у системы образования сформировалась новая задача – воспитание типа личности, обладающей знаниями, умениями и навыками, позволяющими противостоять информационному воздействию. Формированию данных умений и навыков будет способствовать наличие в структуре личности таких качеств, как «оптимизм, биофильная установка, адекватная самооценка, “неустойчивое равновесие”, критическое и рефлексивное мышление... мужество» (Колесникова, 2022. С. 30, 35).

Список источников

Арон Р. Мир и война между народами / Р. Арон. – Москва: NotaBene, 2000. – 880 с.

Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом: монография / В. Г. Афанасьев. – Изд. 2-е. – Москва: URSS, 2013. – 407 с. – ISBN 978-5-397-03711-2.

Бэттлер А. Общество: прогресс и сила (критерии и основные начала) / А. Бэттлер. – Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. – 328 с.

References

Aaron R. (2000) Peace and war among the people / R. Aaron. – Moscow: NotaBene. – 880 p.

Afanasyev V. G. (2013) Social information and management of society: monograph / V. G. Afanasyev. – 2nd Edition. – Moscow: URSS. – 407 p. – ISBN 978-5-397-03711-2.

Battler A. (2008) Society: progress and strength (criteria and basic principles) / A. Battler. – Moscow: LKI Publishing House. – 328 p.

Волкогонов Д. А. Психологическая война: Подрывные действия в обл. обществ. сознания / Д. А. Волкогонов. – Москва: Воениздат, 1983. – 288 с.

Володенков С. В. Сетевые информационные войны в современных условиях: основные акторы и стратегии / С. В. Володенков, В. В. Митева // PolitBook. – 2016. – № 3. – С. 18–35. – EDN YGKLNf.

Гулевский А. Н. О проблемах классификации войны: социально-философский анализ / А. Н. Гулевский // Актуальные проблемы социальной философии: материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 10 июня 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 73–77. – EDN OWVLAR.

Даренский В. Ю. Массовый национализм в современной Украине: Необходимость осмысления / В. Ю. Даренский // Россия и современный мир. – 2016. – № 3(92). – С. 129–140. – EDN WXREBH.

Дугин А. Г. Геополитика постмодерна: времена новых империй, очерки геополитики XX века / А. Г. Дугин. – Санкт-Петербург: Амфора, 2007. – ISBN 978-5-367-00616-2. – EDN QOHRZF.

Современная информационная война / Л. А. Журавлева, Е. В. Зарубина, А. В. Ручкин [и др.] // Образование и право. – 2022. – № 9. – С. 18–26. – DOI 10.24412/2076-1503-2022-9-18-26. – EDN MWPLDU.

Зеркалов Д. В. Информационные войны [Электронный ресурс]: монография / Д. В. Зеркалов. – Электрон. данные. – К.: Рукопись, 2012. – 1 электрон. опт. диск (СБ-КОМ); 12 см. – Систем. требования: Репйит; 512 с. – ISBN 978-966-699-669-8.

Кассирер Э. Техника современных политических мифов / Э. Кассирер // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. – 1990. – № 2. – С. 58–65.

Кащук А. А. Телевизионные мифы – один из способов манипуляции сознанием аудитории [Электронный ресурс] / А. А. Кащук // Вестник электронных и печатных СМИ. –

Volkogonov D. A. (1983) Psychological warfare: Subversive actions in regional societies. consciousness / D. A. Volkogonov. – Moscow: Voenizdat. – 288 p.

Volodenkov S. V. (2016) Network information wars in modern conditions: the main actors and strategies / S. V. Volodenkov, V. V. Miteva // PolitBook. – No. 3. – Pp. 18–35.

Gulevsky A. N. (2022) On the problems of war classification: socio-philosophical analysis / A. N. Gulevsky // Actual problems of social philosophy: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, June 10, 2022. – Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – Pp. 73–77.

Darensky V. Yu. (2016) Mass nationalism in modern Ukraine: The need for understanding / V. Yu. Darensky // Russia and the Modern World. – No. 3(92). – Pp. 129–140.

Dugin A. G. (2007) Postmodern Geopolitics: Times of New Empires, Essays on Geopolitics of the XX century / A. G. Dugin. – St. Petersburg: Amphora. – ISBN 978-5-367-00616-2.

Modern information war / L. A. Zhuravleva, E. V. Zarubina, A. V. Ruchkin [et al.] (2022) // Education and Law. – No. 9. – Pp. 18–26. – DOI 10.24412/2076-1503-2022-9-18-26.

Zerkalov D. V. Information wars [Electronic resource] (2012): Monograph / D. V. Zerkalov. – Electron. data. – K.: Manuscript, 2012. – 1 electron. opt. disk (SAT-COM); 12 cm. – Systems, requirements: Repyit; 512 p. – ISBN 978-966-699-669-8.

Kassirer E. (1990) Technique of modern political myths / E. Kassirer // Vestn. MSU. Ser. 7, Philosophy. – No. 2. – Pp. 58–65.

Kashchuk A. A. (2021) Television myths – one of the ways to manipulate the consciousness of the audience [Electronic resource] / A. A. Kashchuk // Bulletin of Electronic and print Media. – Issue 2. – URL: <http://vestnik.ipk.ru/index.php?id=1535>. (date of application: 23.04.2023).

Clark R. (2011) The Third World War: What will it be like?: high technologies in the service

Вып. 2. – URL: <http://vestnik.ipk.ru/index.php?id=1535>. (дата обращения: 23.04.2023).

Кларк Р. Третья мировая война: какой она будет?: высокие технологии на службе милитаризма / Р. Кларк, Р. Нейк; [пер. с англ. Е. Карманова]. – Москва [и др.]: Питер, 2011. – 336 с. – ISBN 978-5-459-00308-6.

Клаузевиц К. О войне. Москва: Московский рабочий // К. Клаузевиц фон. Принципы ведения войны. – Москва: ЗАО «Центрополиграф», 2009. – 220 с.

Колесникова Г. И. Социальный механизм манипуляции сознанием личности: дис. ... доктора философских наук: 09.00.11 / Г. И. Колесникова // [Место защиты: Юж. федер. ун-т]. – Ростов-на-Дону, 2010. – 364 с.

Колесникова Г. И. Социальное мифотворчество и массовое сознание в современной России / Г. И. Колесникова // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: материалы Второй всерос. научно-практич. конф. с междунар. участием, Владивосток, 7–8 декабря 2016 г. // Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – С. 627–630.

Колесникова Г. И. Воздействие на сознание в системе ведения сетевых войн: опыт социально-философского осмысления / Г. И. Колесникова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2017. – № 3-2. – С. 311–314. – EDN Y1T1TB.

Колесникова Г. И. Новые технологии манипуляции сознанием личности в эпоху постмодерна: «само-манипуляция» и «ведение роя» / Г. И. Колесникова // Наука как общественное благо: сборник научных статей Второго Международного Конгресса Русского общества истории и философии науки, Санкт-Петербург, 27–29 ноября 2020 года / Санкт-Петербургский государственный университет; Русское общество истории и философии науки. Том 3. – Москва: Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2020. – С. 131–135. – EDN PDVSWH.

Колесникова Г. И. «Превращенное» управление и «превращенное» сознание //

of militarism / R. Clark, R. Neik; [transl. from the English by E. Karmanova]. – Moscow [et al.] : Piter. – 336 p. – ISBN 978-5-459-00308-6.

Clausewitz K. (2009) On the war. Moscow: Moskovsky rabochiy // K. Clausewitz von. Principles of warfare. – Moscow: CJSC “Centropolygraf”, – 220 p.

Kolesnikova G. I. (2010) Social mechanism of manipulation of personality consciousness: dis. ... Doctors of Philosophical Sciences: 09.00.11 / G. I. Kolesnikova // [Place of defense: Southern Feder. un-ty]. – Rostov-on-Don. – 364 p.

Kolesnikova G. I. (2016) Social myth-making and mass consciousness in modern Russia / G. I. Kolesnikova // Problems of modeling social processes: Russia and the countries of the Asia-Pacific region: materials of the Second All-Russian Scientific and Practical conference with International. Participation, Vladivostok, December 7–8, 2016. – Vladivostok: Far Eastern Federal Un-ty. – Pp. 627–630.

Kolesnikova G. I. (2017) The impact on consciousness in the system of conducting network wars: the experience of socio-philosophical understanding / G. I. Kolesnikova // International Journal of Applied and Fundamental Research. – No. 3-2. – Pp. 311–314.

Kolesnikova G. I. (2020) New technologies of manipulation of the consciousness of the individual in the Postmodern era: “self-manipulation” and “swarming” / G. I. Kolesnikova // Science as a public good: collection of scientific articles of the Second International Congress of the Russian Society for the History and Philosophy of Science, St. Petersburg, November 27–29, 2020 / St. Petersburg State University; Russian Society of History and Philosophy of Science. Vol. 3. – Moscow: Interregional Public Organization “Russian Society of History and Philosophy of Science”. – Pp. 131–135.

Kolesnikova G. I. (2021) “Transformed” management and “transformed” consciousness // Philosophy and challenges of modernity: to the 90th anniversary of the Institute of Philosophy of the National

Философия и вызовы современности: к 90-летию Института философии НАН Беларуси: материалы Междунар. науч. конф. (15–16 апреля 2021 г., г. Минск). В 3 т. Т. 2 / Ин-т философии НАН Беларуси; редкол.: А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск: Четыре четверти, 2021. С. 152–155.

Колесникова Г. И. Управление поведением в информационной среде: проект исследования (практическая философия) / Г. И. Колесникова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 3-3(117). – С. 147–154. – DOI 10.23670/IRJ.2022.117.3.102. – EDN SUJYXY.

Колесникова Г. И. Гармония бытия / Г. И. Колесникова // Миф. Общество. Реальность: Коллективная монография по материалам 2-й Международной конференции в рамках научно-просветительского проекта «Философская осень – 2022: возрождение традиций». – Москва: Автономная некоммерческая организация социально-экономического и политического консалтинга «Центр этнических и международных исследований», Архонт, 2022. – С. 6–41. – EDN TWLTGK.

Кондрашов А. О. Национальная идентичность и ее использование в информационной войне (на примере политического конфликта на Украине) / А. О. Кондрашов, А. С. Розанов // Ценности и смыслы. – 2017. – № 6(52). – С. 67–81. – EDN RDPHBA.

Красовская Н. Р. К вопросу классификации информационных войн / Н. Р. Красовская, А. А. Гуляев // Социология науки и технологий. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 44–55. – DOI 10.24411/2079-0910-2019-12002. – EDN ZGTZOR.

Кронин Б. Информационная война: ее применение в военном и гражданском контекстах / Б. Кронин, Х. Кроуфорд // Информационное общество. – 1999. – Т. 15. – № 4. – С. 257–263.

Крылова, И. А. Новые виды войн и безопасность России / И. А. Крылова // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 3. – С. 58–71. – DOI 10.17805/zpu.2016.3.4. – EDN WWUJER.

Academy of Sciences of Belarus: proceedings of the International Scientific Conference (April 15–16, 2021, Minsk). In 3 vol. Vol. 2 / Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus; editor: A. A. Lazarevich (preface) [et al.]. – Minsk: Chetyre Chetverti. – Pp. 152–155.

Kolesnikova G. I. Behavior management in the information environment: research project (practical philosophy) / G. I. Kolesnikova // International Research Journal. – 2022. – No. 3-3(117). – Pp. 147–154. – DOI 10.23670/IRJ.2022.117.3.102.

Kolesnikova G. I. (2022) Harmony of being / G. I. Kolesnikova // Myth. Society. Reality: A collective monograph based on the materials of the 2nd International Conference within the framework of the scientific and educational project “Philosophical Autumn – 2022: the Revival of traditions”. – Moscow: Autonomous non-profit organization of Socio-economic and Political Consulting “Center for Ethnic and International Studies”, Archon. – Pp. 6–41.

Kondrashov A. O. (2017) National identity and its use in the information war (on the example of the political conflict in Ukraine) / A. O. Kondrashov, A. S. Rozanov // Values and Meanings. – No. 6(52). – Pp. 67–81.

Krasovskaya N. R. (2019) On the classification of information wars / N. R. Krasovskaya, A. A. Gulyaev // Sociology of Science and Technology. – Vol. 10, No. 2. – Pp. 44–55. – DOI 10.24411/2079-0910-2019-1202.

Cronin B. (1999) Information war: its application in military and civil contexts / B. Cronin, H. Crawford // Information Society. – Vol. 15, No. 4. – Pp. 257–263.

Krylova I. A. (2016) New types of wars and the security of Russia / I. A. Krylova // Knowledge. Understanding. Ability. – No. 3. – Pp. 58–71. – DOI 10.17805/zpu.2016.3.4.

Lassuel (Lasvel) G. (1929) Propaganda Technique in the World War / G. Lasvel; abridged translation from English edited by N. M. Potapov with a preface by M. Huss. – Moscow; Leningrad: State Publishing House. Department of Military Literature. – 199 p.

Лассуэл (Ласвель) Г. Техника пропаганды в мировой войне / Г. Ласвель; сокращенный перевод с английского в обработке Н. М. Потапова с предисловием М. Гуса. – Москва; Ленинград: Гос. изд-во. Отд. военной лит., 1929. – 199 с.

Либицкий М. Что такое информационная война? / М. Либицкий. – Вашингтон: GPG., 1995. – 280 с.

Мор Т. Утопия / Т. Мор; пер. А. И. Мленина. – Москва: Эксмо-Пресс, 2018. – 160 с.

Петренко А. И. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны / А. И. Петренко, А. В. Манойло, Д. Б. Фролов. – Москва: Научно-техническое издательство «Горячая линия-Телеком», 2003. – 541 с. – ISBN 5-93517-131-7. – EDN XZUPLV.

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. / К. Маркс. – 6-е изд. – Москва: Прогресс, 1981. – 216 с.

Самохин А. А. Неизвестная информационная война / А. А. Самохин // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник. Материалы XXI Национальной научной конференции с международным участием, Москва, 16–17 декабря 2021 года / отв. ред. В. И. Герасимов. Т. 17. Ч. 1. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2022. – С. 260–265. – EDN QXUTIA.

Тлепцок Р. А. «Цветные революции»: теоретический концепт и политическая практика / Р. А. Тлепцок // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2019. – № 4(249). – С. 60–71. – EDN JGPPPA.

Чижевский Я. А. Реализация концепции сетцентрических боевых действий в вооруженных силах США / Я. А. Чижевский // Военная мысль. – 2019. – № 3. – С. 116–137. – EDN PGVYLI.

Libitsky M. (1995) What is an information war? / M. Libitsky. – Washington: GPG. – 280 p.

More T. Utopia / T. More; translated by A. I. Malein. – Moscow: Eksmo-Press, 2018. – 160 p.

Petrenko A. I. (2003) State information policy in the conditions of information and psychological warfare / A. I. Petrenko, A. V. Manoilo, D. B. Frolov. – Moscow: Scientific and Technical Publishing House “Hotline-Telecom”. – 541 p. – ISBN 5-93517-131-7.

Marx K. (1981) Economic and philosophical manuscripts of 1844 / K. Marx. – 6th edition. – Moscow: Progress. – 216 p.

Samokhin A. A. (2022) The Unknown Information War / A. A. Samokhin // Russia: trends and prospects of development: Yearbook. Materials of the XXI National Scientific Conference with International participation, Moscow, December 16–17, 2021 / Editor-in-chief V. I. Gerasimov. Vol. 17. Part 1. – Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. – Pp. 260–265.

Tleptsok, R. A. (2019) “Color revolutions”: theoretical concept and political practice / P. A. Tleptsok // Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, jurisprudence, political science, cultural studies. – No. 4(249). – Pp. 60–71.

Chizhevsky Ya. A. (2019) Implementation of the concept of network-centric combat operations in the US Armed forces / Ya. A. Chizhevsky // Military thought. – No. 3. – Pp. 116–137.

Для цитирования: Колесникова Г. И. Информационная война в обществе постмодерна: проблема классифицирования // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 3 (61). – С. 22–36.
DOI 10.18522/2227-8656.2023.3.2
EDN BGTTFW

Сведения об авторе

Колесникова Галина Ивановна
доктор философских наук,
профессор кафедры философии,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Донецкий национальный
университет экономики и торговли имени
Михаила Туган-Барановского»
galina_ivanovna@kolesnikova.red

История статьи:

Поступила в редакцию – 14.04.2023
Получена в доработанном виде –
26.05.2023
Одобрена – 28.06.2023

Information about author

Galina I. Kolesnikova
Doctor of Philosophy, Professor
of the Department of Philosophy
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education “Donetsk National
University of Economics and Trade named
after Mikhail Tugan-Baranovsky”
galina_ivanovna@kolesnikova.red

ТИПЫ ЭКОФИЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СУПЕРРЕГИОНЕ ЮГА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*А. К. Мамедов **

** Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия*

Цель исследования – раскрыть интеграционно-гармонизирующий потенциал типов экофильного поведения в суперрегионе Юга России.

Методологическая база исследования. Для решения исследовательских задач главным методологическим инструментом стал конструкт соотношения социальной и природной реальности как фактора обоснования ответственности людей за обеспечение органичной целостности биосферы, у истоков которого стоял В. И. Вернадский (Вернадский, 1988). На значимость его использования обратил внимание фундатор комплексного изучения проблем региона Ю. А. Жданов в работе «Государство-континент» (Жданов, 2014. С. 159). Для Юга России возможность использования этого подхода укладывается в специфику алгоритма взаимодействия проживающих здесь этносов, который воспроизводит закономерность бесконечного перехода от их «позитивной поляризации» как социокультурных субъектов к состоянию «негативной поляризации», и наоборот (термины П. А. Сорокина, 1997. С. 200–230).

Результаты исследования. В условиях воздействия поливекторных этноконфессиональных факторов, в первую очередь, на

INFORMATION WAR IN POSTMODERN SOCIETY: THE PROBLEM OF CLASSIFICATION

*А. К. Мамедов **

** Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

Objective of the study is to reveal the integration and harmonizing potential of the types of ecophilic behavior in the super region of Southern Russia.

The methodological basis of the research. To solve research problems, the main methodological tool was the construct of correlating social and natural reality as a factor in justifying people's responsibility for ensuring the organic integrity of the biosphere, which was founded by V. I. Vernadsky (Vernadsky, 1988). The importance of its use drew the attention of the funder of a comprehensive study of the problems of the region Yu. A. Zhdanov in the work "The State-continent" (Zhdanov, 2014. P. 159). For the South of Russia, the possibility of using this approach fits into the specifics of the algorithm of interaction of ethnic groups living here, which reproduces the pattern of the endless transition from their "positive polarization" as socio-cultural subjects to the state of "negative polarization" and vice versa (P. A. Sorokin's terms, 1997. Pp. 200–230).

Research results. Under the conditions of the impact of polyvector ethno-confessional factors, first of all, on the youth of the South of Russia,

молодежь Юга России, что обуславливает формирование в сознании ее представителей разных по смысловому содержанию ментальных конструктов, институты власти и гражданского общества региона имеют возможность использовать креативный потенциал всех типов экофильного поведения его этносов для возвращения молодого поколения творцов экологичного социально-экономического уклада.

Перспективы исследования. Тема исследования представляется актуальной в свете реализации стратегической цели экологичного технологического обновления отечественного социума.

Ключевые слова: молодая генерация россиян, экофильное поведение, Юг России, социокультурный синтез, гармонизация этноконфессиональных отношений, экологичный социально-экономический уклад.

which determines the formation of mental constructs of different semantic content in the minds of its representatives, the institutions of power and civil society of the region have the opportunity to use the creative potential of all types of ecophilic behavior of its ethnic groups to nurture the younger generation of creators of an eco-friendly socio-economic way of life.

Prospects of the study. The research topic seems relevant in the light of the implementation of the strategic goal of ecological technological renewal of the domestic society.

Keywords: young generation of Russians, ecophilic behavior, the South of Russia, socio-cultural synthesis, harmonization of ethno-confessional relations, eco-friendly socio-economic structure.

Введение

Характер современного этапа геополитического противостояния убедительно подтверждается глубокими прозрениями выдающихся отечественных социологов-прогнозистов, начиная с фундаментальных выводов патриарха российской социологической мысли П. А. Сорокина. Примечательно, что к нынешнему этапу кризисного обострения глобальной социокультурной ситуации могут быть вполне применимы следующие его слова: «...на перезрелой стадии чувственной культуры человек становится таким “диким”, что не может и не хочет “усмирить себя” и как “безумный шофер” может быть приведен в чувство только в результате дорожной катастрофы или административного наказания» (Сорокин, 2006. С. 878). Нашим современникам, прежде всего соотечественникам, следует не только «бросить... последний взгляд на трагический сумеречный ландшафт чувственной фазы нашей (в данном случае в целом – мировой. – А. М.) культуры» (Сорокин, 2006. С. 879), но ориентироваться на тех, кому доступны скрытые горизонты новой конфигурации мирового социума и нашего Отечества. В этом смысле отечественный социологический и социально-философский дискурс открывает искомые пути достижения желательного результата как благотворной развязки сложившейся в мире конфликтной ситуации. В этой связи обращаемся к концептам решения данного вопроса, выдвинутым в работах целого ряда маститых ученых, в

частности, Ю. Г. Волкова, М. К. Горшкова, О. М. Гусейнова, Г. С. Денисовой, Ю. А. Зубок, В. В. Касьянова, П. М. Козыревой, Вал. А. Лукова, О. И. Марар, М. Ю. Попова, В. В. Ратиева, И. А. Сосуновой, И. С. Сухоноса, Н. Е. Тихоновой, А. Д. Урсула, В. И. Чупрова, С. В. Шефеля, К. И. Шилина, Т. П. Ширяевой, О. Н. Яницкого, в том числе в аспекте изучения имеющейся социальной практики на Юге России.

С точки зрения цели нашего исследования акцент переносится в тот ракурс проблемы, который высвечивает значение недостаточно изученного экологического фактора в ментальной и поведенческой моделях формирования креативного потенциала молодого поколения южного суперрегиона Российской Федерации. К числу тех ученых, кто в последние годы пристально изучает данную проблематику, относятся Ж. О. Гусейнова, В. А. Захарова, Г. В. Панина, В. А. Сахроков, Ю. В. Сорокина, Е. А. Тарасова, Н. А. Хапай, А. В. Ходченков.

Концептуальные основания изучения темы

Современная западная цивилизация в ее кризисном состоянии, по сути, представляет самый серьезный барьер на пути трансформации человечества из состояния однополярного мироустройства к искомой модели его многополярности. При этом особенно цинично выглядят попытки политических элит ведущих стран Запада оправдать свои авантюрные геополитические амбиции камуфляжем идеологом их приверженности к более широкому использованию так называемых «зеленых» технологий в развитии экономических оснований собственного социума. Но более опасно то, что дискредитация идеи перехода в глобальном масштабе к «зеленой» экономике, происходящая ныне, как это может показаться ни парадоксально, в силу опрометчивых действий самих ее адептов, распространяет ограничения на ее воплощение по всему миру.

Это, конечно, не отменяет фундаментального стремления мирового сообщества к продолжению настойчивых усилий по реализации курса на устойчивое гармонизирующее экологическое переустройство всех его оснований, включая и созидание экологичного технологического уклада жизни. А это, в свою очередь, требует выхода на новый уровень глобальной жизнедеятельности, который можно назвать экогармоничным обществом – социумом, доминантной ценностью которого является культивирование жизнеутверждающего творчества. Совершенно очевидно, что такой социум способна созидать креативная личность, преобразующая себя в ходе этого процесса в экологичную творческую индивидуальность.

Не сомневаемся в том, что для преодоления современной конфликтной парадигмы взаимоотношений между странами и народами важно исполь-

зовать экофильный потенциал человеческой природы. В каждой стране его поиск и применение, бесспорно, будут иметь уникальную траекторию. Они потребуют нестандартных подходов, решений и действий, связанных с искусством реконструкции креативных моделей экологического поведения посредством их извлечения из порой преданных забвению социокультурных традиций великих цивилизаций Евразии и их переосмысления на почве уже нового постиндустриального типа рефлексии, мышления и образа жизни.

В данной связи для Российской Федерации, находящейся на этапе своей перманентной трансформации и устремленной к стратегической цели полноценной суверенизации и оптимальной самодостаточности на почве следования принципам обеспечения равноценной безопасности совокупно с иными субъектами международного сообщества в рамках созидания его многополярной модели, значимо обращение к тем типам экофильного поведения, которые представлены ее субъектами.

Характерные черты типов экофильного поведения в сообществе Юга России

Учитывая изложенные выше соображения, полагаем, что выявление региональной специфики в контексте обобщения опыта гармонизации этноконфессиональных отношений на современном этапе развития России с учетом имеющихся в данной связи наработок позволит продвинуться в аспекте понимания возможностей использования потенциала имеющихся на ее Юге типов экофильного поведения применительно к молодому поколению его жителей. При этом значимым является уточнение особенностей этноконфессионального взаимодействия в этом регионе на основе выяснения вклада в данный процесс проживающих здесь этносов и включения их молодой генерации, в частности, в экологическую деятельность.

Условно типы экофильного поведения, исходя из анализа ряда критериев их социокультурной дифференциации авторитетными исследователями-эко-социологами (Шефель, Шилин, 2003. С. 110–187, 260–271), можно подразделить применительно к характеристике их носителей в суперрегионе Юга Российской Федерации следующим образом: двумя ведущими из них являются, с одной стороны, так называемый соборно-синтетический тип экофильного поведения, в основном присущий этническим русским, включая в их состав и потомков расселенных еще во времена Екатерины Второй на территориях Кубани и Ставрополя украинцев, точнее представителей Запорожского казачьего воинства, и в известной мере православным осетинам – одному из автохтонных этносов Юга России, а также проживающим здесь издревле армянам и грекам, а, с другой стороны, – исламо-мусульманский тип экофильного поведения, присущий основной массе автохтонов данного суперрегио-

на, прежде всего, адыгам, балкарцам, дагестанцам, ингушам, кабардинцам, карачаевцам, ногайцам, черкесам, чеченцам. Кроме того, следует упомянуть и носителей буддистского типа экофильного поведения, представленного калмыками.

Для соборно-синтетического типа экофильного поведения характерна опора, как верно отметил, в частности, С. И. Сухонос, на силу синкретичности сущности четырехмерного мировоззрения его носителей, «требующего синтеза предыдущих этапов» их этносоциальной консолидации, «а не их отрицания», то есть связывания всех исторических форматов творимой ими культуры «в единый ЛОГОС» общей для них истории формирования своей цивилизации (Сухонос, 1997. С. 55). А главное, что этот тип экофильного поведения заточен на реализацию способности к преодолению ограничений отягощающей и поныне российское общество инерции преклонения перед стратегемами техногенной цивилизации. В этом плане его носители выступают наиболее смелыми в своей креативности подвижниками принятой на вооружение политическим руководством Российской Федерации стратегии созидания экологичного технологического уклада социально-экономической жизни. Поэтому они наиболее открыты для гармоничной интеграции с репрезентантами исламо-мусульманского и буддистского типов экофильного поведения, выступая в этом процессе инициативной стороной.

Для исламо-мусульманского типа экофильного поведения характерна глубинная ментально-почвенная духовность, укорененная в самой природосообразности мировосприятия ее носителей, включающая в себя высокую экологическую этику, сочетаемую с этико-эстетичным и рационально осмысленным единением с миром живой Природы (Шефель, Шилин, 2003. С. 270). Она предполагает гендерную заостренность мужчин-мусульман на защиту таких коренных экологических ценностей, как большая, многодетная семья, крепкое родовое братство как условие природно-биологического выживания в социуме и искреннее почитание старших поколений и покровительство детству, то есть всего того, что олицетворяет благополучный и жизнеутверждающий способ естественного социоприродного сосуществования, обеспечивающий устойчивую преемственность социокультурных традиций из поколения в поколение. Этот мощный многокомпонентный экологический потенциал социоприродного общения мусульман весьма важен в успешном интеграционно-консолидационном процессе в регионе с этнокультурным разнообразием. В сочетании с гармонизирующим потенциалом носителей соборно-синтетического типа экофильного поведения исламо-мусульманский экологичный фактор социоприродного общения представляет собой надежный фундамент для успешного продвижения стратегических целей технологического переустройства уклада социально-экономической жизни в южном суперрегионе

России, нацеленного на достижение комфортного уровня благосостояния его жителей. Взращиваемая в таком ключе мусульманская молодежь региона всегда будет надежной опорой формируемого экогармоничного сообщества, что подтверждается как результатами социологических исследований, так и ее реальными достижениями.

Третьим из типов экофильного поведения, представленным на Юге России, является буддизм, носителями которого являются калмыки, которые в иррациональной форме рефлексии благоговеют перед тайной Жизни, в том числе творимой ими самими. В этом смысле для характеристики сущности их типа экофильного поведения вполне подходит предложенная представителями диалектического материализма формула: человек вообще есть выражение и утверждение жизни. В ментальности буддизма неслучайно воспеваются красота, доброта, мудрость и неповторимо стабильная изменчивость и многоликость феномена Природы, в том числе олицетворяемых с особо почитаемым его адептами женским жизнеутверждающим началом. В данной связи уместно вспомнить используемую эконосоциологами общезначимую для буддизма характеристику диатропического соотношения Природы и человеческого существа, когда свойства Природы как «матери» человека воплощаются в универсуме экообщения (Шефель, Шилин, 2003. С. 131), формируя весь предпосылочный фундамент природосообразного поведения так воспринимаящих его сущность носителей буддистской ментальности. Исходя из своей экофильной запрограммированности носители буддистской ментальности, в данном случае – калмыки, безусловно, выступают значимым фактором интеграционно-консолидационных процессов, направленных к итоговой цели – формирования экологичного технологического уклада социально-экономической жизни на Юге Российской Федерации.

Поэтому успех на пути решения этой стратегической задачи может быть достигнут именно за счет целеустремленных действий по использованию институтами власти и гражданского общества в южном суперрегионе реального потенциала вышеуказанных типов экофильного поведения в полном соответствии с задачами, сформулированными в Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России», в деле формирования молодой генерации его жителей как творцов своего экологичного будущего.

Обнадеживающим в этом смысле фактором является, как свидетельствуют социологические исследования (Захарова, 2022. С. 96–178, 230, 260–261; Панина, 2014; Сорокина, 2014), практика вовлечения молодых южан, расположенных к творческому самовыражению, в формат реализации экологических инициатив. В частности, речь идет об акциях «за чистый населенный пункт» и его озеленение, в защиту прав животных, а также направленных на

сохранение целостности региональных биогеоценозов, по соучастию в обеспечении режима экологической безопасности природных заповедных зон, очищению от мусора русел рек и ручьев, развитию экотуризма, поддержке участников экопоселений, воспрепятствованию возникновению стихийных свалок бытовых отходов и пр.

Подобного рода акции, объединяя благородные усилия молодых людей из разных этноконфессиональных групп, укрепляют узы доверия между ними и одновременно способствуют осознанию ими ответственности за обеспечение не только экологического здоровья и природной среды родного края, и своего здоровья, экологического благополучия родных и друзей, а также грядущих поколений, которым они будут готовы передать эстафету традиций экофильного поведения, присущих всем этносам, проживающим в южном суперрегионе России. Востребованность этих традиций в молодежной среде, несомненно, является условием для преодоления имеющего место среди ее определенной части потребительского отношения к природе, на что обращал внимание ведущий социолог страны и региона Ю. Г. Волков, указывая, что «экологизм до сих пор является модой и не представляет продуманной социальной стратегии» (Волков, 2017. С. 26).

Выводы

Учитывая, что в условиях, когда в среде молодых южан имеет место присутствие поливекторных факторов этноконфессионального воздействия, обусловливающих формирование в их сознании разных по смысловому содержанию ментальных конструкторов, институтам власти и гражданского общества южного суперрегиона России важно в свете стратегических целей технологического обновления отечественного социума сконцентрировать усилия на эффективном использовании мощного и разнообразного по своим возможностям потенциала традиций экофильного поведения разных этносов для взращивания молодого поколения творцов нового социально-экономического уклада. Совершенно очевидно, что каждый из типов экофильного поведения представленных на Юге России этносов имеет достоинства, значимые ресурсы которых, адекватно творчески соединяясь, в частности, в контексте внедрения молодежных экологических практик, позволят консолидировать их усилия как участников стратегического процесса коренного преобразования социально-экономических основ жизни страны и региона, духовной интеграции российского социума и обеспечения его экологического благополучия.

Список источников

Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста: [сборник: К 125-летию со дня рождения] / В. И. Вернадский; [предисл. А. Л. Яншина и др.; примеч. И. И. Мочалова, К. П. Флоренского]; АН СССР. – Москва: Наука, 1988. – 519 с. – ISBN 5-02-003325-1.

Волков Ю. Г. Креативность: социальный диагноз современного общества / Ю. Г. Волков. – Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Фонд науки и образования», 2017. – 48 с. – ISBN 978-5-9500183-8-1. – EDN YNIJNN.

Жданов Ю. А. Государство-континент // Ю. А. Жданов о культуре / отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов-на-Дону: ГЮР, 2014. 176 с.

Захарова В. А. Экологическое поведение современной молодежи: общероссийские и региональные тенденции / В. А. Захарова. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2022. – 280 с. – ISBN 978-5-466-01486-0. – EDN AYLMAK.

Панина Г. В. Экологическая культура как компонент профессиональной культуры современного специалиста / Г. В. Панина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – № 3(88). – С. 46–53. – EDN SCXNZD.

Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени / П. А. Сорокин; [пер. с англ., послесл. и прил. Т. С. Васильевой; Российская академия наук, Ин-т социологии]. – Москва: Наука, 1997. – 350 с. – ISBN 5-02-013649-2.

Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин. – Москва: Астрель, 2006. – 1176 с. – ISBN 5-271-13359-1. – EDN YRRQTI.

Сорокина Ю. В. Механизм реализации государственной политики в области экологии / Ю. В. Сорокина, Е. А. Тарасова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2014. – № 2(29). – С. 59–65. – EDN SNEFUJ.

Сухонос С. И. Россия в XXI веке: Проблемы нац. самоосознания / С. И. Сухонос. – Москва: Агар, 1997. – 186 с. – ISBN 5-89218-065-4.

References

Vernadsky V. I. (1988) Philosophical Thoughts of a naturalist: [collection: To the 125th anniversary of his birth] / V. I. Vernadsky; [preface by A. L. Yanshin et al.; note by I. I. Mochalov, K. P. Florensky]; USSR Academy of Sciences. – Moscow: Nauka. – 519 p. – ISBN 5-02-003325-1.

Volkov Yu. G. (2017) Creativity: a social diagnosis of modern society / Yu. G. Volkov. – Rostov-on-Don: Limited Liability Company “Foundation of Science and Education”. – 48 p. – ISBN 978-5-9500183-8-1.

Zhdanov Yu. A. (2014) State-continent // Yu. A. Zhdanov on culture / ed. by Yu. G. Volkov. – Rostov-on-Don: GYUR, 176 p.

Zakharova V. A. (2022) Ecological behavior of modern youth: all-Russian and regional trends / V. A. Zakharova. – Moscow: Rusains Limited Liability Company. – 280 p. – ISBN 978-5-466-01486-0.

Panina G. V. (2014) Ecological culture as a component of professional culture of a modern specialist / G. V. Panina // Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. – № 3(88). – Pp. 46–53.

Sorokin P. A. (1997) The main trends of our time / P. A. Sorokin; [trans. from English, Afterword and Annex by T. S. Vasilyeva; Russian Academy of Sciences, Institute of Sociology]. – Moscow: Nauka. – 350 p. – ISBN 5-02-013649-2.

Sorokin P. A. (2006) Social and cultural dynamics / P. A. Sorokin. – Moscow: Astrel Publishing House, – 1176 p. – ISBN 5-271-13359-1.

Sorokina Yu. V. (2014) The mechanism of implementation of state policy in the field of ecology / Yu. V. Sorokina, E. A. Tarasova // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – № 2(29). – Pp. 59–65.

Sukhonos S. I. (1997) Russia in the XXI century: Problems of the National self-awareness / S. I. Sukhonos. – Moscow: Agar. – 186 p. – ISBN 5-89218-065-4.

Шефель С. В. Сотворение человека будущего: эконософские основания / С. В. Шефель, К. И. Шилин. – Москва: ГУП Изд-во «Нефть и газ» РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина, 2003. – 328 с.

Shefel S. V. (2003) The creation of a man of the future: ecosophical foundations / S. V. Shefel, K. I. Shilin. – Moscow: GUP Publishing House “Oil and Gas” Gubkin Russian State University of Oil and Gas. – 328 p.

Для цитирования: Мамедов А. К. Типы экофильного поведения в суперрегионе Юга Российской Федерации // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 3 (61). – С. 37–45. DOI 10.18522/2227-8656.2023.3.3 EDN ERCLOA

История статьи:
Поступила в редакцию – 28.04.2023
Получена в доработанном виде –
30.05.2023
Одобрена – 05.06.2023

Сведения об авторе

Мамедов Агамали Куламович
доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
akmnauka@yandex.ru

Information about author

Agamali K. Mamedov
Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Communicative Systems of Lomonosov Moscow State University
akmnauka@yandex.ru

**ФАКТОР
НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМА
В РАЗВИТИИ
КОНСОЛИДАЦИОННЫХ
ПРАКТИК НА ЮГЕ РОССИИ**

**THE FACTOR
OF NEOTRADITIONALISM
IN THE DEVELOPMENT OF
CONSOLIDATION PRACTICES
IN THE SOUTH OF RUSSIA**

В. В. Узунов *

V. V. Uzunov *

** Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Симферополь, Россия*

** Crimean Branch of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia*

Цель исследования. Формулируется проблема традиционализма в контексте консолидационных практик на Юге России, рассматриваются имеющиеся в научной литературе позиции, мнения и подходы к ее изучению, предлагается понятийный инструментарий, адекватный авторской концепции исследования консолидационных процессов в южно-русском макрорегионе.

Objective of the study. The problem of traditionalism in the context of consolidation practices in the South of Russia is formulated, the positions, opinions and approaches to its study available in the scientific literature are considered, conceptual tools adequate to the author's concept of the study of consolidation processes in the South Russian macroregion are proposed.

Методологическая база исследования. Теоретическая база исследования базируется на комплексе подходов, сложившихся в области изучения тенденций традиционализации и архаизации в полиэтничных регионах российского общества, элементах пространственного и институционального подходов к изучению региональных аспектов консолидационных практик. Эмпирическая верификация традиционализма на Юге России проводилась на основе обращения ко вторичным данным, полученным в результате социологических опросов, ориентированных на изучение различных моделей социального поведения населения данного региона в координатах тенденций неотрадиционализации и архаизации.

The methodological basis of the research. The theoretical basis of the research is based on a set of approaches that have developed in the field of studying trends of traditionalization and archaization in multiethnic regions of Russian society, elements of spatial and institutional approaches to the study of regional aspects of consolidation practices. Empirical verification of traditionalism in the South of Russia was carried out on the basis of reference to secondary data obtained as a result of sociological surveys focused on the study of various models of social behavior of the population of this region in the coordinates of trends of neotraditionalization and archaization.

Результаты исследования. На характер консолидационных практик в южно-русском

Research results. The nature of consolidation practices in the South Russian macroregion

ском макрорегионе значительное влияние оказывает фактор неотрадиционализма, потенциально являющийся мощным ресурсом единения и сплочения населения. Однако на практике этого не происходит в изучаемом регионе по той причине, что неотрадиционализм в региональных сообществах Юга России, особенно в республиках Северного Кавказа, очень сильно переплетен с процессом архаизации как выражением стихийной реакции населения на вызовы современной реальности, ее кризисы и стремительные изменения. Такой механизм, сочетающий архаические и неотрадиционалистские тенденции в развитии южнороссийского социума, позволяет достаточно эффективно адаптироваться к изменчивой, неопределенной и кризисной реальности отдельным этногруппам, сообществам, но не формирует устойчивую площадку и ресурсную базу для консолидационных практик. В результате этого развитие Юга России, особенно в республиках Северного Кавказа и Южного федерального округа с сильным этнокультурным кластером, не отвечает индикаторам эффективности, которые связываются с показателями инновационного развития. Адаптивные практики, имевшие место в прошлом, достаточно эффективно приживаются в регионах Юга России, так как вписываются в характерную в целом для всей России логику инерционной стратегии развития.

Перспективы исследования видятся в актуализации этнокультурных особенностей развития региональных сообществ Юга России в контексте определения оптимальных траекторий инновационного развития в соответствии с вызовами современной эпохи и остро стоящими перед российским социумом социальными проблемами. Важно при этом понимание того, что инерционные формы адаптации как наиболее понятные и прогнозируемые могут выступать барьером на пути перехода к инновациям в различных сферах общественной жизни полиэтничного регионального социума.

is significantly influenced by the factor of neotraditionalism, which is potentially a powerful resource for unity and cohesion of the population. However, in practice this does not happen in the studied region for the reason that neotraditionalism in the regional communities of Southern Russia, especially in the republics of the North Caucasus, is very much intertwined with the process of archaization as an expression of the spontaneous reaction of the population to the challenges of modern reality, its crises and rapid changes. Such a mechanism, combining archaic and neotraditionalist tendencies in the development of Southern Russian society, allows individual ethnic groups and communities to adapt quite effectively to the changing, uncertain and crisis reality, but does not form a stable platform and resource base for consolidation practices. As a result, the development of the South of Russia, especially in the republics of the North Caucasus and the Southern Federal District with a strong ethnocultural cluster, does not meet the performance indicators that are associated with indicators of innovative development. Adaptive practices that took place in the past are quite effectively taking root in the regions of Southern Russia, as they fit into the logic of an inertial development strategy characteristic of the whole of Russia.

Prospects of the study are seen in the actualization of the ethnocultural features of the development of regional communities in the South of Russia in the context of determining the optimal trajectories of innovative development in accordance with the challenges of the modern era and the acute social problems facing Russian society. At the same time, it is important to understand that inertial forms of adaptation as the most understandable and predictable can act as a barrier to the transition to innovation in various spheres of public life of a multiethnic regional society.

Ключевые слова: неотрадиционализм, архаизация, Юг России, регион, консолидация, консолидационные практики.

Keywords: neotraditionalism, archaization, South of Russia, region, consolidation, consolidation practices.

Введение

Поликультурное разнообразие южнороссийского региона в его этноконфессиональном измерении порождает сложную, порой противоречивую палитру межэтнических отношений, а также проблемы социально-экономического, социально-политического, социально-правового и иного характера. В данных условиях обостряется потребность в научном поиске путей и механизмов гармонизации межэтнических отношений, социальной сплоченности регионального социума с учетом актуальных тенденций социокультурной динамики (Гармонизация межэтнических отношений... 2022). Одним из факторов консолидационных процессов и практик на Юге России, привлекающим внимание исследователей, является фактор неотрадиционализма, закономерно появляющийся в жизни общества в период социальных трансформаций, кризисов и глобальных перемен (Анжиганова, 2012).

Неотрадиционализм может приобретать различные формы, среди которых ученые выделяют региональные, детерминированные этнокультурных и конфессиональным составом регионального социума (Ламажаа, Абдулаева, 2014). К неотрадиционализму исследователи также обращаются в аспекте этнической и социокультурной адаптации социума в условиях социальных трансформаций, вызовов модернизации и цифровизации, подвергая анализу, соответственно, такие социальные феномены, как этнический, этнокультурный и социокультурный неотрадиционализм (Мадюкова, Попков, 2010; Попков, Тюгашев, 2012; Рындина, 2019). Некоторые исследователи отводят приоритетную роль молодым поколениям в инноватизации традиций, их обновлении в контексте реалий современной эпохи (Куров, 2022; Попков, Четырова, 2014).

На современном этапе развития российского общества тема неотрадиционализма получила новый импульс для своего развития и научного осмысления в свете обозначенного на государственном уровне курса в культурной политике, связанного с актуализацией социокультурного базиса российского народа, его традиций, мировоззренческих ценностей и идентификационных маркеров (Букалова, 2021). Но что понимать под неотрадиционализмом? В российской научной традиции сложилось неоднозначное понимание и восприятие данного феномена. Одни исследователи связывают с ним возрожденческие тенденции, актуализирующие прошлое народа в русле ностальгических интенций и отказа от модернистских (как правило, западных) идей и новаций, в то время как другие видят смысл неотрадиционализма в обновле-

нии традиций, их содержания и формы для адаптации к вызовам реальности, для эффективного развития общества, «т. е. практически для его модернизации на основе логики собственной культуры» (Ламажаа, 2010. С. 92). Вторая точка зрения нам ближе, и в ее границах неотрадиционализм позволительно рассматривать в качестве осознанного процесса возрождения традиций для решения проблем социокультурного развития общества (Ламажаа, Абдулаева, 2014). Для неотрадиционализма в таком понимании не характерна апология прошлого, некритичное его восприятие и замыкание на собственной этнокультуре, так как он ориентирован на будущее, на решение острых социальных проблем в координатах «открытости в отношении других этнокультур, восприимчивости к традициям других народов и готовности к межкультурной коммуникации» (Попков, Тюгашев, 2012. С. 193). Иными словами, в данной трактовке неотрадиционализм содержит консолидационный ресурс, ориентирован устойчивое развитие, на сохранение целостности и единства общества посредством включения традиционных ценностей и форм жизнедеятельности в модернизационные процессы (Анжиганова, 2012. С. 438).

Безусловно, на уровне теоретической рефлексии построение подобных идеальных конструкций не вызывает столько вопросов, сколько вызывает эмпирическая верификация протекающих в реальном пространстве социальных отношений процессов неотрадиционализма. И в каждом регионе ситуация может складываться по-разному, в том числе и применительно к социальной сфере, в которой они разворачиваются – политической, экономической, правовой, культурной и т. п. Неоднозначно фактор неотрадиционализма проявляет себя и в регионах Юга России, что сказывается на консолидационных практиках населения. Под последними мы понимаем «совокупность типичных (рутинных) повторяющихся действий индивидов, социальных групп, общностей, направленных на сплочение общества вокруг остро стоящих перед ним социальных проблем и их согласованное решение посредством устойчивого воспроизводства в данном обществе пространства смыслов как составляющих идею (идеи) консолидации» (Узунов, 2019. С. 225).

Неотрадиционализм и архаизм в региональном пространстве Юга России в контексте развития консолидационных практик

Юг России уже привлекал внимание исследователей в контексте изучения неотрадиционалистских тенденций в его развитии с учетом этнокультурно и конфессионально различных регионов, составляющих его пространство. Ученые обращались к самым различным аспектам и сферам проявления традиционализма на Юге России: политическим, культурным, этническим, правовым, семейным, экономическим (Верещагина и др., 2020; Ламажаа, Намруева, 2014. С. 27–39; Магомедов, Чанакаев, 2016. С. 305–309). Большинство исследовате-

лей в контексте обращения к неотрадиционализму на Юге России указывают на фактор религиозного возрождения как ключевой в динамике неотрадиционализма, особенно в республиках Северного Кавказа. Религиозный фактор выполняет как дифференцирующую для всего регионального пространства Юга России, так и консолидирующую на уровне отдельных этногрупп роль. В постсоветский период он стал играть важную идентификационную роль, особенно в южнороссийском регионе, но, в силу того что российское общество, как пишет М. К. Горшков, остается преимущественно секулярным (Горшков, 2018), в регионах страны этот фактор не способствует консолидации россиян. Более того, религиозный фактор в условиях его актуализации оказывает значительное влияние на различные сферы жизнедеятельности южнороссийского социума, особенно в регионах с населением, в своем большинстве исповедующим ислам. В частности, исследования фиксируют демодернизационные тенденции в правовой сфере, что находит выражение в ориентации на установки и ценности этнической культуры, этнических традиций в ущерб установленным на законодательном уровне нормам права (Клименко, 2015). В данном случае речь скорее идет о тенденции архаизации социально-правовых практик, которая также есть следствие реакции региональных сообществ на вызовы модернизирующейся реальности, как и неотрадиционализм. В границах последнего также формируются адаптивные механизмы, определяющие характер и результат консолидации народов Юга России в условиях кризисной реальности, порожденной реформированием социального пространства. Адаптируясь к кризису, люди подобным образом пытаются выжить, осознанно или неосознанно выбирая те или иные формы приспособления к меняющейся реальности.

Самой распространенной формой неотрадиционализма у народов Северного Кавказа является этническая. Обращение к этническим нормам зачастую выступает регулирующим правовые, семейные, экономические отношения в данном регионе. Обычное право, как содержащее в себе нормы морально-этического кодекса, влияет на формирование этнической идентичности и в целом воспроизводство этносоциума с высоким уровнем горизонтально-сегментированных социальных отношений и, соответственно, способностью к групповой самоорганизации. Эта самоорганизация происходит по этническому признаку, что только укрепляет этническую идентичность.

Результатом неотрадиционализации в регионах Северного Кавказа стала практика многоженства, распространение которой также неоднозначно воспринимается населением, особенно его женской частью. Исследователи на примере Дагестана приходят к выводу, что многоженство в данном регионе носит деконструктивный и псевдотрадиционный характер, что негативно сказывается на развитии семейно-брачных и в целом социальных отношений населения республики (Верещагина, Загирова, 2022).

Неотрадиционализм в идеологической форме выражается в преобладании традиционалистских мировоззренческих установок, заикленности на прошлом, сверхвнимании к нему на уровне научных исследований в рамках истории, этнографии, что, по всей видимости, связано с общей ситуацией нестабильности на Северном Кавказе, отсутствием образа будущего региона в пространстве политической, экономической и идеологической неопределенности, а отсюда и тяготение к религиозности и религиозным формам организации социальной жизни как стабильным во времени, апробированным и понятным.

Говоря о социально-политической форме неотрадиционализма на Северном Кавказе, ученые обращают внимание на клановый принцип организации и структурирования северокавказского общества, который придает стабильность и уверенность локальным этногруппам, выступая, с одной стороны, формой регуляции внутриклановых отношений и социально-политического позиционирования в полиэтническом пространстве региона, а с другой – причиной межэтнических противоречий, столкновений и претензий, порожденных клановой системой политического структурирования и противостоянием клановых корпораций во власти (Ламажаа, Абдулаева, 2014).

Таким образом, можно заключить, что на Северном Кавказе на современный день активно идет процесс неотрадиционализации, связанный с возрождением архаических практик в основных сферах жизнедеятельности – семейной, экономической, политической, культурной. С нашей точки зрения, причина такого сценария социокультурного развития данного региона – имитационный или даже, как пишут ученые, мифический характер реализуемых в стране инноваций (Цлаф, 2016), не соотносимых с социокультурными реалиями и институциональными ресурсами модернизируемых региональных сообществ и страны в целом. И в этой ситуации начинает действовать фактор социальной инерции, когда социальная система в случае неадекватного ее социокультурной природе формата трансформации заведомо выбирает знакомый, апробированный в прошлом формат, пусть не очень эффективный в современных реалиях, но со стабильными и понятными социальными практиками.

Собственно, и в отношении Южного федерального округа можно вывести те же ключевые тенденции архаизации и неотрадиционализации, но есть особенности проявления форм данных процессов, связанные с этнокультурным и конфессиональным составом составляющих данный округ регионов, их историко-культурной спецификой, а потому рассмотрим кратко эти особенности.

Прежде всего, надо сказать, что ЮФО в своем составе имеет две национальные республики – Адыгею и Калмыкию, коренное население которой исповедует ислам и буддизм, в то время как остальные регионы округа отно-

сятся к русскому культурному миру ввиду доминирования в составе населения русских.

В данном регионе также на передний план выходит фактор религии, а именно – религиозное возрождение, тем сильнее разворачивающееся в регионах округа, чем значительнее становится ценностный и духовный вакуум, образовавшийся в 1990-е годы. На фоне активной положительной деятельности религиозных организаций в ЮФО происходят и негативные явления, связанные с тем, что здесь активно эксплуатируются этнический и религиозный факторы деструктивными организациями националистического, политического и религиозного плана.

Особенностью ЮФО с точки зрения развития неотрадиционалистских движений является возрождение казачества. Это движение приняло масштабный характер, выразившись в формах политического и культурного участия в жизни округа. При всей позитивной окраске казачьего движения с точки зрения культурного возрождения оно, как и религиозное возрождение, может играть дестабилизирующую роль, поскольку любая форма архаичности несет в себе потенциал архаизации сознания и поведенческих практик, а, следовательно, архаичные формы, помогая адаптироваться в новой, нестабильной и кризисной реальности, слабо восприимчивы и адаптивны к инновациям. Противопоставляя традиционные ценности ценностям современным, в своей основе либеральным, на основе которых, собственно, и реализуются инновационные проекты в современной России и ее регионах, неотрадиционализм становится фактором препятствия модернизации, не позволяет решать вызванные эпохой задачи, требующие перехода на инновационные способы и механизмы организации социальной жизнедеятельности.

Итак, мы не можем сказать, что на уровне регионов Юга России не разворачиваются консолидационные практики. Они разворачиваются, но имеют во многом вектор архаизации и неотрадиционализации как выражение стихийной и осознанной реакции населения на инновационные тренды и практики в институциональном пространстве южнороссийского макрорегиона, в которых не учитываются реальный запрос общества на перемены и инновации и социокультурная специфика населения. В результате этого инновационное развитие Юга России, особенно в республиках Северного Кавказа и Южного федерального округа с сильным этнокультурным кластером, не отвечает задаваемым показателям и вызовам времени, принимая инерционные формы как следствие применения адаптивных практик, имевших место в прошлом.

Заключение

Почему же, при наличии явных трендов, разделяемых населением Юга России (ориентация на социальную справедливость, противодействие кор-

рупции, социальную сплоченность и решение остро стоящих социальных проблем) (Социальная справедливость... 2021) не возникает консолидированного движения, включенного участия по поводу их решения? На эти вопросы ученые отвечают по-разному, склоняясь, например, к мнению о слабости гражданских ценностей, отсутствие которых особенно в полиэтничных регионах не дает возможности разрешить противоречия и консолидировать усилия для решения общих социальных проблем (Воронцов и др., 2018), но мы полагаем, что причина кроется в том, что смыслы и идеи консолидации, вызревшие в недрах массового сознания, не сочетаются с принимаемыми «сверху» решениями относительно и характера проблем, на решение которых необходимо направить усилия общества, и идеологических платформ консолидации общества.

Список источников

Анжиганова Л. В. Этнический неотрадиционализм в условиях социальных трансформаций / Л. В. Анжиганова // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 6(37). – С. 438–440. – EDN PLUWKL.

Букалова С. В. Актуальные проблемы и приоритеты культурной политики в России в контексте идеологии неотрадиционализма / С. В. Букалова, К. Г. Меркулова // Управленческое консультирование. – 2021. – № 4(148). – С. 27–35. – DOI 10.22394/1726-1139-2021-4-27-35. – EDN MBVEYP.

Верещагина А. В. Многоженство в Дагестане в оптике общественного мнения / А. В. Верещагина, Э. М. Загирова // Социологические исследования. – 2022. – № 2. – С. 117–128. – DOI 10.31857/S013216250016856-4. – EDN VNXLZD.

Верещагина А. В. Трансформация семейно-брачных ценностей молодежи на Юге России: архаизация, традиционализация, модернизация? / А. В. Верещагина, Д. В. Кротов, С. И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 2. – С. 31–35. – DOI 10.23672/SAE.2020.2.56078. – EDN IADZXP.

Воронцов С. А. О ценностных основаниях и коммуникативных факторах консолидации современного российского общества / С. А. Воронцов, А. В. Понеделков, Ф. И. Шар-

References

Anzhiganova L. V. (2012) Ethnic neotraditionalism in the conditions of social transformations / L. V. Anzhiganova // The world of science, culture, education. – No. 6 (37). – Pp. 438–440.

Bukalova S. V. (2021) Actual problems and priorities of cultural policy in Russia in the context of the ideology of neotraditionalism / S. V. Bukalova, K. G. Merkulova // Managerial consulting. – No. 4(148). – Pp. 27–35. – DOI 10.22394/1726-1139-2021-4-27-35.

Vereshchagina A. V. (2022) Polygamy in Dagestan in the optics of public opinion / A. V. Vereshchagina, E. M. Zagirova // Sociological research. – No. 2. – Pp. 117–128. – DOI 10.31857/S013216250016856-4.

Vereshchagina A. V. (2020) Transformation of family and marriage values of youth in the South of Russia: Archaization, traditionalization, modernization? / A. V. Vereshchagina, D. V. Krotov, S. I. Samygin // Humanities, socio-economic and social sciences. – No. 2. – Pp. 31–35. – DOI 10.23672/SAE.2020.2.56078.

Vorontsov S. A. (2018) On the value foundations and communicative factors of consolidation of modern Russian society / S. A. Vorontsov, A. V. Ponedelkov, F. I. Sharkov // Communicologiya. – Vol. 6, No. 3. – Pp. 58–69. – DOI 10.21453/2311-3065-2017-6-3-58-69.

ков // Коммуникология. – 2018. – Т. 6, № 3. – С. 58–69. – DOI 10.21453/2311-3065-2017-6-3-58-69. – EDN UTBCCCK.

Гармонизация межэтнических отношений населения регионов Юга России в зеркале социальной справедливости / Ю. Г. Волков, А. В. Бедрик, Н. К. Бинеева [и др.]. – Москва: KnoРус, 2022. – 250 с. – ISBN 978-5-406-11246-5. – EDN BUJRXX.

Горшков М. К. Реальности пореформенной России: четверть века социальных трансформаций в социологическом измерении / М. К. Горшков // Россия реформирующаяся. – 2018. – № 16. – С. 6–33. – DOI 10.19181/ezheg.2018.1. – EDN UVFZRE.

Клименко Л. В. Гражданско-правовые установки жителей Юга России в контексте модернизации поликультурного региона / Л. В. Клименко // Россия: тенденции и перспективы развития: материалы XV Международной научной конференции, Москва, 18–19 декабря 2014 года / ответственный редактор Ю. С. Пивоваров. – Т. 10. Ч. III. – Москва: ИНИОН РАН, 2015. – С. 599–606. – EDN WXWJEJ.

Куров Н. З. Зуммеризация традиционной культуры, как феномен трансформации общества на Кавказе / Н. З. Куров // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева. – 2022. – № 30(54). – С. 113–116. – EDN HAVLHQ.

Ламажаа Ч. К. о. Архаизация, традиционализм и неотрадиционализм / Ч. К. о. Ламажаа // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 2. – С. 88–93. – EDN MTWPJH.

Ламажаа Ч. К. о. Архаизация и неотрадиционализм: российские региональные формы / Ч. К. о. Ламажаа, М. Ш. Абдулаева // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 3. – С. 68–80. – EDN SNUAZD.

Ламажаа Ч. К. о. Комплексные проявления неотрадиционализма и архаизации в регионах Южного федерального округа / Ч. К. о. Ламажаа, Л. В. Намруева // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 4. – С. 27–39. – EDN TDUXXL.

Harmonization of interethnic relations of the population of the regions of Southern Russia in the mirror of social justice (2022) / Yu. G. Volkov, A. V. Bedrick, N. K. Bineeva [et al.]. – Moscow: KnoRus Publishing House. – 250 p. – ISBN 978-5-406-11246-5.

Gorshkov M. K. (2018) Realities of post-reform Russia: a quarter of a century of social transformations in the sociological dimension / M. K. Gorshkov // Russia reforming. – No. 16. – Pp. 6–33. – DOI 10.19181/ezheg.2018.1.

Klimenko L. V. (2015) Civil-legal attitudes of residents of the South of Russia in the context of modernization of a multicultural region / L. V. Klimenko // Russia: trends and prospects of development: proceedings of the XV International Scientific Conference, Moscow, December 18–19, 2014 / Responsible editor Yu. S. Pivovarov. Volume 10. Part III. – Moscow: INION RAS. – Pp. 599–606.

Kurov N. Z. (2022) The buzzerization of traditional culture as a phenomenon of transformation of society in the Caucasus / N. Z. Kurov // Bulletin of Science of the T. M. Kerashev Adygea Republican Institute for Humanitarian Studies. – No. 30(54). – Pp. 113–116.

Lamazhaa C. K. O. (2010) Archaization, traditionalism and neotraditionalism / C. K. O. Lamazhaa // Knowledge. Understanding. Ability. – No. 2. – Pp. 88–93.

Lamazhaa C. K. O. (2014) Archaization and neotraditionalism: Russian regional forms / C. K. O. Lamazhaa, M. Sh. Abdulaeva // Knowledge. Understanding. Ability. – No. 3. – Pp. 68–80.

Lamazhaa C. K. O. (2014) Complex manifestations of neotraditionalism and archaization in the regions of the Southern Federal District / C. K. O. Lamazhaa, L. V. Namrueva // Knowledge. Understanding. Ability. – No. 4. – Pp. 27–39.

Magomedov P. S. (2016) Actualization of ethnicity and neotraditionalism in the modern North Caucasus / P. S. Magomedov, G. M. Chanakaev // European Journal of Social Sciences. – No. 10. – Pp. 305–309.

Магомедов П. Ш. Актуализация этничности и неотрадиционализм на современном северном кавказе / П. Ш. Магомедов, Г. М. Чанакбаев // Европейский журнал социальных наук. – 2016. – № 10. – С. 305–309. – EDN ZSVQWH.

Мадюкова С. А. Социокультурный неотрадиционализм: воспроизведение традиций и воспроизводство этничности / С. А. Мадюкова, Ю. В. Попков // Новые исследования Тувы. – 2010. – № 2. – С. 25–39. – EDN РННЛНН.

Попков Ю. В. Понятие этнокультурного неотрадиционализма: к методологии анализа / Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев // Личность. Культура. Общество. – 2012. – Т. 14, № 4(75–76). – С. 187–193. – EDN PVBQRT.

Попков Ю. В. Ресурс неотрадиционализма в формировании ценностей и идентичности у студенческой молодежи (на примере калмыков, русских, якутов и монголов) / Ю. В. Попков, Л. Б. Четырова // Евразийство и мир. – 2014. – Т. 1, № 4. – С. 131–146. – EDN УНКЗСФ.

Рындина О. М. Этническая культура, цифровизация и неотрадиционализм / О. М. Рындина // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2019. – № 35. – С. 264–274. – DOI 10.17223/22220836/35/24. – EDN JORZFC.

Социальная справедливость в сфере межэтнических отношений и укрепления общероссийской идентичности населения Юга России / Ю. Г. Волков, А. В. Бедрик, Н. К. Бинева [и др.]. – Москва: Русайнс, 2021. – 180 с. – ISBN 978-5-4365-9193-3. – EDN ТАЙУНН.

Узунов В. В. Социальная консолидация и инновационное развитие регионального пространства Юга России: методологическая схема исследования / В. В. Узунов // Гуманитарий Юга России. – 2019. – Т. 8, № 3. – С. 216–230. – DOI 10.23683/2227-8656.2019.3.22. – EDN LZYLZ.

Цлаф В. М. Инновации: мифы и реалии / В. М. Цлаф // Философские науки. – 2016. – № 4. – С. 79–92. – EDN WEJJOL.

Madyukova S. A. (2010) Sociocultural neotraditionalism: reproduction of traditions and reproduction of ethnicity / S. A. Madyukova, Yu. V. Popkov // New studies of Tuva. – No. 2. – Pp. 25–39.

Popkov Yu. V. (2012) The concept of ethnocultural neotraditionalism: to the methodology of analysis / Yu. V. Popkov, E. A. Tyugashev // Personality. Culture. Society. – Vol. 14, No. 4(75–76). – Pp. 187–193.

Popkov Yu. V. (2014) The resource of neotraditionalism in the formation of values and identity among students (on the example of Kalmyks, Russians, Yakuts and Mongols) / Yu. V. Popkov, L. B. Chetyrova // Eurasianism and the World. – Vol. 1, No. 4. – Pp. 131–146.

Ryndina O. M. (2019) Ethnic culture, digitalization and neotraditionalism / O. M. Ryndina // Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art history. – No. 35. – Pp. 264–274. – DOI 10.17223/22220836/35/24.

Social justice in the sphere of interethnic relations and strengthening of the All-Russian identity of the population of the South of Russia (2021) / Yu. G. Volkov, A. V. Bedrick, N. K. Bineva [et al.]. – Moscow: Rusains Limited Liability Company. – 180 p. – ISBN 978-5-4365-9193-3.

Uzunov V. V. (2019) Social consolidation and innovative development of the regional space of the South of Russia: methodological scheme of research / V. V. Uzunov // Humanities of the South of Russia. – Vol. 8, No. 3. – Pp. 216–230. – DOI 10.23683/2227-8656.2019.3.22.

Tslaf V. M. (2016) Innovations: myths and realities / V. M. Tslaf // Philosophical Sciences. – No. 4. – Pp. 79–92.

Для цитирования: Узунов В. В. Фактор неотрадиционализма в развитии консолидационных практик на Юге России // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 3(61). – С. 46–56.
DOI 10.18522/2227-8656.2023.3.4
EDN GOEIGX

История статьи:

Поступила в редакцию – 28.04.2023
Получена в доработанном виде –
30.05.2023
Одобрена – 09.06.2023

Сведения об авторе

Узунов Владимир Владимирович
директор, Крымский филиал
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН;
докторант Южного федерального
университета
vladimir.uzunov@mail.ru

Information about author

Vladimir V. Uzunov
Director, Crimean Branch
of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian
Academy of Sciences;
Doctoral student
of the Southern Federal University
vladimir.uzunov@mail.ru

ЭСТЕТИКА КАСАНИЯ

AESTHETICS OF TOUCH

В. О. Пигулевский *

V. O. Pigulevsky *

* Частное учреждение высшего образования «Южно-Российский гуманитарный институт», Ростов-на-Дону, Россия

* Private institution of higher education "South Russian Humanitarian Institute" Rostov-on-Don, Russia

Цель исследования: переосмысление предметного поля эстетики с позиции философской антропологии.

Objective of the study: rethinking the subject field of aesthetics from the perspective of philosophical anthropology.

Методологическая база исследования строится на концептуальных положениях общества риска (У. Бек, О. Н. Яницкий); институциональном подходе в соответствии с неоинституциональной концепцией Д. Норта; культурологическом направлении теории доверия как инструменте измерения социального капитала (П. Штомпка, Ф. Фукуяма).

The methodological basis of the research is based on the conceptual positions of the risk society (W. Beck, O. N. Yanitsky); the institutional approach in accordance with the neo-institutional concept of D. North; the cultural direction of the theory of trust as a tool for measuring social capital (P. Shtompka, F. Fukuyama).

Результаты исследования. Суть эстетики касания поверхностей в обеспечении комфорта существования, в сочетании красоты и пользы. Работа воображения в ситуации поглощенности тела стихиями мира рождает мечты, которые питают мифологию души. В этом плане эстетическое раскрывается как фантастическое. Семантика жеста и мимики становится подоплекой эстетики невербальной коммуникации – симпатии и антипатии, любви или ненависти, наслаждения и отвращения. В общении раскрывается весь спектр эстетико-психологических отношений – от наслаждения до отвращения, от боли и трагедии до радости и восхищения.

Research results. The essence of the aesthetics of touching surfaces is to ensure the comfort of existence, in a combination of beauty and usefulness. The work of imagination in a situation of absorption of the body by the elements of the world gives rise to dreams that feed the mythology of the soul. In this regard, the aesthetic is revealed as fantastic. The semantics of gesture and facial expressions become the background of the aesthetics of nonverbal communication – likes and dislikes, love or hate, pleasure and disgust. Communication reveals the whole spectrum of aesthetic and psychological relationships from pleasure to disgust, from pain and tragedy to joy and admiration.

Перспективы исследования. Данная тема может представлять широкий интерес в изучении философской антропологии, культурологии, медицины.

Ключевые слова: эстетика, осязание, касание, высокая чувствительность, приятная осязательность, тактильная привлекательность, прелестное, боль, отвратительное.

Prospects of the study. This topic may be of wide interest in the study of philosophical anthropology, cultural studies, medicine.

Keywords: aesthetics, touch, touch, high sensitivity, pleasant tactility, tactile attractiveness, charming, pain, disgusting.

Эстетика касания

Современный интерес к телесности человека требует переосмысления предметного поля эстетики с позиции философской антропологии. В противовес трансцендентальной субъективности в качестве фундаментального основания исследования выдвигается субъективность тела и сферы его практической жизнедеятельности. Предлагается, например, сомаэстетика в таких аспектах повседневной жизни человека как репрезентационный – косметология, массаж, фитнес; экспериментальный – йога, медитации; и перформативный – забота о себе, тренинги и воспитание (Шустерман, 2012. С. 393–398). Среди различных телесных практик самой проблематичной сферой, является, пожалуй, осязание: «Переживание осязания подобно хорошему зеркалу, которое отражает наш образ, само же остается невидимым. Оно почти неощутимо, и всё же образует базу для всех разыгрывающихся на нем чувственных восприятий» (Кеннинг, 2002. С. 21). Задачей данной статьи является выяснение эстетического измерения, фундированного осязанием. Практически эстетика касания представлена проектированием поверхностей вещей и инструментов, обеспечивающих комфорт существования, а также циркуляцией знаков невербальной коммуникации.

Касание как бытие в мире

Человек телесно не только пребывает в мире, но и мир инкрустирован в тело (М. Мерло-Понти). Человек дышит, питается, общается, осмысливает и преобразует мир. Речь идет о субъективности тела и телесных практиках, таких как движение, касание, манипуляция, плотское влечение и ласка, удовольствие и боль, вкушение и трапеза, обоняние и аромат, слух и речь, зрение и взгляд, выделения и испражнение. Если обратить внимание на действие руки как особого инструмента осязания, то схватывание и манипуляция вещами и инструментами описывается термином *haptics* (Пигулевский, 2006. С. 31–36; Эпштейн, 2006. С. 16–17; Coppola, 1970. P. 14–15; Heslin, 1983; Katz, 1989; Mantagu, 1986). Эффективности действий человека с вещами, инстру-

ментами и техникой посвящена эргономика. Благодаря эргономике устанавливаются стандарты проектирования – сопряжения человеческой телесности с утилитарными вещами и урбанистической средой обитания.

Как известно, **осязание** (кинестетика, тактильное чувство) – контактное чувство, способность воспринимать что-либо рецепторами, расположенными в коже, мышцах, слизистых оболочках. Телесные ощущения вызываются давлением, вибрацией, температурой, весом, фактурой, материалом и формой вещей. Это самое достоверное чувство, позволяющее проверять визуальное восприятие. Осязание является тем допредикативным восприятием, на основе которого складывается опыт плотского освоения мира, кинестетики, хаптики. Какова форма, текстура, вес и температура предмета – вопрос, фундирующий наше бытие-в-мире. Осязание «работает» в модусах рассудочности и воображения. Вопрос заключается в определении эстетического измерения, фундируемого осязанием. Если осязание – непосредственное, допредикативное восприятие, то **касание** – рефлексия опыта осязания, оно изначально интенционально, делается с намерением для чего-то и зачем-то. Ощущение вещей кожей осмысленно, даже если изначально это неосознанная реакция, поскольку человек есть «очаг смысла» (М. Мерло-Понти). Касание – осмыслено как 1) познавательный интерес к объекту и рациональная реакция на ситуацию, 2) означивание тактильных образов через работу рассудка и воображения; 3) способ взаимодействия с объектами и инструментами; 4) способ невербального общения.

Касание может дополняться сенсорными наслаждениями, такими как возбуждение, экстаз, облегчение, изумление, выражающими «жизнь тела». Опыт осязания вовлечен в сферу субъективности, эмоциональной жизни человека, в психологическую (духовную) жизнь человека (Лоуэн, 2007. С. 95). Поэтому касание, в зависимости от жизненной ситуации, запускает цепь эмоций: *страх* в случае боли или возможности боли, физической или социально-психологической угрозы; *гнев*, вызываемый раздражением, озлоблением, нанесенной обидой, либо психопатологией насилия; *отвращение*, триггером которого становится источник заразы, продукты жизнедеятельности – моча, кал, рвота, кровь, слизь, болезнь или трупы, пищевые запреты; *удовольствие и наслаждение* – кинестетическое, пищевое, и пр.

Касание обуславливает наше понимание мира и возможности телесного действия в нем. Прикосновение осуществляется как трансцендирование предела тела (Montagu, 1986. Р. 16–17). С одной стороны, *рефлексия* касания предстает как познавательный интерес к объекту – ощупывание, исследование поверхности или погружения в среду. Мы познаем мир через кожу, пальцы, стопы, будучи биологически укоренены в естественной среде. Рационально касание позволяет обнаружить истину, качество и состояние объекта.

Проекты поверхностей, по которым ходят, систем ручного управления, текстиля, обволакивающего наше тело, материала посуды, влияющей на органолептический вкус – задачи дизайна. Вместе с тем в проектах сочетается рациональное и желаемое. Целесообразно сконструированный мир цивилизации несет в себе элемент вымысла. Более того, инструменты, которыми пользуется человек, создаются для определенного способа бытия – подручного (*das Zuhanden*) в отличие от наличного (*das Vorhanden*). Присутствие окружающего мира предстает как наличие телесных вещей, повседневно близких и нужных человеку (Хайдеггер, 1997. С. 106).

С другой стороны, означивание тактильных образов предполагает работу *воображения*, которая выражается в искусстве и дизайне. Касание осуществляется в движении, схватывании, манипуляции в модусах интереса или реакции на ситуацию. На границе касания тела и плоти мира, помимо данного, наличного, истинного, возникает флер вымысла. Греза создается воображением, которое работает с опытом осязания, со следами бессознательного от постоянного сопряжения субъективности тела и плоти мира. Стихии огня, воды, воздуха и земли как архетипы бытия-в-мире рождают грезы, которые воплощаются образно-метафорически. Связь грезы с миром очень тесная, здесь нет «дистанции» (Башляр, 2009. С. 151). Лепка со следами пальцев скульптора – способ воплощения пластического воображения, архетипов действия, манипуляции руки, воли преобразования «земли». Словом, ремесленное изготовление вещей есть воплощение индивидуального мастерства, габитуса, архетипов бессознательного.

Чувственность касания – это *боль, наслаждение и отвращение*. Боль как травма осязания – это внешняя, физическая боль, воздействие на кожу или тело человека. Ее интенцией могут быть травма, пытка, болезнь, дисфункция с аффектами жеста, гримасы, стоны, рыдания, жалобы или крика (Ветлесен, 2010. С. 39). Субъективное переживание боли – разрыв символического и возникновение чувства одиночества. В случае религиозной экзальтации боль вызывает стигматы (С. Зонтаг). Боль определяют как резкую, пульсирующую, мерцающую, жгучую, колющую, тупую, гудящую, острую, жалящую. Правда о боли располагается внутри того, кто ее переживает. Боль обозначает аффекты, локализованные в отдельных органах тела, ощущаемые кожей или всем телом (все болит), а «страдание» соотносится с интеллектуальными переживаниями, переносится на отношения к себе и другому. Физическая боль индивидуализирует, то есть обозначает различие между человеком, страдающим от боли, и всеми остальными, она «отбрасывает меня к себе самому, к себе как к телу, и только телу» (Рикер, 2017. С. 48). Ее интенцией может быть травма, пытка, болезнь, дисфункция с аффектами жеста, гримасы, стоны, рыдания, крика или жалобы. Физическая боль является интенциональной, она

всегда чья-то боль и о чем-то боль. Так, пытка, если она осуществляется прилюдно, предполагает превращение боли в спектакль, в эффект «визуального шока». Пытка является экстремальным способом подавления личности и доведения человека до состояния животного. Пытку нельзя рассматривать только как отвратительный акт слепой жестокости, скорее она является тщательно выверенным инструментом культуры, «искусством поддерживать жизнь в страдании» (Линден, 2019. С. 194).

Без эмоциональной компоненты, такой как страх, раздражение, удивление, обида, гнев, страдание, интерес, боль останется заурядным опытом (Линден, 2019. С. 204). Трагедия и страх становятся эстетическим измерением боли. Образы, которые в состоянии нести боль от насилия, выразить нашу уязвимость, тронуть нашу чувствительность передают перформансы на грани символического: Марина Абрамович, Вито Акончи, Денис Оппенгейм, Павел Павленский и др. Трагедия и ужас воплощаются в истязании героями собственного тела, это демонстрируется в фильмах Ким Ки Дука «Остров» (2000), Марины де Ван «В моей коже» (2002), Ларса фон Триера «Нимфоманка» (2013).

В отличие от боли как состояния, «в котором человек действительно ничего не чувствует кроме самого себя; в удовольствии, наоборот, наслаждаются не самим собой, а предметом» (Арендт, 2017. С. 404). Гомеостазис, состояние динамического баланса человеческого организма и окружающей среды обуславливается одеждой, которая поддерживает температуру, комфортную телу и предохраняет от излишней влаги или вредных воздействий. Поэтому постоянным касанием тела является восприятие ткани, будь то хлопок, шерсть, шелк или синтетика. Ткань настолько важна для нашей телесной жизни, что через опыт ее ношения, использования в интерьере и постели образуются ряд метафор, описывающих состояние жизни. Радости жизни – это чувственное удовольствие пребывания человека в естественной среде. Например, мышечное удовольствие во время движения, физических упражнений, спортивных состязаний, танца или труда до порога усталости. Таково наслаждение пребывания в природе, по контрасту с городской жизнью, – пикник, рыбалка, сбор ягод или просто отдых в лесу, в горах или у реки. Особую радость доставляет погружение в воду – плавание, отдых на реке или на море. Или ощущение полета, парение в пространстве, преодолевающее гравитацию (канатная дорога, воздушный шар, полет на самолете, экстремальный прыжок и пр.). Радость осязания – это тепло солнца, ласкающее кожу, освежающий руки поток воды, веяние ветра, охватывающее лицо и тело, наслаждение хождения босиком по шелковистой траве и пр. Плотские удовольствия подразумевают культуру тела в урбанистической среде – чистое или грязное, нейтральное, пахнущее или вонючее, здоровое или больное, привлекательное или уродливое, полно-

ценное или заразное. В урбанистической среде состояние комфорта является сферой дизайн-проектирования и целью общества потребления. Миф комфорта как достижения длительного телесно-чувственного наслаждения фундирует западную цивилизацию.

Касание вовлечено в психосоматическую жизнь и может дополняться сенсорными наслаждениями, такими как возбуждение, восторг, усада, утешение, увеселение, радость, восхищение, ликование, экстаз, исступление, облегчение, довольство, изумление, восторг, сладострастие, блаженство (Мантегацца, 2012. С. 408–413). Касание может быть *наслаждением*, которое возбуждает воображение и затрагивает архетипы. В плане касания бытия можно констатировать, что к огню прикоснуться нельзя, его стихия разрушительна, огонь может быть испепеляющим. Зато ощущение тепла от костра или домашнего очага вызывает блаженство, ведет к мечтательности, в которой слиты любовь к огню и его почитание, инстинкт жизни и инстинкт смерти – комплекс Эмпедокла (Башляр, 1993. С. 32). Огонь как укрощенная стихия похищен у богов, а потому является символом свободы и неповиновения, в почитании огня коренится комплекс Прометея (Башляр, 2004. С. 233). Тепло огня вызывает поток грез о концентрированной силе, то есть пробуждает сексуальные ассоциации, обозначая страсть и инстинкт жизни. Родом мечтания у очага становятся сексуальные фантазии, которые представляют собой попытку «*вписать* в центр всех вещей человеческую любовь» (Башляр, 1993. С. 80, 82). Грезы касания воздуха рождают счастливую поэзию: «Воздух – это своего рода преодолённая материя... Земная радость – это изобилие и тяжесть; водная радость – это вялость и покой; огненная радость – любовь и желание; воздушная радость – свобода» (Башляр, 1999. С. 183). Фантазии полета дают особое ощущение легкости, творческого порыва. Воспарение рождает миф о Меркурии и образы птиц в небе (Башляр, 1999. С. 99). Грезы воды как источника жизни увязываются с женским началом и обрастают метафорами материнской заботы и источника молодости (Калницка, 2004. С. 64). Погружение в воду может приносить комфорт, уют, тепло благополучия, а может охлаждать разум, обжигать кожу холодом, грозить смертью. Эта греза приносит чувство преходящего бытия, метафору нашего последнего путешествия и растворения в природе, а значит, чревата упоением смертью – комплексами Офелии и Харона (Башляр, 1998. С. 107–134). Грезы земли затрагивают вопрос не просто касания, а орудийной деятельности, работы преобразования и углубления. Соппротивление земли – грезы воли, концентрация фантазии об энергии, соединяющая усилие и упование. Грезы воли разбухают метафорами агрессии с подлинным гипнотизмом силы (Башляр, 2000. С. 51). Так, осязаемый мир стихий Эмпедокла стимулирует работу воображения, которое не просто пробуждает и выражает эмоции, но является «логикой чувств».

Фантастическое становится эстетическим продуктом архетипического воображения (Гулыга, 1987. С. 145–153).

Срыв символических покровов культуры и преодоление табу, то есть непосредственное касание действительности, вызывает *страх и отвращение*. Запреты грязи, нечистот, продуктов гниения, крови, трупов, телесных отбросов является символическим порядком культуры. Так, в Средние века происходит табуирование спермы и крови, умаление сексуальных связей, плотской жизни, что порой сопровождается самобичеванием (Ле Гофф, 2008). Эстетическая регрессия на край дискурса, трансгрессия табу обостряют чувственность и вызывают ужас. Отвращение названо: в ночи, наполненной темными звуками, но совершенно лишенной изображений; в толпе опустошенных тел, с одним желанием продолжения наперекор всему и ничто... «В конечном счете отвращение – оборотная сторона религиозных, моральных, идеологических кодов, на которых зиждется сон индивидов и покой государств. Эти коды – источник их очищения и сдерживания. Подавление кодов вернет нам проблему “апокалипсиса”» (Кристева, 2003. С. 243–245).

В пограничной ситуации выбора приверженности собственной страсти (уникальности существования) и отрицания бессмысленности повседневности (социальной сущности субъекта) возникает раскол сознания, разрыв символического. Это обнажает бытие как «тошноту» (Ж.-П. Сартр). Экзистенциальный срыв символического открывает истину конечности человеческого существования: «Истина в том, что истины нет» (А. Камю) – ясное сознание неизбежности смерти и бессмысленности повседневности. Какое воздействие оказывает Ничто? Ничто порождает страх (Кьеркегор, 1993. С. 143). Вещи теряют не просто имена, сбрасывают ярлыки, но само бытие открывается как неживое, неопределенное, что рождает тревогу, метафизический страх – *Angst*: «Ужасу присущ какой-то оцепенелый покой. <...> И неопределенность того, перед чем и от чего берет нас ужас, есть не просто недостаток определенности, а принципиальная невозможность что бы то ни было определить. <...> Ужасом приоткрывается Ничто» (Хайдеггер, 1993. С. 20). Трагедия расколотого сознания становится эстетическим измерением пограничной ситуации (Ниббриг, 2005).

Эксперименты с опытом осязания в искусстве – это тактилизм Филиппо Томазо Маринетти, Умберто Боччони, чувство поверхности под ногами у Карла Андре, подрыв стереотипов восприятия формы повседневных вещей у Рауля Хаусмана, Мерет Опенгейм, Клауса Ольденбурга, фальсификация опыта осязания за счет подмены живого, сексуального мертвым, искусственным, протезированным у Синди Шерман, Сары Лукас, Джуди Чикаго. В отличие от художественного вымысла касания *touch art* дизайн-проектирование нацелено на конструирование поверхностей *hi-touch* (высокой чув-

ствительности), *pleasant tactility* (приятной осязательности), *tactile likeability* (тактильной привлекательности). Поверхности касания тела – это одежда, окружающая среда, вещи и инструменты. Особую роль в жизни людей имеют ткани одежды, постели, мебели и интерьера. Исторически хлопок, шелк, лен и шерсть, сотканые в полотно сначала с помощью веретена и прялки, а затем с помощью ткацкого станка уже в промышленных масштабах, становятся глобальным товаром с массовым потреблением. Ткань в одежде и интерьере имеет особые тактильные свойства: лен, хлопок и шерсть создают мягкую, уютную атмосферу; шелк, гладкий и тонкий, прохладный на ощупь, дарит ощущение роскошной неги. Разумеется, играет роль и текстура и выделка ткани: бархат – популярная обивка для мягкой мебели, которая создает нежный и притягательный вид; жаккард, плотная и рельефная ткань со сложным переплетением, усиливает привлекательность мебели; букле с шишковатым рельефом, использованная Габриэль Шанель для юбок, жакетов и пальто, в качестве пледов и обивки мебели передает мягкость и легкость, обволакивающую фактуру. Можно продолжить о тактильных качествах батиста, бумази, вареной и камвольной шерсти, люстрина, муслина, парчи, рогожки, саржи, ситца, тюли, фетра, холста. Ткань и ее составляющие давно стали метафорами человеческой жизни (Сен-Клер, 2020. С. 18). Синтетические ткани, помимо одежды, парусов, или покрытий, такие как полиэстер и нейлон, применяются для реализации идеи «смягчения» техники, приятной осязательности клавиш, манипуляторов, пультов и гаджетов.

В системах управления, гаджетах и компьютерных играх касание и манипуляция требуют обратного отклика, поэтому разрабатываются программы отзывчивого дизайна (Фрэйнд, 2022). Эргономика *haptics* и *hi-touch* создают особый эффект игры вещами: Зажигалка «Zippo» Дж. Блэйсделла (1932), электробритва «Sixtant» фирмы Braun (1961), флакон «L'Air du Temps» Nina Ricci Ф. Старка (2010) и др. Так, в противовес хрустальному флакону Lalique (1985) дизайнер использовал матовое стекло и алюминий, уделив особое внимание тактильности, «только над фактурой и оттенком стекла мы трудились два года» (Филипп Старк). Проектирование стульев, бутылок для конкретных напитков, флаконов, посуды – это проектирование визуально-тактильного комплекса, фундируемого мифом комфорта с тактильной притягательностью. Эстетика вещи всегда связана визуально-тактильным комплексом продукта потребления: «попробуйте выпить вина из бутылки для кока-колы или виски из пивной бутылки – это будет настоящий шок для вкусовых рецепторов» (Суджич, 2015. С. 72). Визуально-тактильный комплекс затрагивает не только привычки и стереотипы, но побуждает тактильную привлекательность. Такие кресла, как «Слон» Жака-Эмиля Рульмана (1926), «Великий отдых» Жана Пруве (1929), «Утроба» Эро Сааринена (1948), кресло и оттоман Чальза

и Рэй Имз (1951), «Лебедь» Арне Якобсена (1958), «Elda» Джо Коломбо (1965), «Куколка» Марио Беллини (1969), «Vicario» Вико Магистретти (1970), трансформер «Wink» Тасиюки Кита (1980), обладают особой тактильной притягательностью с коннотациями отдыха и наслаждения, вплоть до эротических аллюзий – пневмокресло кресло «Донна» Гаэтано Пеше (1969). Мечта о счастье как удобной и комфортной жизни становится тем убегающим пределом, который рождает постоянную погоню за новыми вещами с изощренным покрытием.

Касание как невербальное общение

Как способ невербального общения жесты касания имеют коннотации. С помощью прикосновений устанавливается формат взаимоотношений: если он похлопывает по плечу, щиплет, треплет по щеке, то воспринимаются отношения как фамильярные, близкие, утверждающие его превосходство... их можно принять или отвергнуть. Касания выступают как реализация социальной субординации; как источник познания себя и других, «чувство кожей» – щекотка, массаж, боль, ласка; враждебные (схватывание рук ребенка как ограничение его свободы), осторожные, со страхом насильственного вторжения в личную жизнь; пощечина, удар, захват; как метонимия обладания – объятия в танце, дружеские при встрече, объятия сопереживания, установление доверия – рукопожатия, похлопывания, поглаживания (психотерапевты, мошенники, шулеры, манипулирующие сознанием людей); как исцеление – разделение с человеком, любви, радости общения, боли или уныния – воссоединение с миром через объятие, «терапевтический эффект» прикосновение к животным, уход за больными; прикосновения к святыне – к иконам, мощам, благословение через наложение рук, елеопомазание. Таково таинство Причастия: употребление хлеба и вина, святой воды, омовение и крещение (Шемякова, 2013. С. 119–137).

Однако смысл прикосновений обусловлен контекстом – скорбь или праздник, спортивная игра или деловая встреча, любовная игра или наказание. В гендерном плане может различаться функциональный или сексуальный стиль прикосновений (Крейдлин, 2002. С. 452). Тактильное поведение в невербальной ситуации обусловлено социальным положением, полом, степенью знакомства, присутствием в акте встречи третьих лиц, статикой или динамикой взаимодействия и пр.

Особое значение имеют прикосновения в любви – ласки, сексуальная близость, слияние плоти и души; особенно поцелуй, когда отдается право на говорение, люди открыты и уязвимы друг для друга и понимают друг друга без слов. Ласка есть эрос осязания. В отличие от дискурса, плотские касания невыразимы. Жесты касания образуют разрывы, бреши в привычных дис-

курсах о сексуальном: «Да, наслаждение не терпит слов... Язык становится слишком беден: все его уловки по метафоризации, изливающиеся через край, в прикосновении к средоточию невыразимого, почти бессильны» (Юран, 2017. С. 28–29).

Регистром ласки является поцелуй. Французское слово *basier* является одновременно и глаголом, и существительным. «Поцелуй» в каком-то смысле не существует как нечто такое, что один дает, а другой получает; поцелуй – это дар поцелуя». Само значение слова *basier* усматривает в сексуальных отношениях своего рода текучесть (Нанси, 2017. С. 28–29). Эта текучесть – образование эрогенных зон посредством жестов, поцелуев, которые «имеют подвижные, мимолетные очертания, идентичные жестам, которые их выводят, возбуждают, воспаляют» (Нанси, 2004. С. 58).

В процессе переноса касаний между ладами вспыхивает смысл сексуальности. Жан-Люк Нанси отсылает к строкам Пауля Целана «Ночной поцелуй / Клеймит язык ожогом смысла». Ведь «ожог смысла» (*de sens*) – это же и «ожог чувств» (*des sens*) (Нанси, 2017. С. 56). Смысл сексуальности возможен лишь в модальности «транс» – перенос, исступление (*transport*), трансфер, трансляция, трансцендирование, трансгрессия (к) другому. В этих колебаниях и разрывах касаний осуществляется интимность как «превосходная степень внутреннего» (Нанси, 2004. С. 47). Интимность коренится в поляризации – это «разнородность соприкасающихся поверхностей» (Нанси, 2004. С. 136). Интимность бездонна и безосновна, «интимное, то есть нечто такое, что вечно уклоняется от любой попытки что бы то ни было ему (ей) приписать» (Нанси, 2017. С. 62). Различие полов в ситуации *rapport* – сама интимность, потому ее трудно распределить по ее ролям. Вовне – это интимные жесты, прикосновения, призывы, такие как взгляд, просьба, прислушивание, прикосновение, или требование, мольба, заискивание.

Любовные касания и ласки совершаются как обоюдное чувство «кожей и всем телом». Это обладание является не присвоением, а воплощением другого для меня и меня для другого через удовольствие. Любовные касания и ласки – не что иное как присвоение тела другого, когда кожа другого буквально рождается под моими пальцами. Но наряду с этим, это и открытие моего тела: «И это не потому, что тело есть инструмент или точка зрения, но потому что оно есть чистая фактичность» (Сартр, 2000. С. 403). Ласка выражает желание, так же как язык выражает мысль (Сартр, 2000. С. 404). Другой воплощается для меня через удовольствие так же, как и я для него самого, что в корне отлично от обычной ситуации, в которой мы не чувствуем ни собственной кожи, ни кожи другого, пусть даже при случайном соприкосновении в толпе. Легкость прикосновений остается на поверхности, что контрастирует с сильным желанием, и это не позволяет мне присвоить другого. Она

не является просто соприкосновением, а становится формированием, она воплощает другого. Словом, истинное обладание есть двойное взаимное воплощение (Сартр, 2000. С. 405). Так, если женщина (или мужчина) выступает как предмет желания полностью, то есть вместе с сознанием, то это отнюдь не простой плотский объект, а желание является не просто чувством, а способом бытия. В соприкосновении тел любовники раскрывают свою трансцендентность друг в друге (Сартр, 2000. С. 405, 414).

В слиянии тел мужчины и женщины возникает открытие чего-то, что является плотью вещей. Когда желание осуществляется как фактическое обладание телом другого, а не переносом душевного, тогда создается почва для мазохизма или садизма. Жертвой садиста становится «образ самой свободы, сломанной и поработанной». Только свободное тело в соприкосновении с другим раскрывает свою трансцендентность и в этом смысле выступает не нагим или непристойным объектом, но грациозной плотью. Его движения не механические, но живые, оно не инструмент для наслаждения, но трансцендируемая свобода как свойство плоти. Фактичность наряжается и маскируется грацией; нагота тела полностью присутствует, но не может быть видимой, обнаженное тело своими жестами окутывает себя невидимыми одеждами, полностью скрывая свою плоть (Сартр, 2000. С. 414).

Итак, осязание, выступая как касание, органически включено в психосоматическую, эмоциональную, душевную жизнь человека. Суть эстетики касания в восприятии поверхностей, жизни в среде, выражение чего является комфорт как сочетание прекрасного и утилитарного, красоты урбанистического мира и эргономики манипуляции вещами и инструментами. Работа воображения в ситуации поглощенности тела стихиями рождает мечту и грезу, которые питают мифологию души. В этом плане эстетическое раскрывается как фантастическое. Травмирующий аспект бытия в мире, чреватый болью или смертельной угрозой, предстает как трагедия существования. В случае трансгрессии норм и табу культуры эстетическое раскрывается как непристойное и отвратительное, как переживание безобразного.

В плане невербального общения регистр эмоционального отношения меняется в зависимости от намерений человека и культурной ситуации – от иронии до поощрения, от поддержки до оскорбления, от приветствия до проклятия, от воздушного поцелуя до угрозы, от выражения желания до холода безразличия, и пр. В близости через ласки и поцелуи эстетическое выступает как прелестное и восхитительное. Семантика жеста и мимики становится подплекой эстетики невербальной коммуникации – симпатии и приветствия, любви или ненависти, наслаждения или отвращения. В общении раскрывается весь спектр эмоционально-психологических и эстетических отношений.

Список источников

Arendt H. Vita activa, или О деятельной жизни / Х. Арендт; пер. с нем. и англ. В. В. Библихина. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. – 437 с. – ISBN 5-89329-230-8.

Bachelard G. Вода и грезы = L'eau et les rêves: опыт о воображении матери / Г. Башляр; пер. с фр. Б. М. Скуратова. – Москва: Изд-во гуманитар. лит., 1998. – 268 с. – ISBN 5-87121-014-7.

Bachelard G. Грезы о воздухе = L'air et les songes: Опыт о воображении движения / Г. Башляр; пер. с фр. Б. М. Скуратова. – Москва: Изд-во гуманитар. лит., 1999. – 344 с. – ISBN 5-87121-018-X.

Bashlyar G. Избранное: Поэтика грезы / Г. Башляр; [пер. с фр.: В. П. Большаков и др.]. – Москва: РОССПЭН, 2009. – 437 с. – ISBN 978-5-8243-1114-3.

Bashlyar G. Избранное: поэтика пространства / Г. Башляр; [пер.: Н. В. Кислова и др.]. – Москва: РОССПЭН, 2004. – 373 с. – ISBN 5-8243-0489-0.

Bashlyar G. Психоанализ огня: [пер. с фр.] / Г. Башляр; [вступ. ст. и примеч. Н. В. Кисловой]. – Москва: Прогресс, 1993. – 176 с. – ISBN 5-01-003916-8.

Vetlesen A. Y. Философия боли: монография / А. Ю. Ветлесен. – Москва: Прогресс-Традиция, 2010. – 240 с. – ISBN 978-5-89826-351-5. – EDN RAYUVVH.

Gulyga A. V. Принципы эстетики / А. В. Гulyга. – Москва: Политиздат, 1987. – 285 с.

Kalnitska Z. Магия воды и женщины: филос.-эстет. заметки / З. Калницка; пер. с чеш.: [Михаил Письменный]. – Изд. 2-е, доп. – Калуга: Облиздат, 2004. – 167 с.

Koenig K. Развитие чувств и телесный опыт: Лечебно-пед. аспекты учения о чувствах Рудольфа Штайнера / К. Кениг; подгот. и доп. заклоч. гл. Георг фон Арним. – Калуга: Духов. познание, 2002. – 165 с. – ISBN 5-88000-066-4.

Kreydlin G. E. Невербальная семиотика: [язык тела и естеств. язык] / Г. Е. Крейдлин. – Москва: Новое лит. обозрение, 2002. – 581 с. – ISBN 5-86793-194-3.

References

Arendt H. (2000) Vita activa, or About active life / H. Arendt; translated from German and English by V. V. Bibikhin. – Saint Petersburg: Aleteya. – 437 p. – ISBN 5-89329-230-8.

Bachelard G. (1998) Water and dreams = L'eau et les rêves: an experience about the imagination of the mother / G. Bachelard; translated from French by B. M. Skuratov. – Moscow: Publishing house of Humanitarian literature. – 268 p. – ISBN 5-87121-014-7.

Bachelard G. (1999) Dreams of the air = L'air et les songs: An experience about the imagination of movement / G. Bachelard; translated from French by B. M. Skuratov. – Moscow: Publishing house of Humanitarian literature. – 344 p. – ISBN 5-87121-018-X.

Bashlyar G. (2009) Favorites: Poetics of dreams / G. Bashlyar; [translated from French by V. P. Bolshakov et al.]. – Moscow: ROSSPEN. – 437 p. – ISBN 978-5-8243-1114-3.

Bashlyar G. Favorites: poetics of space / G. Bashlyar; [translated by N. V. Kislova et al.]. – Moscow: ROSSPEN, 2004. – 373 p. – ISBN 5-8243-0489-0.

Bashlyar G. (1993) Psychoanalysis of fire: [Translated from French] / G. Bashlyar; [Introduction and note by N. V. Kislova]. – Moscow: Progress. – 176 p. – ISBN 5-01-003916-8.

Vetlesen A. Y. (2010) Philosophy of pain. Monograph / A. Y. Vetlesen. – Moscow: Progress-Tradition. – 240 p. – ISBN 978-5-89826-351-5.

Gulyga A. V. (1987) Principles of aesthetics / A. V. Gulyga. – Moscow: Politizdat. – 285 p.

Kalnitska Z. (2004) The magic of water and women: Philos.-aesthete. Notes / Z. Kalnitska; transl. from Czech: [Mikhail Pisy]. – 2nd edition, supplement. – Kaluga: Oblizdat. – 167 p.

Koenig K. (2002) The development of feelings and bodily experience: Therapeutic ped. aspects of the doctrine of feelings by Rudolf Steiner / K. Koenig; preparation and an additional note by Georg von Arnim. – Kaluga: Spiritual knowledge. – 165 p. – ISBN 5-88000-066-4.

Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении / Ю. Кристева; [пер. А. Костинова]. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2013. – 246 с. – ISBN 978-5-91419-901-9.

Кьеркегор, С. Страх и трепет: [этические трактаты] / С. Кьеркегор; [пер. с дат., коммент. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева; общ. ред., сост. и предисл. С. А. Исаева]. – Москва: Республика, 1993. – 382 с. – (Библиотека этической мысли). – ISBN 5-250-01827-0.

Ле Гофф Ж. История тела в средние века / Ж. Ле Гофф, Н. Труон; пер. с фр. Е. Лебедевой. – Москва: Текст, 2008. – 185 с. – ISBN 978-5-7516-0696-1.

Линден Д. Осязание: чувство, которое делает нас людьми / Д. Линден; [пер. с англ. А. Коробейникова]. – Москва: Синдбад, 2019. – 314 с. – ISBN 978-5-00131-000-6.

Лоуэн А. Психология тела: биоэнергетический анализ тела / А. Лоуэн; [пер. с англ. С. Коледа]. – Москва: Ин-т общегуманитарных исслед.: В. Секачев, 2007. – 253 с. – ISBN 978-5-88230-143-8.

Мантегацца П. Физиология наслаждений: с портр. [и краткой биограф.] авт.: пер. с 9 стереотип. итал. изд. / Соч. П. Мантегацца, проф. антропологии и сенатора Итальян. королевства. – 2-е изд., пересмотр. – Москва: Ф. И. Анский, 1892. – 518 с.

Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное / Ж.-Л. Нанси. – Минск: И. Логвинов, 2004. – 272 с.

Нанси Ж.-Л. Сексуальные отношения? / Ж.-Л. Нанси. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. – 128 с.

Ниббриг Х. Эстетика смерти / К. Л. Х. Ниббриг; пер. с нем. А. Белобратова. – Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. – 420 с. – ISBN 5-89059-065-0.

Рикёр П. Философская антропология. Рукописи и выступления / П. Рикёр; [пер. с фр. И. С. Вдовиной]. – Москва: Изд-во гуманитарной литературы, 2017 (Programme A. Pouchkine) – Т. 3. – 2017. – 311 с. – ISBN 978-5-87121-050-5.

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменол. онтологии / Ж.-П. Сартр; [пер. с фр.,

Kreidlin G. E. (2002) Nonverbal semiotics: [body and natural language] / G. E. Kreidlin. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. – 581 p. – ISBN 5-86793-194-3.

Kristeva Yu. (2013) The Forces of horror: an essay on disgust / Yu. Kristeva; [per. A. Kostikova]. – Saint Petersburg: Aleteya. – 246 p. – ISBN 978-5-91419-901-9.

Kierkegaard S. (1993) Fear and awe: [ethical treatises] / S. Kierkegaard; [translated from Danish, comments by N. V. Isaeva, S. A. Isaeva; general ed., comp. and preface by S. A. Isaev]. – Moscow: Republic. – 382 p. – (Library of Ethical Thought). – ISBN 5-250-01827-0.

Le Goff J. (2008) The history of the body in the Middle Ages / J. L. Goff, N. Truon; translated from French by E. Lebedeva. – Moscow: Text. – 185 p. – ISBN 978-5-7516-0696-1.

Linden D. (2019) Touch: the feeling that makes us human / D. Linden; [translated from English by A. Korobeynikov]. – Moscow: Sinbad. – 314 p. – ISBN 978-5-00131-000-6.

Lowen A. (2007) Psychology of the body: bioenergetic analysis of the body / A. Lowen; [translated from English by S. Koleda]. – Moscow: Institute of General Humanitarian Research: V. Sekachev. – 253 p. – ISBN 978-5-88230-143-8.

Mantegazza P. (1892) The Physiology of pleasure: From portr. [and a brief biogr.] author: Trans. from 9 stereotype. ital. ed. / Op. P. Mantegazza, prof. anthropology and Senator Italians. kingdoms. – 2nd ed., revised. – Moscow: F. I. Ansky, – 518 p.

Nancy J.-L. (2004) Being singular plural / J.-L. Nancy. – Минск: I. Logvinov. – 272 p.

Nancy J.-L. (2017) Sexual relations? / J.-L. Nancy. – St. Petersburg: Aleteya. – 128 p.

Nibbrig H. (2005) Aesthetics of death / K. L. H. Nibbrig; translated from German by A. Belobratova. – St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House. – 420 p. – ISBN 5-89059-065-0.

Riker P. (2017) Philosophical anthropology. Manuscripts and speeches / P. Riker; [translated from French by I. S. Vdovina]. – Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature (Program A. Pouchkine) – Vol. 3. – 311 p. – ISBN 978-5-87121-050-5.

предисл. В. И. Колядко]. – Москва: Республика, 2004. – 639 с. – ISBN 5-250-01885-8.

Суджич Д. Язык вещей / Д. Суджич; [пер. с англ. М. Коробочкина]. – 2-е изд. – Москва: Strelka Press, 2015. – 226 с. – ISBN 978-5-906264-42-8.

Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. [с нем.] В. В. Бибихина. – Москва: Ad Marginem, 1997. – XI, 451 с. – ISBN 5-88059-021-6.

Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер; [сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В. В. Бибихина]. – Москва: Республика, 1993. – 445 с. (Мыслители XX века) – ISBN 5-250-01496-8.

Шемякова Е. В. Прикосновения // Символические формы телесности. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество. – 2013. – С. 119–137.

Шустерман Р. Прагматическая эстетика: живая красота, переосмысление искусства / Р. Шустерман. – Москва: «Канон+»; Региональная общественная организация инвалидов «Реабилитация», 2012. – 408 с.

Эпштейн М. Философия тела / М. Эпштейн. Тело свободы / Г. Тульчинский. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2006. – 431 с. (Тела мысли: Серия / Междунар. каф. (ЮНЕСКО) по философии и этике Санкт-Петербургского науч. центра РАН). – ISBN 5-89329-908-6.

Юран А. «Ожог смыслом», или касание мыслью сексуального / А. Юран // Нанси Ж.-Л. Сексуальные отношения? – Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. – С. 94–121.

Coppola A. F. Reality and the haptic world / A. F. Coppola // Phi Kappa Phi journal, 1. – 1970. – Pp. 14–15.

Heslin R. Touch: A bonding gesture / R. Heslin, T. Alper, J. M. Wiemann, R. P. Harrison // Nonverbal interaction. – London: Sage, 1983 – Pp. 47–75.

Katz D. The World of Touch / D. Katz. – Hillsdale Hove, London, 1989.

Montagu A. Touching: The Human Significance of the Skin / A. Montagu. – New York: HarperCollins, 1986. – 384 p.

Sartre J.-P. (2004) Being and nothingness: the experience of phenomenology. ontologies / J.-P. Sartre; [translated from French, preface by V. I. Kolyadko]. – Moscow: Republic. – 639 p. – ISBN 5-250-01885-8.

Sudzhich D. (2015) Language of things / D. Sudzhich; [translated from English by M. Korobochkin]. – 2nd ed. – Moscow: Strelka Press. – 226 p. – ISBN 978-5-906264-42-8.

Heidegger M. (1997) Being and time / M. Heidegger; translation by V. V. Bibikhin. – Moscow: Ad Marginem. – XI, 451 p. – ISBN 5-88059-021-6.

Heidegger M. (1993) Time and Being: articles and speeches / M. Heidegger; [comp., trans., intro. art., comment. and the decree by V. V. Bibikhin]. – Moscow: Republic. – 445 p. (Thinkers of the XX century) – ISBN 5-250-01496-8.

Shemyakova E. V. (2013) Touches / E. V. Shemyakova // Symbolic forms of physicality. – St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society. – Pp. 119–137.

Shusterman R. (2012) Pragmatic aesthetics: living beauty, rethinking art / R. Shusterman. – Moscow: Canon+; Regional public organization of Disabled people “Rehabilitation”. – 408 p.

Epstein M. (2006) Philosophy of the body / M. Epstein. The body of freedom / G. Tulchinsky. – St. Petersburg: Aleteya, 431 p. (Bodies of thought: Series / International Faculty (UNESCO) on Philosophy and Ethics of the St. Petersburg Scientific Center of the Russian Academy of Sciences). – ISBN 5-89329-908-6.

Yuran A. (2017) “The burn of meaning”, or the touch of sexual thought / A. Yuran // Nancy J.-L. Sexual relations? – St. Petersburg: Aleteya. Pp. 94–121.

Coppola A. F. (1970) Reality and the haptic world / A. F. Coppola // Phi Kappa Phi journal, 1. – Pp. 14–15.

Heslin R. (1983) Touch: A bonding gesture / R. Heslin, T. Alper, J. M. Wiemann, R. P. Harrison // Nonverbal interaction. – London: Sage. – Pp. 47–75.

Katz D. (1989) The World of Touch / D. Katz. – Hillsdale Hove, London.

Montagu A. (1986) Touching: The Human Significance of the Skin / A. Montagu. – NY: HarperCollins. – 384 p.

Для цитирования: Пигулевский В. О. Эстетика касания // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 3(61). – С. 57–71.
DOI 10.18522/2227-8656.2023.3.5
EDN GUJVHL

Сведения об авторе

Пигулевский Виктор Олегович
доктор философских наук, профессор,
ректор Частного учреждения высшего
образования «Южно-Российский
гуманитарный институт»
urgj@urgj.info

История статьи:

Поступила в редакцию – 10.04.2023
Получена в доработанном виде –
15.05.2023
Одобрена – 26.05.2023

Information about author

Victor O. Pigulevsky
Doctor of Philosophy, Professor,
Rector of the Private Institution
of Higher Education “South Russian
Humanitarian Institute”
urgj@urgj.info

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕИ МИЛОСЕРДИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

TRANSFORMATION OF THE IDEA OF MERCY IN RUSSIAN CULTURE

*С. Н. Сорокина **

*S. N. Sorokina **

** Белгородский государственный аграрный университет имени В. Я. Горина, пос. Майский, Россия*

** Belgorod State Agrarian University named after V. Ya. Gorin, Maisky, Russia*

Цель исследования – изучение некоторых противоречий между проявлением дел милосердия и наполнением самого понятия новым ценностно-смысловым содержанием в условиях современного российского общества.

Objective of the study is to study some contradictions between the manifestation of acts of mercy and the filling of the concept itself with a new value-semantic content in the conditions of modern Russian society.

Методологическая база исследования связана с использованием историко-философского, философско-культурологического и системного подходов. Эмпирическую базу данной работы составляют результаты собственных социологических исследований, проведенных среди студентов ФГБОУ ВО «Белгородский государственный аграрный университет имени В. Я. Горина».

The methodological basis of the research is connected with the use of historical-philosophical, philosophical-cultural and systematic approaches. The empirical basis of this work is the results of our own sociological research conducted among students of the Belgorod State Agrarian University named after V. Ya. Gorin.

Результаты исследования показали, что милосердие выступает одним из основных нравственных императивов и образует базовый концепт современной культуры, регулируя социальные взаимосвязи общества.

Research results showed that charity is one of the main moral imperatives and forms the basic concept of modern culture, regulating the social interrelations of society.

Перспективы исследования связаны с выработкой механизмов по созданию и укреплению идеалов милосердия в условиях современного общества.

Prospects of the study are connected with the development of mechanisms for the creation and strengthening of the ideals of mercy in modern society.

Ключевые слова: традиционные ценности, духовность, мораль, религиозность, нравственность, духовно-нравственные качества личности, русская культура, христианская мораль.

Keywords: traditional values, spirituality, morality, religiosity; morality, spiritual and moral qualities of the individual, Russian culture, Christian morality.

Введение

Современный социум является достаточно сложным и изменчивым, претерпевая существенные преобразования в системе нравственных ценностей большинства его представителей. Такая трансформация осуществляется как в отношении традиционных представлений и черт характера, так и появления новых аксиологических установок, что указывает на процесс переоценки ценностей (Andreeva, 2021). Причем противоречивость в понимании роли нравственных ценностей, наполнение их новым смысловым содержанием характерны не только для молодежи, но и для представителей старших поколений. Особенностью нынешнего общества является то, что для большинства представителей различных социальных групп приоритетным является решение собственных вопросов и проблем. Это приводит к распространению таких явлений, как равнодушие, безразличие, меркантилизм, эгоизм, жестокость, а также к пренебрежительному отношению и даже отсутствию в культурном коде личности таких традиционных ценностей русской культуры, какими являются доброта, сострадание, взаимопомощь, сочувствие, милосердие (Шевченко, 2010). Вследствие стремления к личному успеху и материальным достижениям проблемы другого человека утрачивают всеобщую значимость, поэтому готовность оказать необходимую помощь и поддержку нуждающимся выражают ограниченное количество граждан. В настоящее время особенно актуальной становится проблема воспитания чувства милосердия, сострадания, способности к сопереживанию окружающим людям.

Анализ предмета исследования

Предметом нашего исследования является феномен милосердия, характеризующий нравственные качества человека, связанные с проявлением в его поведении отзывчивости, сострадания, сочувствия, желания оказать бескорыстную помощь (Березина, 2018).

Феномен милосердия составляет основу нравственного сознания человека и отражает такое состояние души, в котором он проявляет безвозмездную заботу, внимание, затрачивая при этом не только личное время, но и материальные и физические ресурсы. Проявляясь, главным образом, в сострадательном, доброжелательном и заботливом отношении к другому человеку, милосердные поступки имеют противоположное значение чувствам, жестокости, враждебности, насилия, безразличия (Георгиева, 2001).

Добрые поступки от сердца, ощущение страданий и проблем другого человека, желание помочь, несмотря на личностные качества нуждающегося и условия, в которых он оказался, отражают истинную сущность феномена милосердия. Безусловно, милосердие основывается на чувстве любви к человеку, что способствует решению чужих проблем, проявлению внимания,

заботы, помощи в сложных жизненных ситуациях (Пашков, 2021). В тесной взаимосвязи с милосердием находятся такие личностные качества человека, как сострадание, сочувствие, взаимопомощь, забота, сопереживание, доброта. Взаимосвязь милосердия и доброты образует фундамент гармоничных отношений во многих религиях и культурах. Так, например, в христианской религиозной традиции заповедь милосердных поступков выступает важнейшей нравственной установкой в сознании каждого христианина, основываясь на чувстве любви к другому человеку (Дубко, 2003). В связи с этим Ф. М. Достоевский отмечал, что именно такие чувства, как любовь, милосердие и сострадание, образуют нравственную основу существования человека. Учитывая данные особенности, следует отметить, что милосердие олицетворяет нравственный долг, но не предполагающий при этом никаких юридических обязательств со стороны другого человека. В отличие от справедливости, рассматриваемой как безусловной обязанности, милосердные поступки, сопровождаемые чувством любви, осуществляются без внешнего принуждения, по собственной инициативе (Лосский, 1991).

Милосердие занимает важное место в системе нравственных ценностей и взглядов современного человека, проявляясь в его деятельности, отношениях с другими, в мыслях, поступках и образе жизни. Отчетливее всего оно проявляется именно в отношении к другим живым существам, поскольку отношение к окружающим помогает определить нашу способность к милосердным поступкам (Арефьев, 2011). При этом размер оказываемой помощи не имеет значения, она может выражаться в добром слове, утешении, сочувствии, сострадании, духовной и моральной поддержке. К сожалению, в современном мире наблюдается всё большее количество людей, руководствующихся в своей жизнедеятельности принципами эгоистического существования, стремлением к выгоде и пользе во взаимоотношениях с окружающими. В результате этого происходит разрушение нравственных установок в сознании современного человека, что проявляется в отсутствии эмпатии и сострадания (Шевченко, 2018). Сегодня существенные различия в социальном статусе, разделяющем людей, позволяют утверждать, что бедному и простому гораздо проще разделить и понять страдания и нужды других людей. У богатого и знатного человека отсутствует понимание реальной важности забот и проблем нуждающихся.

Истинное милосердие проявляется в желании приносить пользу другим людям, не думая о получении выгоды, пользы либо вознаграждения, и в современном мире встречается достаточно редко (Логунова, 2012). Основная причина заключается в алчности и корысти, жестокости человека, ищущего выгоду лишь для себя, забывая предназначение истинного милосердия. Милосердие всегда вступает в противодействие с различными формами прояв-

ления зла и включает в себя духовную и практическую составляющие. Духовная составляющая связана с переживанием страданий другого человека как своих собственных, а практическая – с проявлением поступков, предполагающих оказание конкретной помощи (Березина, 2018). При этом милосердные поступки осуществляются добровольно, искренне, по собственной инициативе.

В последовательном проявлении милосердия важно не только чувство доброжелательности и инициативности, но и удовлетворение реальных потребностей нуждающегося, а также действенное участие в его жизни. Поэтому милосердные поступки непосредственно связаны со служением и этим они отличаются от подаяния, благотворительности, оказания услуг, взаимовыручки (Шевченко, 2010). Традиции оказания помощи престарелым людям, больным, инвалидам, сиротам, погорельцам составляют основу системы духовно-нравственных установок и норм поведения множества религий.

Этическое содержание понятия «милосердие» рассматривается в Пятикнижии, предполагая ожидания Бога от взаимоотношения с людьми доверия, верности и обозначается словом «hesed» (т. е. любящая доброта) (Шевченко, 2010). Согласно тексту Нового Завета, милосердие употребляется как «agape», что означает проявление милосердной любви и выступает главным нравственным принципом поведения человека, основным законом его внутреннего духовного мира. Следование заповеди милосердной любви способствует не только спасению души человека, но и единению людей (Георгиева, 2001). Причем христианская любовь к ближнему не ограничивается только близким окружением, а требует равного отношения ко всем людям, включая даже врагов и недоброжелателей. Такая любовь характеризуется как милосердная, инициативная, по зову души и сердца.

Идея основополагающей роли милосердия в духовной жизни человека получила широкое распространение в традиционной русской культуре, основу которой составляют идеи христианства. В Древней Руси в сознании и поведении человека преобладала установка на подаяние личной милостыни, осуществляя которую он тем самым заботился о своем духовном развитии (Фирсов, 2010). В связи с этим В. О. Ключевский отмечал, что «прошение милостыни в Древней Руси не являлось экономической угрозой для народа, нарушением порядка в обществе, а выступало одним из основных средств нравственного воспитания человека» (Фирсов, 2010. С. 263).

В христианстве милосердие отождествляется с добром, совершением добрых дел, а установка на помощь находящемуся в беде является важным нравственным императивом в сложных жизненных ситуациях. Однако этические положения христианства призывают различать истинное милосердие и «мнимую» благотворительность, когда в делах милосердия отсутствуют

сострадание, искренность, сочувствие, способность сопереживать (Пашков, 2021). К совершению милосердных поступков человека могут побуждать такие низменные чувства, как эгоизм, тщеславие, гордость, похвала, стремление к славе (Дубко, 2003). Поэтому осуществление благотворительной деятельности человеком не всегда способствует духовному развитию, что отмечал Апостол Павел: «Если я раздам все имение мое... а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13, 3).

В жизни каждого христианина предписан неоднократный характер совершения дел милосердия, сопровождающихся обязательным соблюдением тайны (Арефьев, 2011). Важно осуществлять их незаметно, безымянно, чтобы благотворитель не получил в ответ награды, похвалы, одобрения со стороны окружающих. Данная евангельская заповедь прочно закрепилась в массовом сознании народа в сопровождении христианских наставлений.

Сущность понятия «милосердие» весьма многообразно и может рассматриваться в философском, религиозном, этическом и культурологическом аспектах. Как основной элемент нравственного сознания милосердие находит свое обоснование в отечественной историко-философской мысли, представители которой в своих работах критиковали наличие в жизни человека индивидуализма, эгоизма и призывали к воспитанию у него приверженности к взаимопониманию, соборности, сплоченности и взаимопомощи (Логунова, 2012). Для их философии показательным, что милосердие, рассматриваемое как нравственная ценность в высшем своем проявлении, выполняет положительную и созидательную роль в обществе.

Русские мыслители Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, Н. О. Лосский полагали, что милосердие достигает своей полноты, воплощаясь в конкретных действиях и поступках, направленных не только на оказание помощи другому человеку, но и на постоянное стремление к личностному духовному совершенству. В этой связи русский философ Н. А. Бердяев указывал на такую отличительную особенность русского человека, как противоречивость его взглядов (Зеньковский, 1999). И, как следствие, взаимодействие его с окружающим миром происходит в постоянной борьбе добра и зла. Важным источником милосердия Н. А. Бердяев считает любовь к людям, подчеркивая существенную роль альтруистической потребности в помощи окружающим.

В представлениях П. Я. Чаадаева подчеркивается необходимость «найти такое душевное настроение, которое могло сочетать в себе, в соответствии, действиями разума, эмоциональными переживаниями идею достижения истины и добра» (Зеньковский, 1999. С. 241–243). Такое состояние философ объясняет присущей русскому народу глубокой религиозностью, поскольку именно православные традиции формируют в его сознании и поведении идеи милосердия, гуманизма, сострадания, взаимопомощи ближнему. Только лишь при условии

проявления доброжелательности, любви в отношениях между людьми можно достичь духовного развития и совершенства (Зеньковский, 1999. С. 247).

В. С. Соловьев, рассматривая нравственные проблемы общества, исключает наличие в нем социальных несправедливостей, безнравственных поступков, эгоизма и ориентирует человека на милосердные поступки, миротворчество, сострадание. Причем существенная роль в нравственном поведении отводится духовной составляющей жизни человека, превалируя над материальными ценностями. Поэтому философские идеи В. С. Соловьева отражают необходимость воспитания в сознании человека системы взглядов и установок, ориентированных на важность добра, добрых поступков, сострадания, бескорыстия, что определяет сущность феномена милосердия (Соловьев, 1988). Философ утверждал, что добро в поведении человека становится основным ориентиром его нравственного существования, основу которого составляет стремление следовать добру, осуществляемому сознательно, без личностных усилий (Соловьев, 1988. С. 467). В качестве основы духовно-нравственного развития человека выступает, по убеждению мыслителя, чувство любви, которое препятствует проявлению в его поступках чувства эгоизма (Соловьев, 1988). Процесс формирования такой системы взглядов начинается уже в семье через любовь родителей и близких, а затем постепенно переходит в любовь к окружающим в обществе людям.

По мнению Н. О. Лосского, многие поступки могут осуществляться человеком вполне бескорыстно, без личного интереса, выгоды либо пользы. Наиболее отчетливо бескорыстие в жизни человека отражается в случаях героических подвигов, связанных с его гибелью либо причинения вреда здоровью (Лосский, 1991). По мнению философа, такое поведение позволяет признать, что человек способен искренне, бескорыстно понимать и принимать интересы, беды нуждающихся в помощи (Лосский, 1991). Как правило, такое поведение в повседневной жизни встречается в достаточно скромных, часто заметных формах.

Таким образом, милосердие представляет собой сострадательное и заботливое отношение человеку, находящемуся в сложной проблемной ситуации, оказываемое бескорыстно, при условии, что оно осуществляется от чистого сердца, добровольно, по собственной инициативе. Этические традиции милосердия русского народа уходят корнями в воззрения древнерусского человека, труды православных богословов и русских философов, причем в своей сущностной основе не противоречат друг другу (Березина, 2018). В русской философии главная проблема воспитания чувства милосердия связана с необходимостью совершать добрые поступки, помогать другим людям для нравственного и духовного совершенствования собственной души человека, а не для достижения внешнего авторитета либо одобрения в глазах окружающих.

Изменение понимания сущности милосердия в XX–XXI веке

В нынешних условиях понимание сущности милосердия весьма различно. Современный человек в большей степени связывает свою жизнедеятельность с возможностью получать выгоду, пользу, достижения материального благополучия, личного успеха, а его действия и поступки не сопровождаются проявлением сострадания, жертвенности, милосердия, сочувствия, готовности оказать помощь (Рассади́на, 2006). Сегодня дела милосердия часто ассоциируются с хорошим тоном, престижем, модой, а также получением признания и авторитета, постепенно утрачивая при этом свое традиционное содержание и значение. Как правило, акции милосердия, благотворительности в современном обществе носят формальный, публичный характер, рассчитанный на получение внешнего эффекта (Дружинин, 2013). В результате возникает искаженное понимание содержания и оценки истинного милосердия, что приводит к распространению такого явления как «псевдомилосердие». Оно может осуществляться в различных формах, например, когда просящий помощи не является объектом реально добросердечного отношения, а прошение милости выступает как возможность получения материального заработка (Логунова, 2012). Следует отметить, что отличительная особенность «псевдомилосердия» заключается в том, что совершается оно не на благо других, а ради собственного интереса, чтобы получить одобрение со стороны людей, имеющих власть, деньги, материальные блага. Одной из его форм проявления является также желание достичь собственного благополучия, комфорта, душевного спокойствия, психологического удовлетворения либо возможности манипуляции массовым сознанием. И как следствие, милосердие превращается из нравственной ценности в утилитарную, т. е. возможность достижения экономических, политических целей (Шевченко, 2018). Таким образом, наличие псевдомилосердия в нынешних условиях может выступать в виде превращенных форм милостыни, репрезентация которых способствует формированию различных симулякров. Утрата важной роли традиций милосердия, сострадания, взаимопомощи, изменение понимания сути духовности может привести в итоге к разрушению духовной основы современного общества. В этой связи особо значимо проведение комплексных исследований трансформации традиционных ценностей русской культуры, одной из которых является милосердие.

Экспериментальное подтверждение идеи исследования

Для выявления роли и значимости феномена милосердия в сознании и поведении современной студенческой молодежи нами проведен социологический опрос среди студентов экономического, агрономического, технологического, ветеринарного факультетов Белгородского ГАУ. Результаты нашего опроса позволяют утверждать, что в нынешних условиях смысловое содер-

жание феномена милосердия в сознании молодых людей не противоречит его традиционному пониманию. Так, основное предназначение и роль милосердия значительная часть опрошенных студентов связывают с желанием помочь ближнему – 73 %; на возможность с его помощью искупить грехи указывают 12 %, как способ самосовершенствования человека видят 7 %, общественного признания – 5 %, а на личную выгоду указали 3 %. Среди опрошенных молодых 64 % считают себя милосердными, иногда проявляют его – 31 %, не придерживаются таких установок – 5 %. Такие результаты позволяют утверждать, что подрастающее поколение всё же ориентируется в своем поведении на желание оказать необходимую помощь оказавшемуся в беде человеку, испытывая при этом сочувствие, сострадание, взаимопонимание, сопереживание.

Традиционно основными христианскими добродетелями, составляющими внутренний духовный мир человека, являются любовь к ближнему, сострадание, взаимопомощь, доброта, смирение. В этой связи нас заинтересовало, какие христианские добродетели, по мнению молодых людей, являются наиболее значимыми в жизни современного человека. В ходе опроса выявлено, что 41 % студентов высшей христианской добродетелью считают любовь к ближнему, 21 % основной добродетелью считают доброту, 18 % – сострадание, 16 % – соблюдение заповедей Божиих, 4 % – смирение.

Истинное начало проявления милосердной любви заложено не словах, рассуждениях, мыслях, а в практической деятельности, когда человек жертвует своими средствами, интересами, помогая другим (Березина, 2018). Поэтому духовная и моральная поддержка, понимание имеет для человека не меньшее значение, чем материальная помощь. Большая часть молодых людей считает, что оказавшемуся в беде человеку можно помочь не только делом, но и добрыми словами утешения – 46 %, бесполезность такого вида поддержки отметили 33 %, а на ее безусловную необходимость указал 21 % опрошенных.

Решающую роль в формировании нравственных качеств личности, проявлении ее социальной активности играют ценности и ценностные ориентации, которые составляют ядро духовного мира человека. Абсолютное большинство студентов приоритетными в системе основных жизненных ценностей и ценностных ориентаций выделяют семью – 76 %; здоровье – 63 %; милосердие, доброту – 36 %, но при этом отмечается значимость материального благополучия – 28 %. Наименее значимыми ценностными установками оказались религия – 12 %, активность – 9 %, творческая самореализация – 5 %. Однако идеи милосердия всё же сохраняются в качестве универсальной и достаточно устойчивой составляющей мировоззрения большинства представителей молодого поколения, что находит выражение в поведении, системе ценностей, установках, убеждениях.

Дела милосердия различаются по своей значимости, но осуществляются для всех нуждающихся в помощи в равной степени. При оценке отношения к просящему милостыню значительная часть молодых людей испытывают к ним жалость – 48 %, сочувствие и сострадание – 29 %, безразличие и отвращение отмечают 16 % и 7 % соответственно. Существует множество факторов, побуждающих человека совершать добрые поступки, такие как получение признания в обществе, престижа, одобрения, желание следовать моральным нормам, чувство эмпатии. В данном случае основным источником добродетели, по мнению молодых людей, прежде всего, являются совесть – 54 %, вера в Бога – 26 %, следование нравственному закону – 15 % и затруднились с ответом – 5 %.

С этической точки зрения в последовательном проявлении милосердия важны не только доброжелательность, понимание, сочувствие, но и осуществление конкретных действий, направленных на удовлетворение потребностей и нужд человека, оказавшегося в сложной жизненной ситуации. Результаты исследования показывают, что современной молодежи свойственна довольно высокая степень заинтересованности участия в благотворительной деятельности. Причем в акциях милосердия, благотворительности молодые люди в большей степени ориентируются на роль оказывающего помощь – 58 %, наличие зависимости от конкретной ситуации отметили 18 %, желающих принимать помощь – 15 %, не участвуют в таких акциях – 9 %.

В процессе исторического развития сущность и значение понятий «милосердие», «благотворительность» претерпевали изменения. Сегодня довольно часто понятия «благотворительность», «милосердие», «попечительство», «альтруизм» используются как тождественные. Следует отметить, что современная молодежь в большинстве своем всё же разделяет данные понятия – 69 %, 21 % считают их тождественными и 10 % не имеют представления об их сущности и содержании. Данные результаты говорят о том, что молодое поколение положительно оценивает благотворительность как общественно-полезную деятельность, но, несмотря на это, в сознании значительной части респондентов отсутствует традиционное понимание сущности феномена милосердия и формах его проявления.

Заключение и выводы

Данные нашего исследования показали, что традиции милосердия, сострадания, взаимопомощи всё же являются значимыми и актуальными в современном обществе. Студенческая молодежь сегодня четко осознает традиционное понимание милосердия как свойственную человеческой природе интенцию на сострадание, взаимопомощь, сопереживание, где основополагающую роль играет чувство искреннего понимания бед, проблем, несчастий

другого человека. Молодежь указывает на важность и необходимость милосердия, а в своем поведении в большей степени ориентируются на роль оказывающего помощь нуждающемуся, нежели желающего получить ее. Проявление не показного, а истинного милосердия, вызывает не только уважение, но и служит примером для ближайшего окружения, способствует усвоению традиций милосердия.

Из изложенного следует:

1. В условиях современного общества воспитание милосердия, сочувствия необходимо осуществлять уже в раннем возрасте, когда формируются духовно-нравственные установки личности (Шевченко, 2018). Милосердные поступки в жизни человека способствуют его нравственному развитию, обретению духовной гармонии и спокойствия, веры в положительные изменения.

2. Выступая одним из основных нравственных императивов, милосердие образует базовый концепт современной культуры, поскольку именно оно определяет степень гуманности, толерантности во взаимоотношениях человека с другими людьми, регулируя социальные взаимосвязи общества в целом (Дружинин, 2013).

3. В этой связи необходимо научное осмысление истоков и путей возрождения духовно-нравственных традиций русской культуры, в том числе и традиций милосердия. Именно более глубокое изучение и исследование особенностей трансформации системы традиционных ценностей, составляющих ядро русской культуры, позволит выработать механизмы создания и укрепления в современном обществе идеалов милосердия, доброты, сострадания, гуманизма, оказания безвозмездной помощи.

Всё изложенное определяет важность процесса формирования и расширения собственных знаний о традициях милосердия, усвоение которых дает возможность понимать проблемы, нужды, беды других людей, а также активно принимать участие в их решении.

Список источников

Арефьев М. А. Милосердие и благотворительность как вероучительные принципы христианской церкви / М. А. Арефьев, В. Г. Баев // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2011. – Т. 2, № 4. – С. 74–81. – EDN OZOJKR.

Березина, Е. М. Милосердие: опыт определения понятия / Е. М. Березина // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университе-

References

Arefyev M. A. (2011) Mercy and charity as doctrinal principles of the Christian Church / M. A. Arefyev, V. G. Baev // Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin. – Vol. 2, No. 4. – Pp. 74–81.

Berezina E. M. (2018) Mercy: the experience of defining the concept / E. M. Berezina // Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Culture, History, Philosophy, Law. – No. 1. – Pp. 5–10. – DOI 10.15593/perm.kipf/2018.1.01.

та. Культура, история, философия, право. – 2018. – № 1. – С. 5–10. – DOI 10.15593/perm.kipf/2018.1.01. – EDN YVHVAG.

Георгиева Т. С. Христианство и русская культура: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по гуманитар. специальностям / Т. С. Георгиева. – Москва: Владос, 2001. – 239 с. – (Учебное пособие для вузов). – ISBN 5-691-00522-7.

Дружинин Р. Р. Репрезентации милосердия в современной культуре: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 24.00.01 / Р. Р. Дружинин; [Место защиты: Юж. федер. ун-т]. – Ростов-на-Дону, 2013. – 34 с.

Дубко Е. Л. Всегда ли добрые дела надо делать в тайне? / Е. Л. Дубко // Вест. Моск. ун-та. – Серия 7. – Философия. – 2003. – № 4. – С. 73–79.

Зеньковский В. В. История русской философии. В 2 т. Т. 1. – Москва; Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 544 с.

Логунова Е. Г. Феномен милосердия: опыт социально-философского анализа: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11 / Е. Г. Логунова; [Место защиты: Удмурт. гос. ун-т]. – Ижевск, 2012. – 19 с.

Лосский Н. О. Условия абсолютного добра / Н. О. Лосский; [вступ. ст. А. И. Титаренко, с. 5–22]. – Москва: Политиздат, 1991. – 367 с. – ISBN 5-250-01492-5

Пашков С. В. Милосердие как социально-психологическая характеристика нравственного развития личности: механизмы формирования в условиях глобализации культуры / С. В. Пашков // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2021. – № 4(60). – С. 793–806. – EDN MGDARV.

Рассадина Т. А. Трансформации традиционных ценностей россиян в постперестроечный период / Т. А. Рассадина // Социологические исследования. – 2006. – № 9(269). – С. 95. – EDN ОРСКCL.

Соловьев В. С. Сочинения: в двух томах / В. С. Соловьев; [общ. ред. и сост. А. Ф. Loseva и А. В. Гулыги; примеч. С. Л. Кравца и

Georgieva T. S. (2001) Christianity and Russian Culture: A textbook for university students studying humanities. specialties / T. S. Georgieva. – Moscow: Vlados. – 239 p. – (Textbook for universities). – ISBN 5-691-00522-7.

Druzhinin R. R. (2013) Representations of mercy in modern culture: abstract of the dissertation of the Candidate of Philosophical Sciences: 24.00.01 / R. R. Druzhinin; [Place of defense: Southern Federal University]. – Rostov-on-Don. – 34 p.

Dubko E. L. (2003) Is it always necessary to do good deeds in secret? / E. L. Dubko // Vestnik of Moscow University. – Series 7. – Philosophy. – No. 4. – Pp. 73–79.

Zenkovsky V. V. (1999) History of Russian philosophy. In 2 volumes. Vol. 1. – Moscow; Rostov-on-Don, “Phoenix”. – 544 p.

Logunova E. G. (2012) The phenomenon of mercy: the experience of socio-philosophical analysis: abstract of the dissertation of the Candidate of Philosophical Sciences: 09.00.11 / E. G. Logunova; [Place of defense: Udmurt State University]. – Izhevsk. – 19 p.

Lossky N. O. (1991) Conditions of absolute goodness / N. O. Lossky; [Introduction by A. I. Titarenko, Pp. 5–22]. – Moscow: Politizdat. – 367 p. – ISBN 5-250-01492-5.

Pashkov S. V. (2021) Mercy as a socio-psychological characteristic of moral development of personality: mechanisms of formation in the conditions of globalization of culture / S. V. Pashkov // Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. – No. 4.(60). – Pp. 793–806.

Rassadina T. A. (2006) Transformations of traditional values of Russians in the post-perestroika period / T. A. Rassadina // Sociological Research. – No. 9(269). – Pp. 95.

Solovyov V. S. (1988) Essays: in two volumes / V. S. Solovyov; [general ed. and comp. by A. F. Losev and A. V. Gulyga; note by S. L. Kravts et al.]. – Moscow: Mysl. – Vol. 105: Vol. 2. – 822 p. – ISBN 5-244-00194-2.

Firsov M. V. (2000) Theory of social work: Textbook for university students / M. V. Firsov,

др.]. – Москва: Мысль, 1988. – Т. 105: Т. 2. – 1988. – 822 с. – ISBN 5-244-00194-2.

Фирсов М. В. Теория социальной работы: учеб. пособие для студентов вузов / М. В. Фирсов, Е. Г. Студенова. – Москва: ВЛАДОС: Моск. гос. соц. ун-т, 2000. – 430 с. – (Учебное пособие для вузов. Социальная работа). – ISBN 5-691-00447-6.

Шевченко С. Н. Проблема трансформации духовных ценностей молодежи в современном обществе / С. Н. Шевченко // Биотехнологии и инновации в агробизнесе: Материалы международной научно-практической конференции, Майский, 19–20 сентября 2018 года. – Майский: Белгородский государственный аграрный университет имени В. Я. Горина, 2018. – С. 400–406. – EDN NPKZCY.

Шевченко С. Н. Социальное дарение в аксиологии русской культуры: специальность 24.00.01 «Теория и история культуры»: дис. ... канд. философ. наук / С. Н. Шевченко. – Белгород, 2010. – 183 с. – EDN QFBAJX.

Transformation of Traditional Character Traits of Modern Rural Youth / N. V. Andreeva, I. A. Belozerova, I. V. Gordienko [et al.] // Natural Volatiles and Essential Oils. – 2021. – Vol. 8, No. 4. – Pp. 7077–7091. – EDN VNCFYD.

Для цитирования: Сорокина С. Н. Трансформация идей милосердия в русской культуре // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 3(61). – С. 72–83.
DOI 10.18522/2227-8656.2023.3.6
EDN JEZMSR

Е. Г. Студенова. – Moscow: VLADOS: Moscow State Social University. – 430 p. – (Textbook for universities. Social work). – ISBN 5-691-00447-6.

Shevchenko, S. N. (2018) The problem of transformation of spiritual values of youth in modern society / S. N. Shevchenko // Biotechnologies and innovations in agribusiness: Materials of the international scientific and practical conference, May, September 19–20, 2018. – Maysky: Belgorod State Agrarian University named after V. Ya. Gorin. – Pp. 400–406.

Shevchenko S. N. (2010) Social donation in the axiology of Russian culture: specialty 24.00.01 “Theory and history of culture”: dissertation for the degree of Candidate of Philosophical Sciences / S. N. Shevchenko. – Belgorod. – 183 p.

Transformation of Traditional Character Traits of Modern Rural Youth (2021) / N. V. Andreeva, I. A. Belozerova, I. V. Gordienko [et al.] // Natural Volatiles and Essential Oils. – Vol. 8, No. 4. – Pp. 7077–7091.

История статьи:

Поступила в редакцию – 24.03.2023

Получена в доработанном виде –

06.04.2023

Одобрена – 12.05.2023

Сведения об авторе

Сорокина Светлана Николаевна

кандидат философских наук, доцент,
Белгородский государственный аграрный
университет имени В. Я. Горина
sorokina_sn@bsaa.edu.ru

Information about author

Svetlana N. Sorokina

Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Belgorod State Agrarian University
named after V. Ya. Gorin
sorokina_sn@bsaa.edu.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

УДК 316.2
DOI 10.18522/2227-8656.2023.3.7
EDN LKLDRX

Научная статья

КЛИНИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ОБЩЕСТВА РИСКА

CLINICAL SOCIOLOGY AS A METHODOLOGY OF RISK SOCIETY ANALYSIS

И. В. Ситнова *

I. V. Sitnova *

* *Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия*

* *Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences Moscow, Russia*

Цель исследования состоит в том, чтобы, во-первых, обосновать объект и предмет клинической социологии как методологии исследования общества риска; во-вторых, описать наиболее релевантные отечественные и западные направления исследования факторов риска на «линиях разломов цивилизаций»; в-третьих, создать инструмент анализа общества рисков на основе клинической социологии, которая только разрабатывается в нашей стране.

Objective of the study is, firstly, to substantiate the object and subject of clinical sociology as a methodology for the study of risk society; secondly, to describe the most relevant domestic and Western areas of risk factors research on the “fault lines of civilizations”; thirdly, to create a risk society analysis tool based on clinical sociology, which it is only being developed in our country.

Методологическая база исследования. Исследование носит теоретический характер. Поскольку предмет исследования является междисциплинарным, то методология его исследования включает в себя социологические и этнопсихологические методы.

Methodological basis of the study. The study is theoretical. Since the subject of research is interdisciplinary, the methodology of its research includes sociological and ethno-psychological methods.

Результатом исследования стало теоретическое обоснование необходимости проведения второго – эмпирического этапа.

The result of the study was a theoretical substantiation of the need for the second – empirical stage.

Перспективы исследования могут стать обоснование и разработка нового научного направления в исследовании общества риска.

The prospect of the study may be the justification and development of a new scientific direction in the study of risk society.

Ключевые слова: клиническая социология, общество риска, кризисные ситуации культуры.

Keywords: clinical sociology, risk society, cultural crises.

Введение

Динамика перехода от общества потребления к обществу риска обеспечивается общественным состоянием, которое характеризуется разрушением системы ценностей, аномичным состоянием, неизбежно приводящими к трансформации общества, характеризующейся стремительной перестановкой элементов и возникновением нового порядка (Поршнев, 2007). Производство и распределение опасностей и обусловленных ими рисков становятся центральной идеей теоретического обоснования общества рисков. В западном социологическом дискурсе для исследования феномена общества риска разрабатывается направление, называемое «клиническая социология», которая находится на стыке четырех дисциплин: социологии, психиатрии, этнопсихологии, культурологии (Гольжак, 1994). В отечественной социологии набирают обороты дискуссии по проблемам «экстремальной социологии», которая включилась в изучение труднодоступных объектов (зоны военных или построенных конфликтов, повышенной террористической опасности, маргинальных групп, территорий со спорным или неопределенным государственным статусом; культурных и психологических особенностей населения и др.)¹.

Объектом изучения клинической социологии является общество риска, которое имеет сложную структуру, формируется и развивается нелинейно, имеет неустойчивые мозаичные социокультурные связи, подвержено внешнему влиянию с включением индивидуальных и групповых шаблонов адаптивных или неадаптивных реакций (Поршнев, 2007). Систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями становится вектором развития общества риска. Поэтому оценка сил и средств, действующих в зонах конфликта, выявление настроений, отношений и реакций на способы преодоления конфликта с целью получения независимой и беспристрастной информации, являются важнейшими условиями изучения общества риска.

Все эти факторы, по мнению С. Хантингтона, наиболее важны на «линиях разломов» цивилизаций, которые становятся театром глобальных столкно-

¹ Материалы круглого стола «Экстремальная социология: наука, искусство... табу?». VI Социологическая Грушинская конференция. – URL: <https://profi.wciom.ru/index.php?id=682> (дата обращения: 16.05.2023).

вений, поскольку представители разных цивилизаций по-разному смотрят на некоторые фундаментально-философские понятия и явления (Хантингтон, 2017. С. 124). Можно с уверенностью утверждать, что в ситуации проведения специальной военной операции линиями разлома стали территории бывшей Украины, где Запад «умело» распоряжается своими экономическими и военными ресурсами, применяет политику кнута и пряника, укрепляя свое единство (Хантингтон, 2017. С. 350), и где Россия бросила вызов «способности Запада следовать такой стратегии» (Хантингтон, 2017. С. 351).

Предметом изучения клинической социологии являются величины риска в оценках респондентов, на которые конкретные сообщества готовы идти для того, чтобы не потерять свою идентичность в ситуации «столкновения цивилизаций, между народами, принадлежащим к различным культурам» (Хантингтон, 2017. С. 351). В зарубежных источниках предмет исследования клинической социологии формировался в контексте исследования общества потребления. В повседневной жизни культура становится системой согласованных мнений, способом совместного определения отношения к ситуации. С переходом от общества потребления к обществу риска можно констатировать, что риски начинают воспроизводиться обществом, причем легитимным образом. В этом смысле риск можно рассматривать как коммуникативный процесс в повседневной жизни, при котором культурные универсалии испытывают повышенную нагрузку и в итоге перерастают в *институциональное напряжение*, что приводит к эмоциональной выхолощенности ценностей, когнитивному упрощению правил взаимодействия, *с выраженным оттенком девиации в поведении индивидов*. В итоге девиация со временем приобретает форму нормы. Предмет исследования клинической социологии в западных источниках представлен тремя исследовательскими направлениями: во-первых, К. Леви-Стросс (Леви-Стросс, 1983), М. Мид (Mead, 1972), Р. Бенедикт (Бенедикт, 1989) предположили, что нормальность и ненормальность, в том числе и психическая норма и патология, определены культурой, и в разных культурах представления о норме и патологии существенно различаются. Во-вторых, И. Гофман (Гофман, 2019), М. Фуко (Фуко, 1997), Т. Сас (Szasz, 2009) включили социальные процессы в динамику психических расстройств, как факторы взаимозависящие друг от друга. В-третьих, социологическая теория психического заболевания Т. Шеффа (Scheff, 2007. Р. 1–9) включает теорию девиации и стигматизации в пространство психической ненормальности. Т. Шефф (Scheff, 2007. Р. 9) обращает внимание не столько на процесс социального взаимодействия, сколько на его устойчивые паттерны. Западные источники клинической социологии общества потребления обосновывают, в каких обстоятельствах поведение человека воспринимается как психическое расстройство. Так, при нарушении социальных правил поведения человек

может быть признан психически больным, и это становится «лейблом» психически больного, и всё его поведение в дальнейшем будет восприниматься через призмы этого ярлыка. Именно поэтому в современных обществах основные различия между людьми и между народами носят не идеологический, не политический, не экономический, а культурный характер.

Методика исследования

Качество и надежность исследования зависят от того, насколько адекватно задачам исследования выбрана методология сбора данных. Особенно это важно, если исследование поводится в зонах военных конфликтов и освобожденных территорий. Н. Лебедева рассматривает в основе своего анализа общества – культуру, понимаемую как «психологический феномен, в которые включены совокупности установок, ценностей, верования и категорию поведения, разделяемых группой людей и передаваемых от поколения к поколению» (Лебедева, 2009. С. 81–92). Для построения классификации различных культур Н. Лебедева пользуется категорией «культурный синдром», введенной Триандисом, который определяется как «набор ценностей, установок, верований, норм и моделей поведения, которыми группа культур отличается от другой культурной традиции» (Лебедева, 2009. С. 81–92). Триандис выделяет три вектора культурного синдрома – «простота – сложность», «индивидуализм – коллективизм», «открытость – закрытость». Другим кросс-культурным психологом Г. Хофстедом на основании большого кросс-культурного исследования была доработана данная методология измерения культур и добавлены линии измерения культур, такие как «дистанция власти» и «маскулиность – феминность» (Hofstede, 2001). Но надо сказать, что все перечисленные исследования игнорировали личностные особенности в этнокультурных срезах, которые, с точки зрения А. Р. Лурия, являются важнейшими характеристиками при развитии культурно-этнической идентичности личности, а значит, при формировании ценностных ориентаций, эмоционально-волевого выбора и мотивационного вектора развития личности (Лурия, 1974), соответственно и этноса.

В связи с этим проблема разработки *методов исследования клинической социологии становится важнейшей при формировании методологии анализа общества риска*. После присоединения территорий Приазовья и Херсонской области к России обозначились «скрытые структурные и культурные проблемы и ограничения» межкультурного взаимодействия и адаптации личности. Английские кросс-культурные психологи А. Фэрнхем и С. Бонкер (Furnham, Bochner, 1986), рассматривая эти проблемы, предложили *модель культурной аккомодации*, или коммуникативного взаимодействия, на разломах культур в основе которой лежит принятие или отчуждение

от исторически предложенной культурной традиции без объяснения направленности поведения индивида в ситуации взаимодействия с другой культурой. Для преодоления этих проблем Е. И. Шлягина и С. Н. Ениколапов вводят в научный оборот этнопсихологические феномены, такие как *стили реагирования на изменения* (СРНИ) (Шлягина, Ениколапов, 1993, С. 28–54) и *актуальный этнопсихологический статус личности* (АЭСЛ) (Шлягина, Данзанова, 1997. С. 347–355). В связи с этим Е. И. Шлягина и Э. Ц. Данзанова (Шлягина, Данзанова, 1997. С. 350) выделяют пять типов АЭПС, такие как «маргиналы» (кризис культурной идентичности), «националы» (кризис региональной идентичности), монокультуралы (культурная толерантность) и «этноиндеферентные» (этнокультурная выхолощенность). Следом Т. Ю. Базаров и Н. П. Сычёва описывают пять стилей реагирования на изменения: «консервативный» (попытки применения привычных алгоритмов действий в новых условиях), «инновационный» (возможность действий без заданных правил), «реактивный» (аффективные реакции), «реализующий» (рациональный подход к ситуации изменений) стилей поведения (Базаров, Сычёва, 2012). Данные классификации запускают новые вопросы о ценностях и критериях выбора моделей поведения в ситуации межкультурного взаимодействия. Н. Лебедева, разрабатывая методику этнической и кросс-культурной психологии, вводит для изучения этих феноменов две шкалы: первая – шкала *экспресс-оценки чувств, связанных с этнической принадлежностью*, которая позволяет оценить эмоциональную окрашенность (валентность) этнической идентичности, вторая – шкала *экспресс-оценки выраженности этнической идентичности*, определяет позитивное отношение к своей национальности, как представителю своего народа (Лебедева, 1999). Современное институциональное напряжение общества риска формирует социальные условия, в которых начинает формироваться социальная болезнь, создаются условия, внутри которых происходит выпадение или подавление определенных элементов развития, на повестку дня выходят ситуации, которые дают возможность проявления конкретной разновидности ценностно-мотивационного поведения. В настоящее время в России наиболее адаптированным подходом к исследованию ценностных ориентаций и ценностно-мотивационного поведения является подход Ш. Шварца, Т. П. Бутенко, Д. С. Седовой, А. С. Липатовой, которые считают, что ценности формируют круговой мотивационный континуум (Шварц и др., 2012. С. 43–70).

Обсуждение

На наш взгляд, при обсуждении методов изучения клинической социологии необходимо иметь в виду, что всякая научная дисциплина ставит пе-

ред собой задачу исследования законов определенной предметной области, которую в нашем случае принято называть законами пограничных областей (социологии и психиатрии). Новое научное знание часто возникает на материале патологии; так, например, Фрейд констатировал у больных истерией вытеснения неприемлемых для сознания желаний, затем оказалось, что этот механизм распространен и в «норме» (Фрейд, 2010). Затем К. Юнг, отталкиваясь от наблюдений за пациентами страдающими шизофренией, объяснял в своей концепции это кризисом религии в европейском обществе, которая затем переносится в более широкий контекст нормы (Юнг, 1996). Таким образом, психика открывается именно в кризисные ситуации культуры, когда в ней происходят определенные сдвиги, появляются некоторые экзистенциальные дыры, через которые можно наблюдать новые психические явления, до сих пор скрытые рациональными установками и идеологиями культуры (Бурлакова, Олешкевич, 2012). Эти психические состояния обычно воспринимаются как некоторые отклонения от нормы или как патологические психические явления. Но если принимать клинический феномен в расширенном смысле, пишут Н. С. Бурлакова и В. И. Олешкевич, то часто можно увидеть, что нынешняя психологическая норма когда-то была обозначена как патология (Бурлакова, Олешкевич, 2012). Именно в кризисных ситуациях психика и оказывается доступной для ее исследования. После присоединения территорий Приазовья и Херсонской области к России, вероятно, можно будет наблюдать, как вместе с динамическими изменениями в культуре, как вместе со сдвигами в ценностных ориентациях ее носителей будет меняться и психика.

Заключение

Современная война четвертого поколения обусловлена появлением принципиально новых средств поражения противника, зарождением новых форм ведения войны. Важнейшим принципом войны четвертого поколения становится отсутствие разграничительных линий между «своими» и «чужими», когда понятие «фронт» и «тыл», «линия фронта» начали утрачивать свое значение, появились новые альтернативные категории описания ситуации, такие как психологический и моральный факторы. Поэтому оценка человеческих ресурсов на «линиях разломов» общества риска и создание методологии его анализа является важнейшим условием победы в современной войне четвертого поколения. Перед социологией стоят задачи, связанные с созданием инструмента анализа общества рисков на основе клинической социологии, которая только разрабатывается в нашей стране.

Список источников

Альгин А. П. Риск и его роль в общественной жизни / А. П. Альгин. – Москва: Мысль, 1989. – 187 с. – ISBN 5-244-00221-X.

Базаров Т. Ю. Создание и апробация опросника «Стили реагирования на изменения» / Т. Ю. Базаров, М. П. Сычёва // Психологические исследования. – 2012. – Т. 5. – № 25. – С. 12. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.04.2023).

Беккер Г. С. Преступление и наказание. Экономический подход / Г. С. Беккер // Essays in the economics of crime and punishment / Ed. by G. S. Becker, W. M. Landes. – N.Y., 1974. – 200 p.

Бенедикт Р. Образцы культуры / Р. Бенедикт. – Москва, 1989. – 315 с.

Бурлакова Н. С. Уровни культурно-исторического анализа в клинической психологии / Н. С. Бурлакова, В. И. Олешкевич // Вопросы психологии. – 2012. – № 6. – С. 35–45. – EDN PXLSPR.

Гоффман Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений / Э. Гоффман; пер. с англ. А. С. Салина; под ред. А. М. Корбу́та. – Москва: Элементарные формы, 2019. – 464 с. – ISBN 978-5-9502-44-4-3.

Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию: учебное пособие / Н. М. Лебедева. – Москва: Ключ-С, 1999. – 191 с.

Лебедева Н. М. Ценностно-мотивационная структура личности в русской культуре / Н. М. Лебедева // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22. – № 3. – С. 26–36.

Лебедева Н. М. Ценностные отношения к инновациям: межкультурные различия / Н. М. Лебедева // Психологический журнал. – 2009. – Т. 30. – № 6. – С. 81–92.

Леви-Строс К. Структурная антропология: [перевод с французского] / К. Леви-Строс. – Москва: Наука, 1983. – 536 с.

Лурья А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов: Эксперим.-пси-

References

Algin A. P. (1989) Risk and its role in public life / A. P. Algin. – Moscow: Mysl. – 187 p. – ISBN 5-244-00221-X.

Bazarov T. Yu. (2012) Creation and approbation of the questionnaire “Styles of reaction to changes” / T. Yu. Bazarov, M. P. Sycheva // Psychological research. – Vol. 5. – No. 25. – Pp. 12. – URL: <http://psystudy.ru> (date of application: 20.04.2023).

Becker G. S. (1974) Crime and Punishment. Economic approach / G. S. Becker // Essays on the economics of crime and punishment / Edited by G. S. Becker, W. M. Landes. – New York. – 200 p.

Benedict R. (1989) Samples of culture / R. Benedict. – Moscow. – 315 p.

Burlakova N. S. (2012) Levels of cultural and historical analysis in clinical psychology / N. S. Burlakova, V. I. Oleshkevich // Questions of psychology. – No. 6. – Pp. 35–45.

Goffman E. (2019) Total institutions: essays on the social situation of mentally ill patients and other guests of closed institutions / E. Goffman; translated from English by A. S. Salina; edited by A. M. Korbut. – Moscow: Elementary Forms. – 464 p. – ISBN 978-5-9502-44-4-3.

Lebedeva N. M. (1999) Introduction to ethnic and cross-cultural psychology: textbook / N. M. Lebedeva. – Moscow: Key-S. – 191 p.

Lebedeva N. M. (2001) Value-motivational structure of personality in Russian culture / N. M. Lebedeva // Psychological Journal. – Vol. 22. – No. 3. – Pp. 26–36.

Lebedeva N. M. (2009) Value relations to innovations: intercultural differences / N. M. Lebedeva // Psychological Journal. – Vol. 30. – No. 6. – Pp. 81–92.

Levi-Strauss K. (1983) Structural anthropology: [translated from French] / K. Levi-Strauss. – Moscow: Nauka. – 536 p.

Luria A. R. (1974) On the historical development of cognitive processes: Experiment. psychol. research / A. R. Luria // USSR Academy of Sciences. Institute of Psychology. – Moscow: Nauka. – 172 p.

хол. исследование / А. Р. Лурия / АН СССР. Ин-т психологии. – Москва: Наука, 1974. – 172 с.

Поршнева Б. В. Мыслима ли вообще коллективная психология / Б. В. Поршнева // Политическая психология. – Москва: Аспект Пресс, 2007. – 432 с.

Фрейд З. Психоаналитические этюды: [перевод] / З. Фрейд; [послесл. В. Т. Кондрашенко]. – Минск: Беларусь, 1991. – 604 с. – ISBN 5-338-00852-1.

Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко; пер.: И. К. Стаф; [вступ. ст. З. Сокулера, с. 5–20]. – Санкт-Петербург: Унив. кн.: Рудомино, 1997. – 573 с. – ISBN 5-7914-0023-3.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон – Москва: Издательство АСТ, 2017. – 571 с.

Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России / Ш. Шварц, Т. П. Бутенко, Д. С. Седова, А. С. Липатова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – Т. 9, № 2. – С. 43–70. – EDN QYXAEH.

Шлягина Е. И. Зависимость актуального этнопсихологического статуса личности от ее характерологических черт / Е. И. Шлягина, Э. У. Данзанова / под ред. Н. М. Лебедевой // Этническая психология и общество. – Москва: Старый сад, 1997. – С. 347–355.

Стефаненко Т. Г. Методы этнопсихологического исследования: Спецпрактикум по социальной психологии / Т. Г. Стефаненко, Е. И. Шлягина, С. Н. Ениколопов; МГУ им. М. В. Ломоносова, Фак. психологии. – Москва: Изд-во МГУ, 1993. – 79 с. – ISBN 5-211-03007-9.

Эрикссон Э. Г. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. – Москва: Прогресс, Б. г. (1996). – 340 с. – ISBN 5-01-004479-X.

Юнг К. Г. Дух и жизнь: [сборник] / К. Г. Юнг; пер. с нем. Л. О. Акопяна; под ред. Д. Г. Лахути. – Москва: Практика, 1996. – 551 с. – ISBN 5-88001-011-2.

Furnham A. Culture Shock: Psychological Reactions to Unfamiliar Environments /

Porshnev B. V. (2007) Is collective psychology conceivable at all / B. V. Porshnev // Political psychology. – Moscow: Aspect Press. – 432 p.

Freud Z. (1991) Psychoanalytic studies: [Translation] / Z. Freud; [Afterword by V. T. Kondrashenko]. – Minsk: Belarus. – 604 p. – ISBN 5-338-00852-1.

Foucault M. (1997) The History of madness in the classical era / M. Foucault; transl: I. K. Staff; [intro. art. Z. Sokuler, Pp. 5–20]. – Saint Petersburg: Universitetskaya kniga: Rudomino. – 573 p. – ISBN 5-7914-0023-3.

Huntington S. (2017) Clash of Civilizations / C. Huntington. – Moscow: AST Publishing House. – 571 p.

Refined theory of basic individual values: application in Russia (2012) / Sh. Schwartz, T. P. Butenko, D. S. Sedova, A. S. Lipatova // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. – Vol. 9. – No. 2. – Pp. 43–70.

Shlyagina E. (1997) And the dependence of the actual ethnopsychological status of a person on her characterological traits / E. I. Shlyagina, E. U. Danzanova / ed. N. M. Lebedeva // Ethnic psychology and society. – Moscow: Old Garden. – Pp. 347–355.

Stefanenko T. G. (1993) Methods of ethnopsychological research: A special social practice. Psychology / T. G. Stefanenko, E. I. Shlyagina, S. N. Enikolopov; Lomonosov Moscow State University, Fac. psychology. – Moscow : Publishing House of Moscow State University. – 79 p. – ISBN 5-211-03007-9.

Erickson E. G. (1996) Identity: youth and crisis: Translated from English / General ed. and preface by A. V. Tolstykh. – Moscow: Progress. – 340 p. – ISBN 5-01-004479-X.

Jung K. G. (1996) Spirit and Life: [Collection] / K. G. Jung; Translated from German by L. O. Hakobyan; Edited by D. G. Lahuti. – Moscow: Praktika. – 551 p. – ISBN 5-88001-011-2.

Furnham A. (1986) Culture Shock: Psychological Reactions to Unfamiliar Environments / A. Furnham, S. Bochner. – London. – 298 p.

A. Furnham, S. Bochner – London, 1986. – 298 p.

Hofstede G. Culture's Consequences (second edition): Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations / G. Hofstede. – Thousand Oaks, 2001. – 596 p.

Mead M. Blackberry Winter: My Earlier Years / M. Mead. – N.Y.: William Morrow, 1972. – 305 p.

Murdock G. The common denominator of culture / G. Murdock // The science of man in the world crisis. Ed. by R. Linton. – N.Y., 1945. – Pp. 123–142.

Scheff T. J. Hidden Emotions: Responses to a War Memorial Peace and / T. J. Scheff // Conflict: Journal of Peace Psychology. – 2007. – № 13(2). – Pp. 1–9.

Szasz T. S. Antipsychiatry: Quackery Squared / T. S. Szasz. – Syracuse, New York: Syracuse University Press, 2009. – 204 p.

Ullah A. The econometric analysis of models with risk terms / A. Ullah // Journal of Applied Econometrics 3 – 1988. – Pp. 87–105.

Hofstede G. (2001) Culture's Consequences (second edition): Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations / G. Hofstede. – Thousand Oaks. – 596 p.

Mead M. (1972) Blackberry Winter: My Earlier Years / M. Mead. – N.Y.: William Morrow. – 305 p.

Murdock G. (1945) The common denominator of culture / G. Murdock // The science of man in the world crisis. Ed. by R. Linton. – N.Y. – Pp. 123–142.

Scheff T. J. (2007) Hidden Emotions: Responses to a War Memorial Peace and / T. J. Scheff // Conflict: Journal of Peace Psychology. – No. 13(2). – Pp. 1–9.

Szasz T. S. (2009) Antipsychiatry: Quackery Squared / T. S. Szasz. – Syracuse, New York: Syracuse University Press. – 204 p.

Ullah A. (1988) The econometric analysis of models with risk terms / A. Ullah // Journal of Applied Econometrics 3. – Pp. 87–105.

Для цитирования: Ситнова И. В. Клиническая социология как методология анализа общества риска // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 3 (61). – С. 84–92.
DOI 10.18522/2227-8656.2023.3.7
EDN LKLDX

История статьи:
Поступила в редакцию – 27.03.2023
Получена в доработанном виде –
29.05.2023
Одобрена – 09.06.2023

Сведения об авторе

Ситнова Ирина Валерьевна

кандидат социологических наук, доцент,
Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской
академии наук
sitnova.irina@gmail.com

Information about author

Irina V. Sitnova

Candidate of Sciences in Sociology, Associate
Professor, Federal Research Sociological
Center of the Russian Academy of Sciences
sitnova.irina@gmail.com

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 377.1+316.74
DOI 10.18522/2227-8656.2023.3.8
EDN NONJIS

Научная статья

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ РАЗЛИЧНЫХ ДИСЦИПЛИН СТУДЕНТАМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

APPLICATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN TEACHING DIFFERENT SUBJECTS IN HIGHER SCHOOL

*Е. Е. Кувшинова **,
*Н. Ж. Мявлина ***

*E. E. Kuvshinova **,
*N. Zh. Myavlina ***

* Финансовый университет
при Правительстве РФ, Москва, Россия
** Российский университет транспорта
(МИИТ), Москва, Россия

* *Financial University under the Government
of the Russian Federation, Moscow, Russia*
** *Russian University of Transport (MIIT),
Moscow, Russia*

Целью исследования является обобщение опыта использования цифровых технологий в процессе обучения в вузах и рассмотрение перспектив их применения в современных условиях. Актуальность статьи обусловлена необходимостью провести анализ применения доступных цифровых технологий в процессе обучения разным дисциплинам и выявить наиболее используемые.

Objective of the study is to generalize the experience of using digital technologies in the process of studying at universities and to consider the prospects of their application in modern conditions. The relevance of the article is due to the need to analyze the use of available digital technologies in the process of teaching different disciplines and identify the most used ones.

Методологической базой исследования являются такие методы, как наблюдение, анализ и синтез, описание и сравнение, системный подход.

The methodological basis of the research is such methods as observation, analysis and synthesis, description and comparison, a systematic approach.

Результаты исследования заключаются в обобщении опыта вузов применения цифровых технологий в образовательном процессе. На примере двух московских вузов

Research results consist in generalizing the experience of universities in the use of digital technologies in the educational process. Using the example of two Moscow universities, the

© Кувшинова Е. Е., 2023

© Мявлина Н. Ж., 2023

авторы продемонстрировали, как современные технологии внедряются в преподавание разных дисциплин – экономики и английского языка, выявили общие подходы вузов к использованию определенных программ и приложений.

Перспективы исследования связаны с дальнейшим внедрением сквозных цифровых технологий в образовательный процесс посредством расширения диапазона применяемых программных продуктов и повышение квалификации преподавателей в этой сфере.

Ключевые слова: сплошные цифровые технологии, виртуальная реальность (VR), геймификация образовательного процесса, интернет-ресурсы

authors demonstrated how modern technologies are being introduced into the teaching of different disciplines – economics and English, identified common approaches of universities to the use of certain programs and applications.

Prospects of the study are connected with the further introduction of end-to-end digital technologies into the educational process by expanding the range of software products used and improving the qualifications of teachers in this field.

Keywords: solid digital technologies, virtual reality (VR), gamification of the educational process, Internet resources

Введение

Использование цифровых технологий в процессе обучения в двадцать первом веке стало обязательным, изменились методы преподавания. Одним из требований, выдвигаемых к преподавателям высшей школы – стало применение новейших компьютерных программ, приложений, сквозных цифровых технологий. В рабочих программах и учебно-методических разработках указываются приложения и программы, которые применяются на занятиях или для самостоятельной работы студентов. Для проведения лекции используются программы для составления презентаций (в финансовом университете при Правительстве РФ требуется использовать программу PPT), предлагаются записи лекций в виде вебинаров. Разные дисциплины используют различные программы для актуализации учебного процесса.

Современное обучение предполагает большое количество часов для самостоятельной работы. В учебных планах до 50 процентов времени отводится на самостоятельную работу студентов. Без сомнения, отличие высшего образования заключается в том, что учащиеся могут находить, анализировать, критически оценивать информацию. На современном этапе серьезным подспорьем в поиске необходимых материалов стал интернет, электронные библиотеки, выложенные в сеть лекции, целые курсы онлайн обучения от ведущих университетов мира (Coursera, например), которые позволяют получить знания, необходимые для успешного усвоения знаний и последующего трудоустройства. Компьютерные технологии могут реально помочь преподавателям и студентам – они разнообразят занятия, устанавливают новую связь

между преподавателями и студентами, позволяют внести игровой элемент и повышают интерес студентов.

Материалы и методы исследования

Статья основывается на наблюдениях авторов за процессами цифровизации обучения в российских вузах на примере московских вузов – ФГОБУ ВО Финансового университета при Правительстве Российской Федерации и ФГАОУ ВО Российского университета транспорта (МИИТ). Авторами проанализирован и обобщен опыт использования программных продуктов, обеспечивающих образовательный процесс по очной и заочной формам обучения. В Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации на занятиях по иностранному языку, в нашем случае, английскому языку, одной из наиболее востребованных сейчас технологий является Центр «КИБЕРХАБ» (CyberHUB)¹, в котором могут проходить семинарские занятия по английскому языку. Центр VR-технологий в университете открылся совсем недавно, в конце апреля 2022 года (Киберхаб, 2022). Центр «КИБЕРХАБ» создан для внедрения VR/AR технологий в процесс обучения. Семинарское занятие длится 1 час 30 минут (1 пара), количество студентов на занятии не должно превышать 25 человек (так как группы по иностранному языку крайне редко превышают это количество, на занятии присутствует вся группа целиком). Пока на территории университета есть только один центр, но планируется открыть их во всех учебных корпусах вуза. Студенты изучают английский язык с эффектом «погружения», эмоциональный фон помогает им более качественно усваивать знания. Виртуальная реальность активизирует учебный процесс и повышает интерес к обучению.

Основными недостатками являются то, что программы, которые используются в процессе обучения, не российского производства, то есть, содержание контента нельзя контролировать. В свете современных политических и экономических изменений, а также культурных (появление огромного числа гендеров, популяризация ЛГБТ+ сообществ и др.), это может вызывать проблемы, так как, по нашему глубокому убеждению, образование – это не просто обучение, но и воспитание, формирование определенного мировоззрения, нравственных и духовных ценностей.

Также следует отметить, что пребывание в виртуальной реальности имеет ограничения по медицинским показателям. Тошнота и головокружение являются частными симптомами пребывания в VR, однако при соблюдении временного промежутка этого модно избежать. Вторым медицинским противопоказанием называли ухудшение зрения. Однако, проведенные в 2019 году

¹ Открытие аудитории центра «КИБЕРХАБ» // Financial University : [сайт]. – 7 апреля 2022 г. – URL: <https://alumnifa.com/opencyberhub/> (дата обращения: 04.05.2023).

исследования использования шлема виртуальной реальности (VR- HMD) позволили сделать вывод, что именно ухудшения зрения не происходит, но долгое пребывание в виртуальной реальности может вызывать такое заболевание глаз как астигматизм.

Помимо этого, в финансовом университете студенты и преподаватели используют MOODLE (модульная объектно-ориентированная динамическая учебная среда), которая была запущена в 2001 году, но массово внедряться в различных учебных учреждениях стала позже. Эпидемия COVID-19 вынудила вузы применять MOODLE не только для обучающихся на заочном отделении, как это было вначале в финансовом университете, но и на очном отделении. Система дает возможность получить лекционный и практический материал, специально подготовленный для конкретных направлений обучения и даже для студентов с различными уровнями знаний английского языка. Преподаватели сами заполняют систему, выкладывают тестовые задания, дополнительные материалы, там же представлены ссылки на интернет-ресурсы. Преподаватели не только выкладывают текстовый материал лекций, но и презентации, в том числе в видео формате, могут контролировать, как студенты усваивают материалы, выставляют оценки, которые сразу же становятся видны учащимся, что помогает более качественно управлять процессом обучения.

Достоинством системы является то, что преподаватели регулярно обновляют материалы, накапливают ценные ресурсы, которые могут использовать для групп с разными уровнями владения иностранным языком, и пополняют свою материально-учебную базу.

Но есть и недостатки: например, преподаватели английского языка, естественно, стремятся использовать видео и аудио материалы, произведенные носителями английского языка, но из-за того, что некоторые сайты и материалы, на которые дают ссылку преподаватели, в связи с последними событиями в мире, блокируют доступ ним гражданам России.

Помимо этого, преподаватели сами составляют задания, поэтому нет единообразия, материалы могут отличаться по качеству заданий, объему и разнообразию.

Еще одна программа, которая активно используется в финансовом университете для совершенствования знаний по английскому языку – это Rosetta Stone. Программа платная, но для студентов финансового университета она бесплатная. В начале каждого учебного года преподаватели выявляют студентов, которым нужно подтянуть свои знания по английскому языку и передают заявки на подключение таких студентов к программе.

Несомненно, это очень удобная программа для обучения всем навыкам – чтению, письму, аудированию и говорению. Установить программу можно на любое устройство, что существенно облегчает работу с приложением. Кроме

того, эта программа предлагает обучение как для начинающих изучать английский язык, так и для студентов продвинутого уровня (всего предлагаются пять уровней). В программе русский язык не представлен совершенно, используется только английский, задания разнообразны, много повторений, что способствует лучшему запоминанию и усвоения материала, и можно подстроить ее под свои нужды – например, некоторым студентам не надо отрабатывать чтение, тогда такие упражнения могут быть удалены. Но использование только английского языка является и проблемой, студенты начального уровня не всегда могут правильно понять задание. Еще одним недостатком программы является отсутствие объяснений правил английской грамматики, и не всегда студенты интуитивно могут правильно понять их. Но в целом, программа популярна у студентов университета, она помогает им нарабатывать определенные навыки, и преподаватели часто рекомендуют ее студентам с невысоким уровнем языка. Преподаватели могут поучить отчет о количестве часов, проведенных студентами в программе, оценивать их сильные и слабые стороны, соответственно, планировать свою аудиторную работу с этими студентами таким образом, чтобы они достигли максимального результата в изучении английского языка.

Преподаватели английского языка используют и другие программы, но уже не централизованно, а подбирают их самостоятельно, в зависимости от уровня владения компьютерными технологиями, гаджетами, имеющимися в их распоряжении и нужд своих студентов. Одними из самых простых программ являются Crossmaker (Crossmaker), Crossword Puzzle Generator (generator-crossword-puzzle) и многие другие – для составления кроссвордов. Это помогает изучать лексику, расширять словарный запас, т. к. при объяснении термина, необходимо использовать синонимы, четко формулировать мысли. Возможно также создавать кроссворды для тренировки различных частей речи, например, когда в учебнике встречаются задания на word formation (преобразования конкретного слова в другую часть речи). Если обычно это задание дается в виде таблицы, то при использовании кроссвордов можно преобразовать достаточное скучное задание в игру, добавить соревновательный элемент и т. п. Несомненно, есть и недостатки, например, трудно составить кроссворды с использованием сложносопоставленных существительных или фразовых глаголов, так как часто в кроссвордах эти слова пишутся не раздельно, а слитно, что затрудняет работу студентам. Но подобные задания также студенты выполняют с удовольствием.

Без работы с текстами невозможно увеличить вокабуляр студентов, но простое чтение текстов или выполнение заданий типа: «Ответьте на вопросы после текста» или «Решите, какое предложение соответствует содержанию текста, а какое нет» (True/False), достаточно привычны и не всегда неинте-

ресны. Так как наши студенты часто используют свои мобильные телефоны на занятиях, то рационально учитывать это в планирование заданий и применять такие технологии как QR коды. «QR-код – это особый вид штрих-кода, в котором с помощью пикселей зашифрован некоторый объем информации. Форма QR приспособлена для легкого считывания данных с внешнего носителя (плаката, чека, визитки) через цифровое устройство. Смартфон позволяет расшифровать данные, отсканировав код через специальное приложение. Если говорить простыми словами, QR-код – способ предоставления пользователю быстрого доступа к зашифрованным данным» (chto-takoe-qr-kod, 2022).

QR-коды предлагают преподавателям широкий спектр возможностей: с их помощью можно закодировать картинки – для описания природы, внешности (General English) или графики (Business English) и др.

Для генерирования QR-кодов используются специальные сервисы, среди которых и русский сервис – <http://www.qrcoder.ru> (qrcoder.ru). Он позволяет закодировать картинки или фотографии, цифровую информацию – номер телефона, например, тестовые сообщения, например, sms-сообщение или email сообщение, или произвольный текст.

Следует отметить, что грамматику и лексику российские студенты в целом усваивают хорошо, но основной трудностью остается произношение. Для того, чтобы отрабатывать произношение, раньше использовались лингафонные кабинеты, проводились занятия по фонетике иностранного языка, но на современном этапе наиболее полезным инструментом становятся различные приложения, которые позволяют тренировать звуки. К ним относятся такие программы как Learn Speak English (Learn Speak English, 2013) или Hello English (Hello English, 2023).

К достоинствам этих программ и приложений можно отнести то, что они созданы носителями языка, могут применяться оффлайн, их можно использовать в любое время.

Приложение Learn Speak English бесплатное, предлагает игры для обучения чтению, аудированию, речевой коммуникации. Используемая технология Microsoft Speech Recognition позволяет распознавать и тренировать различные акценты, также надо отметить, что корпорация BBC также участвовала в разработке продукта для этого приложения – они сняли видео инструкции для работы над звуками. Осложняющим фактором является то, что разработчик приложения – компания Microsoft, что при существующих сложностях в отношениях между нашими странами, означает, что она не всегда может быть доступна.

Несомненный интерес представляет такая программа, как Plotagon Story¹. Она предоставляет возможность продемонстрировать свое владение англий-

¹ Приложение Plotagon захватило любителей анимации. Создают мультфильмы о себе с помощью программы // Medialeaks : [сайт]. – 06.08.2022. – URL: <https://medialeaks.ru/0607ndi-txt-lfs-plotagon-story/> (дата обращения: 09.06.2023).

ским языком, а также создает игровой момент. Студенты выбирают анимационные персонажи, тщательно прописывают и озвучивают сценарий. Иногда одни и те же персонажи используются ими постоянно и, таким образом, к концу учебного года подбирается целая коллекция роликов. Анимационные ролики с успехом применяются для участия в конкурсах, например, для участия в Неделе иностранного языка, которая проводится в университете дважды в год. Результат ролика можно сохранить в любом формате, что тоже удобно при использовании разных программ на компьютерах у студентов и в университете.

К сожалению, приложение не бесплатное, поэтому можно использовать только небольшую часть.

Студенты Российской открытой Академии транспорта РУТ (МИИТ) обучаются по заочной форме обучения. В учебных планах предусмотрены лекционные и практические занятия. Освоить дисциплины студентам помогает Система дистанционного обучения (СДО), созданная на основе применения Moodle или Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment.

В программу встроен форум, который позволяет «связаться с преподавателем, задать вопрос или обсудить тему урока, ученики могут оставлять комментарии под курсами или заводить беседы» (Система электронного обучения и тестирования Moodle: обзор возможностей, 2018).

Для обучения студентов, разработаны онлайн курсы, которые содержат лекционный материал, практические задания, тестовые задания, дополнительные материалы.

Лекционный материал представлен в двух форматах – текст лекции и презентация. Презентации размещены в виде SCORM-пакета, он «представляет собой zip-архив, в который запакованы все учебные материалы» (Что такое SCORM-пакет?, 2020).

В каждом разделе онлайн-курса представлены тестовые материалы для проверки знаний студентов, тесты встроены в программу, позволяющую использовать 15 типов заданий. Существует возможность ограничения времени тестирования, ограничения количества попыток и времени, через которое можно повторить попытку пройти тестирование.

В каждый курс встроены элементы геймификации, например, можно дать ссылку на прохождение кроссворда по изучаемой теме.

Для составления кроссворда нами был использован сайт Online Test Pad, на котором есть возможность конструирования шести различных типов кроссвордов (классические, сканворды, японские, японские цветные, филворды, судоку). Для составления кроссворда необходимо задать размер поля, ввести слова, которые студенты должны освоить в процессе изучения конкретного раздела дисциплины. Программа выдает возможные варианты кроссвордов,

из которых можно выбрать наиболее приемлемый. В программе дается «Основная ссылка», которую нужно разместить как гиперссылку в СДО. По итогам прохождения теста студенты могут получить Сертификат и распечатать его.

Существует возможность установить мобильное приложение – Moodle Mobil, которое позволяет проходить учебные курсы и решать тесты с планшета или смартфона, что является очень удобным для обучающихся.

Для выявления уровня освоения учебной дисциплины используются возможности, предоставляемые сайтом Quizizz (Quizizz, 2015). Quizizz нравится всем преподавателям, занимающимся вовлечением учащихся в учебный процесс, позволяет оживить процесс обучения.

На сайте создается тест, который можно использовать в учебном процессе как «живую викторину». Такая возможность позволяет в режиме реального времени провести тестирование студентов, используя при этом момент соревновательности. Для перехода к тесту создается QR-код, по которому студенты заходят в тест и выбирают ответы. На практическом занятии можно быстро провести опрос студентов, используя такой тест.

Для проведения тестирования студентов на практических занятиях также возможно использование тестов, созданных при помощи Google forms. Возможно использовать различные типы вопросов с ответами – один из списка, несколько из списка, на соответствие и так далее.

Формы позволяют ограничить время тестирования, отправить результат тестирования на электронную почту студента, ограничить количество попыток тестирования. Для проведения тестирования необходимо дать студентам ссылку на тестирование. Проверка ответов происходит автоматически, результаты тестирования представлены в виде электронной таблицы, в которой отображается количество набранных студентом правильных ответов. Формы позволяют проанализировать различные аспекты процесса тестирования, отображаются ответы каждого студента на все вопросы теста, строятся графики, отображающие статистику ответов студентов, отображается информация о вопросах, на которые часто даются неправильные ответы. Это позволяет выявить те разделы дисциплины, которые студенты освоили в меньшей степени и обратить на них особое внимание при обсуждении тем учебного курса на практических занятиях.

В Российской открытой академии транспорта РУТ (МИИТ) есть студия для записи роликов с использованием современного оборудования – инновационная интерактивная видеостудия «Jalinga» (jalinga, 2017). Jalinga – это умные автоматизированные видеостудии для профессиональной съемки всего одним человеком. В этой студии возможно создание качественного образовательного видеоматериала.

Основная особенность студии заключается в простоте использования и высокой технологичности. Работа в студии не требует длительной подготовки, полученное видео практически не нуждается в последующей обработке.

Преподаватель готовит презентацию в специальном формате, размещая контент в специальном шаблоне, оставляющем свободной одну сторону слайда. Презентация демонстрируется на белом экране, туда же встраивается изображение преподавателя, который рассказывает подготовленный заранее текст лекции. Текст размещается на специальном экране, который позволяет подстраивать продвижение текста под темп речи преподавателя.

Во процессе записи видеоматериала преподаватель в своей презентации имеет возможность использования интернет-источников интерактивных элементы – анимированных 2D- и 3D-объектов (карты, математические формулы и так далее), а также размещения контента на прозрачной сенсорной доске.

Качество готовых обучающих видео и инновационный формат позволяют системно создавать материалы, в том числе для размещения в электронных курсах Системы дистанционного обучения.

В настоящее время также остается возможность использования Microsoft Teams. У преподавателей и студентов есть личный кабинет, страница с которой происходит взаимодействие преподавателей и студентов. Программа активно использовалась для проведения лекционных и практических занятий в период пандемии коронавируса. Преподаватель создает учебный класс, прикрепляет к нему необходимые группы студентов. Программа дает возможность запланировать проведение занятий в календаре, они будут отображаться у самого преподавателя и у каждого студента. Лекции можно вести в формате видео-лекций с возможностью демонстрации на экране рабочего стола преподавателя. На рабочем столе можно разместить презентацию, которая отображает в виде схем, таблиц и так далее основных моментов лекции. Возможно включение в учебный процесс видеоматериалов.

В процессе проведения лекций у студентов есть возможность задать вопросы в чате или попросить возможность подключения микрофона, чтобы задать вопрос. Преподаватель имеет возможность проконтролировать подключение студентов к занятию, скачать файл, отображающий время входа и выхода каждого участника. В процессе проведения лекции есть возможность контроля присутствия студентов, преподаватель может задавать вопрос и просить студентов написать ответы в чате, тем самым будет видно кто действительно слушает лекцию, а кто, возможно, просто подключился, но не участвует в процессе обучения.

В процессе проведения практических занятий есть возможность создания видеоконференции и подключения студентов с видео к дискуссии по тематике занятия.

В настоящее время особый интерес представляет возможность общения студента и преподавателя в чате. Чат используется для того, чтобы студент, который не смог присутствовать на сессии, смог получить задание по конкретной дисциплине, прислать на проверку выполненное практическое задание, подготовленную курсовую работу и получить замечания, согласовать с преподавателем день и время, когда можно отчитаться по выполненным заданиям, сдать зачет или экзамен лично. Многие студенты Академии проживают в других городах и не имеют возможности лично получить задание, поэтому использование этой цифровой технологии общения преподавателя со студентами имеет особое значение. Чат встроен в Систему дистанционного обучения, но пока не получил широкого использования.

Microsoft Teams позволяет разместить Презентации, задания к практическим занятиям, учебные материалы, учебные пособия в электронном виде, что позволяет студентам получить дополнительные возможности обучения.

В процессе прохождения обучения на курсах повышения квалификации «Сквозные технологии и цифровая трансформация» в Московском финансово-промышленном университете «Синергия» нами были изучены возможности использования цифровых технологий в образовательном процессе.

Сквозные технологии – перспективные технологии, радикально меняющие ситуацию на существующих рынках или способствующие формированию новых рынков. Для процесса обучения можно использовать целый ряд программ, о которых мы узнали на курсах.

Важным инструментом в деятельности преподавателя является возможность создания виртуальной доски на сайте Miro (Место для командной работы, 2011). Сайт дает возможность создания Интерактивной онлайн-доски для совместной работы команд – в любое время, в любом месте. На такой доске преподаватель может разместить большой объем информации, начиная со своей фотографии, ученой степени, ученого звания и должности и заканчивая QR-кодами на выполнение заданий студентами.

Также нам была представлена возможность проведения игры на сайте SimulTrain (SimulTrain, 1996). SimulTrain – это симулятор управления проектами, используемый в программах обучения управлению проектами. Группа из 4 человек играет роль менеджера проекта и управляет 3-месячным проектом за 6–8 часов. Игра дает возможность рассмотреть различные варианты поведения сотрудников при принятии управленческих решений в различных сферах деятельности компаний. Это дает замечательную возможность для студентов отработать основные навыки в сфере управления, может быть использована в таких дисциплинах как Менеджмент, Принятие управленческих решений и других.

Также в процессе обучения мы ознакомились с возможностями Ispring. На занятии мы рассматривали возможные варианты поведения в различных

ситуациях и пытались выявить несколько возможных вариантов поведения, найти наиболее эффективный вариант развития событий. Этот инструмент также можно встроить в проведение практических занятий.

Результаты исследования. Анализ, проведенный авторами статьи, показал, что преподаватели российских вузов активно используют цифровые технологии в обучающем процессе, вовлекают студентов в изучение обязательных элементов электронных учебных курсов, а также дополнительных материалов, встраивают в учебный процесс элементы геймификации, внедряют технологии виртуальной реальности и иные цифровые инструменты, активизирующие учебный процесс.

Обсуждение

В результате исследования можно отметить, что в российских вузах не сложилось единого подхода к использованию в образовательном процессе разных видов программных продуктов. Однако анализ показал, что на современном этапе наиболее часто используемой цифровой платформой является Moodle, другие программные продукты используются в зависимости от возможностей вуза приобрести права на их использование в обучении. Навыки преподавателей в использовании цифровых технологий достаточно дифференцированы: от базовых пользовательских навыков до продвинутого уровня. Для повышения уровня использования сквозных цифровых технологий большинство вузов проводит курсы повышения квалификации для преподавателей с целью освоения и совершенствования навыков сотрудников в применении образовательных цифровых технологий.

Заключение

Обобщая, можно сказать, что современный образовательный процесс требует высокого уровня подготовки преподавателя и знание им различных цифровых технологий, возможностей их использования в образовательном процессе. Часть инструментов нашла широкое применение в обучении, другие будут в дальнейшем встраиваться в образовательный процесс. В перспективе предполагается использование сквозных цифровых технологии всех учебных дисциплинах.

Список источников

Босиков Р. Уроки за стеклом: как выпускники Бауманки меняют онлайн-образование / Р. Босиков // RB.RU : [сайт]. – 29 мая 2020 г. – URL: <https://rb.ru/story/jalinga> (дата обращения: 10.05.2023).

References

Bosikov, R. (2020). Lessons behind glass: how graduates of Baumanka change online education / R. Bosikov // RB.RU : [site]. – May 29, 2020. URL: <https://rb.ru/story/jalinga/> (date of application: 10.05.2023).

Галузо, И. В. Использование технологии QR-кодов в образовательной деятельности / И. В. Галузо, А. В. Лукомский // Современное образование Витебщины. – 2018. – № 1 (19). – С. 33–39. – EDN XZTGJF.

Демидова, Е. В. «Quizizz» как инструмент обучения, контроля и мотивации в условиях смешанного обучения иностранным языкам / Е. В. Демидова // Культура, наука и образование: традиции и инновации: материалы XIII Международной научно-практической конференции, Балашиха, 12 апреля 2021 года. Ч. 1. – Балашиха : Российский государственный аграрный заочный университет, 2021. – С. 115–119. – EDN YSGVKI.

Система электронного обучения и тестирования Moodle: обзор возможностей // Moodle : [сайт]. 19 мая 2018. URL: <https://www.ispring.ru/elearning-insights/moodle> (дата обращения: 08.05.2023).

Чигирин, Е. А. Онлайн-доска miro как инструмент дистанционного обучения иностранному языку в вузе / Е. А. Чигирин, Т. Ю. Чигирина // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. – 2021. – № 5 (37). – С. 138–143. – EDN CVLOLC.

Что такое SCORM – пакет? // LMS-Service : [сайт]. – 30 декабря 2020 – URL: <https://lms-service.ru/stati/chto-takoe-scorm-paket/> (дата обращения: 08.05.2023).

Crossmaker: создание кроссвордов онлайн // CrossMaker : [сайт]. – URL: <https://crossmaker.ru/ru/> (дата обращения: 02.05.2023).

Crossword Puzzle Generator // Super Teacher Worksheets : [сайт]. – URL: <https://www.superteacherworksheets.com/generator-crossword-puzzle.html> (дата обращения: 02.05.2023).

Should You Use the Hello English App? // Fluentu : [сайт]. – 23 марта 2023. – URL: <https://www.fluentu.com/blog/english/hello-english-app-review/> (дата обращения: 10.05.2023).

Learn Speak English // Microsoft : [сайт]. – 2023. – URL: [https://apps.microsoft.com/store/detail/learn-speak-](https://apps.microsoft.com/store/detail/learn-speak-English)

Galuzo, I. V. (2018) The use of QR-code technology in educational activities / I. V. Galuzo, A. V. Lukomsky // Modern education of Vitebsk region. – № 1(19). – Pp. 33–39.

Demidova, E. V. (2021) «Quizizz» as a tool of teaching, control and motivation in conditions of mixed foreign language teaching / E. V. Demidova // Culture, science and education: traditions and innovations : materials of the XIII International Scientific and Practical Conference, Balashikha, April 12, 2021. Part 1. – Balashikha: Russian State Agrarian Correspondence University. – Pp. 115–119.

The Moodle e-learning and testing system: an overview of the possibilities (2018) // Moodle. [website]. – 19 May. – URL: <https://www.ispring.ru/elearning-insights/moodle> (date of application: 8.05.2023).

Chigirin, E.A. (2021) Miro online whiteboard as a tool for distance learning of a foreign language at a university / E. A. Chigirin, T. Y. Chigirina // Modern problems of humanities and social sciences. – № 5(37). – Pp. 138–143.

What is a SCORM package? (2020) // LMS-Service [website]. – 30 December. – URL: <https://lms-service.ru/stati/chto-takoe-scorm-paket/> (date of application: 08.05.2023).

Crossmaker: creating crosswords online (2023) // CrossMaker: [website] – URL: <https://crossmaker.ru/ru/> (date of application: 02.05.2023).

Crossword Puzzle Generator // Super Teacher Worksheets: [сайт]. (2023) – URL: <https://www.superteacherworksheets.com/generator-crossword-puzzle.html> (date of application: 02.05.2023).

Should You Use the Hello English App? (2023) // Fluentu [сайт]. – 23 марта. – URL: <https://www.fluentu.com/blog/english/hello-english-app-review/> (date of application: 10.05.2023).

Learn Speak English // Microsoft: [сайт]. (2023) – URL: <https://apps.microsoft.com/store/detail/learn-speak-English/9WZDN-CRFJ2D9?hl=ru-tj&gl=tj> (date of application: 09.05.2023).

QR-код – что это такое и как он работает (2022) // Макхост: [сайт]. 11 апреля – URL:

English/9WZDNCRFJ2D9?hl=ru-tj&gl=tj
(дата обращения: 09.05.2023).

QR-код – что это такое и как он работает // Макхост : [сайт]. 11 апреля 2022 – URL: <https://mchost.ru/articles/chto-takoe-qr-kod/> (дата обращения 10.05.2023).

Should You Use the Hello English App? Read This Review First // FluentU : [сайт]. – URL: <https://www.fluentu.com/blog/english/hello-english-app-review/> (дата обращения: 04.05.2023).

SimulTrain 12 // SimulTrain : [сайт]. – URL: <https://simultrain.net/> (дата обращения: 05.05.2023).

<https://mchost.ru/articles/chto-takoe-qr-kod/>
(date of application: 10.05.2023).

Should You Use the Hello English App? Read This Review First (2023)// FluentU: [сайт]. – URL: <https://www.fluentu.com/blog/english/hello-english-app-review/> (date of application: 04.05.2023).

SimulTrain 12 (2023) // SimulTrain: [сайт]. – URL: simultrain.net (date of application: 05.05.2023).

Для цитирования: Кувшинова Е. Е., Мьявлима Н. Ж. Опыт использования цифровых технологий в преподавании различных дисциплин студентам высшей школы // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 3 (61). – С. 93–105.

DOI 10.18522/2227-8656.2023.3.8

EDN NONJIS

История статьи:

Поступила в редакцию –
12.05.2023

Получена в доработанном виде –
01.06.2023

Одобрена – 09.06.2023

Сведения об авторах

Кувшинова Екатерина Евгеньевна

кандидат исторических наук, доцент
Департамента английского языка
и профессиональной коммуникации,
Финансовый университет
при Правительстве РФ
KatieKuvshinova@gmail.com

Мьявлима Нурзидия Жаферовна

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Экономическая теория
и менеджмент», Российский университет
транспорта (МИИТ)
nurzidy@mail.ru

Information about authors

Ekaterina E. Kuvshinova

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Department of English
Language and Professional Communication
Financial University under the Government
of the Russian Federation
KatieKuvshinova@gmail.com

Nurzidy Z. Myavlina

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Chair “Economic theory
and management” Russian University of
Transport (Moscow State University of Railway
Engineering (МИИТ))
nurzidy@mail.ru

ДИСТАНЦИОННЫЙ ФОРМАТ ОБУЧЕНИЯ: ВОПРОСЫ ОСТАЮТСЯ...

DISTANCE LEARNING: SOME QUESTIONS REMAIN UNANSWERED

Р. И. Татаринцева *

R. I. Tatarintseva *

* *Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия*

* *Financial University under
the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

Цель исследования. Актуальность и универсальность вопросов, требующих срочного решения в техническом, организационном и методическом аспектах, связанных с развитием технических средств дистанционного обучения и их возможностей. Подробно рассматриваются значительные недостатки применения традиционных аудиторных методов преподавания в условиях дистанционного обучения, особенно в контексте проверки и контроля промежуточных и итоговых результатов обучения.

Objective of the study. Relevance and universality of issues requiring urgent solutions in technical, organizational and methodological aspects related to the development of distance learning technology and their capabilities. The significant disadvantages of using traditional classroom teaching methods in distance learning conditions are considered in detail, especially in the context of checking and monitoring intermediate and final learning outcomes.

Методологическая база исследования. Эмпирико-аналитическая статья основана на знании литературы вопроса и авторской дистанционной практике преподавания в условиях полной самоизоляции в 2020–2022 гг., поставившей ряд ключевых вопросов, требующих, учитывая перспективы дистанционных форматов обучения, неотложного профессионального решения.

The methodological basis of the research. The empirical and analytical article is based on the knowledge of the literature of the issue and the author's distance teaching practice, in conditions of complete self-isolation in 2020–2022, which raised a number of key issues that require urgent professional solutions, taking into account the prospects of distance learning formats.

Результаты исследования. В статье поставлены важные вопросы и предложены для обсуждения желательные варианты их решения и адаптации, сформулированы базовые условия внедрения дистанционного обучения, учитывая его текущие возможности.

Research results. The article raises important questions and suggests desirable solutions and adaptations for discussion, formulates the basic conditions for the introduction of distance learning, taking into account its current capabilities.

© *Татаринцева Р. И., 2023*

Перспективы исследования проявляются в необходимости решения поставленных вопросов и снятия проблемы проверки и контроля промежуточных и итоговых результатов обучения в дистанционном формате.

Ключевые слова: дистанционное обучение, когнитивность, проблема оценки учебных результатов, проверочно-контрольные формы, коллоквиум, психологический синдром.

Prospects of the study are manifested in the need to solve the issues raised and remove the problem of checking and controlling intermediate and final learning outcomes in a distance format.

Keywords: distance learning, cognition, the problem of evaluating learning outcomes, test and control forms, colloquium, psychological syndrome.

Введение

Весной 2020 года в стране возникли чрезвычайные обстоятельства в связи с пандемией коронавируса, которая превратилась в мировую эпидемию и представляла реальную угрозу для России в том числе. В такой ситуации неотложно потребовалась строгая карантинная самоизоляция, что привело к внедрению дистанционного обучения на всех уровнях образовательной системы государства.

Технический прогресс уже давно предоставил возможности, которые до сих пор не полностью интегрированы. Академическое обсуждение этих вопросов продолжалось более 25 лет до их фактической реализации. Возможное сокращение образовательных помещений было одним из перспективных факторов, рассматриваемых серьезно. В общем, изучение вопросов дистанционного обучения было актуальным только на теоретическом уровне и имело потенциал для практической реализации в допандемийный период отечественного образования.

Однако, на мой взгляд, множество статей, посвященных возможностям дистанционного обучения и преподавания, которые появились до их фактической реализации, теперь можно рассматривать только в контексте предыстории вопроса, учитывая прошедшее время. Уже тогда было достаточно аргументированных скептических точек зрения. Исследователи, интересующиеся этой темой, вероятно, согласятся с моим мнением, поскольку теория всегда корректируется практикой. Двухлетний период дистанционной работы в условиях полной самоизоляции позволил не только разработать последовательную и системную практику, но и дал соответствующий опыт и учителям, и учащимся, то есть всем участникам учебного процесса.

До появления ситуации с COVID-19 онлайн-обучение рассматривалось в основном как идея или концепция, которая не получила широкого практического применения. Многие образовательные учреждения использовали традиционные методы обучения, основанные на присутствии студентов и преподавателей в физическом пространстве. Идея проведения занятий и обучения

через интернет существовала, но не вызвала срочной необходимости или практической значимости.

Однако все изменилось с появлением COVID-19. Эта глобальная пандемия привела к серьезным ограничениям и угрозам для здоровья и безопасности людей. В связи с этим государства по всему миру приняли меры по введению карантина, самоизоляции и ограничениям на перемещение. Образовательные учреждения были вынуждены закрыться и прекратить традиционное присутственное обучение.

В таких условиях появилась необходимость развития и применения онлайн-обучения. Оно стало основным средством обеспечения продолжения образования в условиях ограничений. Учитывая серьезность ситуации и важность обеспечения непрерывности обучения, дистанционное обучение стало актуальной и неотложной задачей.

Кроме того, колоссальное давление, вызванное пандемической ситуацией, стимулировало активное развитие и принятие онлайн-обучения в образовательной среде. Образовательные учреждения вынуждены были быстро адаптироваться и перейти на онлайн-формат, чтобы обеспечить непрерывность образовательного процесса и удовлетворить потребности студентов. Это привело к повышению практической значимости онлайн-обучения и его рассмотрению как эффективного и неотъемлемого компонента современной системы образования.

Важно помнить, что переход на дистанционный формат обучения произошел внезапно, весной 2020 года, не в начале учебного года, а после утверждения всех учебных планов. Как указывали Нурлан Киясов, директор Ed Crunch University Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», и Виола Ларионова, заместитель проректора по образовательным технологиям Уральского федерального университета, в комментарии для Интерфакса 15 апреля 2020 года, такая ситуация, конечно же, вызывает стресс у всех участников и неизбежно повлияет на отношение к дистанционному обучению и другим дистанционным образовательным технологиям. Таким образом, уже тогда сформировалась указанная оценка и ее последствия продолжались и развивались далее. Негативный опыт внедрения дистанционного обучения также имеет большую ценность, поэтому научно-педагогическая оценка этих вопросов достигла нового уровня обобщения. В результате содержание этой статьи сосредоточено на явных недостатках этого образовательного формата, признавая потенциальные перспективы и преимущества дистанционного обучения.

В 2020–2022 годах возник прецедент, с которым мы рано или поздно столкнемся в будущем. Проблема коронавируса до сих пор не исчезла, и мы по-прежнему сталкиваемся с локальным ростом заболеваемости COVID-19 в

разных регионах страны, хотя с некоторыми колебаниями. Вирусологи предупреждают не только о новых мутациях, например, о «кракене» типа ХВВ.1.5 (Саванкова, 2023), но и о новом и опасном варианте, названном «Цербер». Поэтому повторение того, что мы уже прошли, будет уместным напоминанием о том, что нельзя забывать. «Страшилки» существуют во всех профессиональных сферах, но вопрос в том, как мы с ними справляемся. Очень надеемся, что мы скоро избавимся от пандемии и, следовательно, от дистанционного обучения, и не столкнемся с ее рецидивами.

14 марта 2023 года пресс-служба Всемирной Организации Здравоохранения распространила заявление главы ВОЗ Тедроса Аданома Гебрейесуса, в котором он заявил: «Я уверен, что в 2023 году мы завершим пандемию COVID-19, и режим международной чрезвычайной ситуации, связанный с этим заболеванием, будет отменен. <...> Мы находимся в значительно лучшем положении, чем когда-либо во время пандемии» (Гебрейесус, 2023). Это внушает надежду. Однако стоит признать, что пандемия и локальные эпидемии имеют разный масштаб, поэтому в нашей стране проблемой может стать эпидемическая обстановка в отдельных регионах, требующая жестких карантинных мер и самоизоляции, а следовательно, и дистанционного обучения.

Известно, что дополнительные знания и профессиональные навыки никогда не бывают лишними. Поэтому полученные и наработанные навыки в дистанционном формате обучения не следует терять. На мой взгляд, мы должны систематически поддерживать эти навыки на практике. Например, через онлайн-консультации, лекции и проведение различных совещаний и конференций.

Поэтому особое внимание и признательность вызывает статья А. С. Киндеркнехт, К. В. Тулиевой, М. У. Худайбердиной «Недостатки дистанционного обучения иностранному языку в экстремальных условиях самоизоляции», опубликованная в 2021 году (Киндеркнехт и др., 2021). Я полностью согласна с выводами авторов этой статьи, которые не склонны к чрезмерному оптимизму, и рассмотрю их аргументы далее.

Сейчас, после двухлетнего опыта преподавания и усвоения знаний в дистанционном формате, все участники учебного процесса в университетах имеют глубокое понимание о его особенностях и вызванных им проблемах. В целом, отношение к этому формату обучения складывается негативное по ряду причин и из-за технических проблем, с которыми столкнулись студенты, преподаватели и администрация.

Однако не следует считать, что все участники учебного процесса были полностью не подготовлены к дистанционному формату обучения. Как упоминалось выше, заранее было проведено значительное количество исследований, и весьма обширная литература была посвящена дистанционному обу-

чению. Преимущества этого формата обучения были академически изучены и описаны. Однако все эти исследования были проведены вне реальной практической среды, которой просто не существовало до появления пандемии.

Таким образом, хотя были некоторые предварительные знания и теоретическая основа для дистанционного обучения, его реальное применение и масштабное внедрение произошли во время пандемии COVID-19. Эта ситуация стала своего рода испытанием для образовательной системы, выявив проблемы и слабые места, а также позволила более полноценно исследовать и оценить возможности и ограничения данного формата обучения.

Следовательно, опыт, полученный в минувшие два года, стал основой для более глубокого понимания дистанционного обучения, его преимуществ и ограничений, а также для поиска эффективных решений и разработки соответствующих стратегий и подходов к его применению в будущем.

Материалы исследования

В результате двухлетнего практического опыта, в основном негативного, возникли существенные изменения в отношении дистанционного обучения (ДО). Практика развенчала множество иллюзий о возможностях ДО и выявила многочисленные вопросы, на которые еще нет ответов. В данном исследовании я подчеркну преимущественно недостатки этой формы обучения, особенно ее очевидные недостатки, которые нужно преодолеть.

Известно, что «повторение уже усвоенных знаний, навыков и умений является важным для их закрепления и применения в новых учебных задачах. Психологически повторение помогает установить связи между новыми и предыдущими знаниями. Повторение также способствует более глубокому и прочному усвоению материала» (Щукин, 2007. С. 216). Поэтому значение повторения было известно с давних времен, как показывает латинская поговорка «*Repetitio est mater studiorum*» (Повторение – мать учения).

Всякой деятельности обычно предшествует подготовка, и введение ДО в практику образования также требовало соответствующей начальной подготовки преподавателей и студентов. Однако введение ДО в 2020 году на всех уровнях образования из-за пандемии и самоизоляции не дало возможности провести должную подготовку. В начальный период ДО в условиях самоизоляции возникло множество проблем: от неподготовленности к работе онлайн со стороны преподавателей и студентов, отсутствия необходимой технической оснащённости (компьютеров, интернет-соединения) до отсутствия методических навыков и проблем с компьютерными сетями, которые не выдерживали нагрузки.

В апреле 2020 года, в начальный период перехода на дистанционный формат обучения, статья в столичной «Независимой газете», написанная Ольгой

Соловьевой, подчеркнула ряд проблем, связанных с недостаточной подготовкой педагогов к дистанционному обучению в России. Согласно исследованию, четверть педагогов отметила, что их навыков и знаний недостаточно для успешного перехода на дистанционное обучение. Учителя школ, чаще всего, упоминали о нехватке навыков и знаний (27 %), в то время как преподаватели вузов доложили о такой проблеме лишь в 19 % случаев.

«Оценка методической готовности к ведению занятий в дистанционном формате оказалась примерно одинаковой среди школьных учителей и преподавателей вузов. Большинство педагогов (55 %) оценили ее как удовлетворительную» (Соловьева, 2020). Однако преподаватели вузов также высказывали жалобы на высокую нагрузку и нехватку времени, вызванные переходом на дистанционное обучение, а учителя школ столкнулись с проблемами отсутствия компьютеров и доступа в интернет у учащихся. Изучение показало, что 74 % педагогов отметили увеличение рабочей нагрузки в связи с переходом к дистанционному обучению, а 26 % из них выразили недовольство организацией перехода от традиционного обучения к онлайн-формату. В то же время «60 процентов респондентов оценили переход как удовлетворительный» (Соловьева, 2020), в то время, как только 14 % назвали его хорошо организованным. Важно отметить, на мой взгляд, что упомянутые 55 и 60 % оценок не всегда соответствовали реальности, так как многие опрошенные не желали признаваться в своей беспомощности и предпочитали не раскрывать полную картину ситуации.

Мой личный опыт, а также опыт моих коллег, в период с 2020 по 2022 год позволяет утверждать, что ситуация с переходом на дистанционное обучение была сложной и многогранной. В условиях самоизоляции она стала своего рода испытанием, переросшим в психологический кризис, с которым столкнулись все. Мы знали, что нужно делать, но не всегда знали, как это технически осуществить. Проблема заключалась в том, что и преподавателям, и студентам не хватало ресурсов для саморегуляции из-за недостаточной подготовки к полному переходу на дистанционное обучение. Именно эта проблема сформировала негативное отношение к дистанционному формату обучения в широких кругах. Более того, невозможность полноценного контроля знаний, оценки выполнения заданий и проведения экзаменов в дистанционном режиме серьезно подогревала этот негативизм. Поэтому возвращение в учебные аудитории стало радостным событием для преподавателей и студентов.

Однако по мере освоения практики дистанционного обучения и приобретения соответствующих навыков многие из этих проблем отходят на второй план. Те, кто приобрел необходимый опыт, больше не сомневаются в своей предварительной подготовке. То же самое можно сказать о техническом оснащении. В период с 2020 по 2022 год были разработаны минимально необ-

ходимые методы преподавания и освоения материала со стороны студентов. Основываясь на своих наблюдениях, я отмечаю, что сейчас половина студентов вполне принимает дистанционное обучение. Однако здесь речь идет скорее о «чистом» формате, а не о полном учебном процессе и повседневной жизни вуза, которые невозможны без личного контакта и активного взаимодействия, то есть невозможны в условиях полной самоизоляции и дистанционного обучения.

Сейчас, вернувшись в учебные аудитории и используя традиционные формы и методы преподавания, проблематика дистанционного обучения, в отличие от предыдущих двух лет, стала менее актуальной. Однако стоит отметить, что дистанционное обучение остается универсальной темой, которая волнует практически всех. Образовательная сфера имеет огромное значение и объем, поэтому дистанционное обучение затронуло всех: родителей и детей, а также преподавательский состав – от учителей начальных классов до профессоров и академиков.

Всё это вместе внезапно стало ясно: получение образования вне учебных классов и аудиторий, то есть вне коллективного обучения и активного взаимодействия, явно недостаточно эффективно. Если речь идет о полноценном образовании, то такой подход просто невозможен.

В 2020 году мы столкнулись с уникальной ситуацией, когда вся система образования полностью перешла на дистанционное обучение. Этот переход стал непредсказуемым и неожиданным, и он показал, что в будущем такой сценарий может повториться, даже когда пандемия окажется позади. Инфекционисты уже сегодня указывают на то, что COVID-19 может стать одной из обычных форм респираторных вирусных инфекций, но последствия его заболевания все еще остаются серьезными. Также вызывает тревогу динамика распространения болезни в различных регионах.

Такие обстоятельства лишний раз служат напоминанием о мудрой древнеримской пословице «*Repetitio est mater studiorum*», или русской – «Повторение – мать учения». Она указывает на важность извлечения уроков из прошлого опыта и готовности к повторным ситуациям. Мы видим, что дистанционное обучение стало неотъемлемой частью нашей образовательной системы и может снова стать актуальным в будущем. Поэтому мы должны учиться на наших прежних ошибках и подготовиться к возможным повторениям ситуации, чтобы успешно преодолевать вызовы, связанные с обучением в условиях эпидемий и других чрезвычайных обстоятельств.

Вернемся к заголовку статьи и напомним, что понятие «корпоративность» в буквальном смысле на латыни означает «объединение», то есть принадлежность к группе, связанной общими целями, интересами и взглядами, включая долгосрочные перспективы. Когнитивность, как известно, представляет

способность охватывать всю информацию, которую мы получаем благодаря обучению, практике и опыту, формируемым в нашем коллективном окружении. По моему опыту, в нашем случае это включает преподавателя, аудиторию, учебную группу, курс и факультет. Когнитивность представляет собой способность воспринимать и обрабатывать данные и информацию через восприятие и убеждения, чтобы превратить их в знания, опыт и практику, а в дальнейшем – в общую судьбу, не теряя связи с коллегами, особенно яркими.

С профессиональной точки зрения когнитивность означает способность коллективной среды объединять различные процессы, такие как обучение, внимание, память, речь, рассуждение и принятие решений, которые составляют часть интеллектуального развития и опыта. По моему мнению, реализация такого единства в условиях самоизоляции и дистанционного обучения крайне проблематична, точнее – невозможна.

Для подтверждения своего взгляда приведу авторитетное мнение Сергея Рощина, проректора Высшей школы экономики, который говорит: «Дистанционное обучение не может заменить живого человеческого общения, обмена энергией, прямого контакта и наставничества. Основной вопрос заключается в том, как организовать дистанционное обучение таким образом, чтобы сохранить максимально возможный контакт» (Рощин, 2020). Это является ключевым вопросом! Стоит отметить, что когнитивные связи и взаимодействия настолько сложны, что полностью и точно описать их тонкости и особенности, на мой взгляд, невозможно. Более того, во многом они имеют эмоциональную составляющую.

Двухлетнее пребывание в условиях самоизоляции, исключавшей когнитивность, вызывало фрустрационное напряжение, которое не находило выхода и, как известно, является разрушительным для личности. В нашем случае это касалось и обеих сторон учебного процесса. Кроме того, в условиях самоизоляции и полного перехода на дистанционное обучение возник фактор «неполноценности» образовательного процесса, что привело к психологическому синдрому дистанционного обучения (дистанции) и значительно снизило мотивацию широких кругов студентов.

Отрицание и отторжение дистанционного формата обучения стало результатом именно его полного внедрения. Однако психологический синдром дистанции, возникший в результате его внутреннего отторжения, будет долго напоминать о себе при любом столкновении с понятием «дистанционное обучение» как среди студентов, так и среди преподавателей.

Ещё в 2015 году А. А. Савастыина указывала, что «российская система высшего образования обладает фундаментальной научной базой, позволяющей готовить всесторонне развитых выпускников, однако информационная эра и глобализация в образовании требуют ее модернизации и применения

новых подходов к организации учебного процесса. Развитие образовательного института должно быть максимально инновационным, так как он является ключевым инструментом передачи знаний в различные сферы человеческой деятельности. Комбинация мощных и доступных информационных технологий, а также компьютеризация населения привели к развитию дистанционного образования» (Савастыина, 2015. С. 178). При этом А. А. Савастыина не согласна с определением дистанционного обучения, которое некоторые исследователи считают «новой формой заочного обучения» или просто учебным процессом, организованным по определенным темам и дисциплинам (Савастыина, 2015. С. 179).

По мнению А. А. Савастыиной, высказанному в 2015 году, приведенные определения дистанционного обучения не полностью раскрывают его сущность. Сегодня с этим мнением трудно не согласиться. Однако вопрос заключается в деталях. Я считаю, что введение дистанционного формата обучения в качестве новой ступени заочного обучения заслуживает внимания, так как это осторожное и точное терминологическое определение содержания дистанционного обучения, которое может иметь широкое практическое применение. Я также поддерживаю другое, упомянутое А. А. Савастыиной, определение: «Дистанционное обучение – это организованный по определенным темам и учебным дисциплинам учебный процесс». Оно, это определение, точное и четкое, имея в виду именно лишь «определенные темы и учебные дисциплины».

Интересный аспект этого вопроса заключается в том, что уже в одной из статей Е. Н. Кошкиной и Е. Р. Орловой обращается внимание на то, что их статья «рассматривает и анализирует именно дистанционное обучение, а не дистанционное образование. Дистанционное образование не рассматривается, потому что, несмотря на все его преимущества, оно пока неэффективно, а зачастую просто вредно, что не способствует раскрытию потенциала личности» (Кошкина, Орлова, 2013. С. 12–13). По моему мнению, в преподавательском контексте «образование» относится к структурно-логической системе, в то время как «обучение» связано с преподаванием, усвоением и овладением конкретными знаниями студентами. Понимая суть этих различий, я полностью поддерживаю авторов данной цитаты.

Сегодня мы наблюдаем постепенное внедрение интерактивных цифровых образовательных платформ, и их доступность всё больше расширяется. Это указывает на то, что дистанционное обучение становится неотъемлемой потребностью современного общества. Поэтому в ближайшем будущем мы можем ожидать его еще более широкого использования. Однако существуют различные технические и учебно-методические проблемы, которые до сих пор остаются нерешенными.

Одной из самых актуальных задач, требующих срочного решения, является вопрос контроля успеваемости и качества обучения на различных этапах образовательного процесса. В контексте дистанционного обучения становится сложнее оценить промежуточные и итоговые результаты обучения студентов. Как обеспечить объективность и надежность оценки, как измерить уровень усвоения материала и достижение образовательных целей в условиях удаленного обучения? Эти вопросы требуют немедленного внимания и поиска соответствующих решений.

Необходимо разработать эффективные методы оценки, которые позволят преподавателям получать объективную информацию о знаниях и навыках студентов, а также обеспечить надежный механизм контроля успеваемости. Это может включать использование различных форматов тестирования, проектных работ, сотрудничества студентов и обратной связи. Также требуется разработка и внедрение соответствующих технических решений, таких как адаптивные платформы и программное обеспечение для автоматизации процессов оценки и обратной связи.

Решение этих задач является критически важным для успешной реализации дистанционного обучения в масштабах образовательной системы. Это позволит обеспечить высокий уровень качества образования, а также поддерживать мотивацию и активное участие студентов в учебном процессе.

Практика дистанционного обучения, как уже отмечалось, показала свою приемлемость для самообразования, индивидуального, домашнего или заочного обучения, а также для консультаций и лекций. Однако в преподавании иностранных языков возникли значительные проблемы, связанные с различными формами речевой деятельности, такими как разговор, аудирование, чтение и письмо, а также с проведением контрольных работ, семинаров, коллоквиумов, зачетов и экзаменов. Анализ литературы по этой проблеме показывает, что исследование данного вопроса ещё предстоит провести. Однако реальная перспектива возможного расширения использования дистанционного обучения и его возвращение в масштабах хотя бы региона требуют нахождения технических и методических решений. В первую очередь, необходимы технические решения, особенно в области информационных технологий. Следует напомнить, что общеобразовательные школы не нашли альтернативных форм проведения ЕГЭ вне классной комнаты и отменили его проведение в 2020 году. Это является значимым симптомом.

В практике дистанционного обучения возникает необходимость в значительных изменениях традиционных аудиторных форм работы, схем контроля и структурных моделей оценки результатов обучения. В текущей системе образования высшие уровни контроля представлены зачетами и экзаменами.

Однако при переходе к дистанционному обучению возникают множество сложностей, связанных с проведением этих форм контроля.

Одной из проблем является необходимость обеспечения надежности и справедливости оценки студентов на удаленных экзаменах и зачетах. Как гарантировать, что студенты не обманывают при выполнении заданий и не используют недопустимую помощь? Как обеспечить аутентичность результатов и предотвратить возможные нарушения академической честности? Эти вопросы требуют разработки эффективных механизмов и технологий, которые позволят надежно проверить знания и умения студентов в условиях удаленной среды.

Кроме того, необходимо учитывать технические аспекты проведения дистанционных экзаменов и зачетов. Возникают вопросы о выборе подходящих платформ и программного обеспечения, обеспечении стабильной интернет-связи, создании безопасных условий для хранения и передачи данных студентов. Также требуется обеспечить техническую поддержку и инструктаж студентов, чтобы они могли успешно пройти экзамены и зачеты в дистанционном формате.

Эти сложности требуют системного подхода к преобразованию традиционных форм контроля в контексте дистанционного обучения. Необходимо разработать новые методики оценки, которые соответствовали бы особенностям дистанционного обучения и обеспечивали надежность, справедливость и объективность оценки студентов. Это может включать использование различных форматов заданий, проверок в режиме реального времени, сотрудничества студентов в онлайн-среде и других инновационных подходов.

Решение этих проблем требует совместных усилий педагогического сообщества, разработчиков образовательных технологий и административных органов. Важно обеспечить обмен опытом и лучшими практиками, проводить исследования в области дистанционного обучения и разработки эффективных моделей контроля. Только таким образом можно достичь высокого качества образования в условиях дистанционного формата и обеспечить справедливую оценку успеваемости студентов.

Зачет – это форма проверки знаний студентов в вузах и профессиональных учебных заведениях, включающая оценку не только уровня теоретических знаний, но и результатов практической работы, контрольных работ, семинаров и коллоквиумов. В повседневном понимании зачет является последовательной оценкой накопленных и применяемых студентом знаний, наблюдаемой преподавателем в непосредственном учебном контакте на протяжении определенного периода обучения. Зачетные оценки, особенно «зачеты-автоматы», которые широко распространены в высшей школе, являются стимулом для учебной мотивации. В условиях дистанционного обучения всё

еще применяются обычные предварительно объявленные вопросы к зачетам. Однако необходимо отметить, что «электронный контакт» между преподавателем и студентом не должен сводиться только к ответам последнего во время зачета. Несколько уточняющих вопросов от преподавателя могут скорректировать представление о реальном уровне знаний конкретного студента, внедряя элементы коллоквиума – эффективной формы контроля знаний.

Экзамен является важной формой определения уровня знаний, навыков и умений студентов. Путем выполнения устных и письменных заданий, прохождения тестов формируется оценка успеваемости студентов по результатам семестра или года обучения. Проблема проведения экзаменов в условиях дистанционного обучения уже возникает при определении соответствующего понятия. В идеале экзамен – это «одна из традиционных форм проверки знаний учащихся, способствующая сознательному и творческому изучению учебного материала, его повторению, систематизации и закреплению, а также возможность для педагогического коллектива проверить и оценить знания учащихся и определить результаты своей учебно-воспитательной работы» (Новая Российская Энциклопедия, 2017. С. 341). Однако в реальной практике студенты прибегают к различным уловкам и хитростям, чтобы получить удовлетворительную оценку. В условиях дистанционного обучения возникает множество вопросов о форме и способах контроля. При отсутствии живого, очного общения между экзаменатором и студентом возникают проблемы. Студентам доступны различные технические средства для получения высоких результатов на экзамене, такие как готовые шпаргалки на сайтах или использование гаджетов, которые не могут быть обнаружены видеокамерой. Требования, такие как «руки экзаменуемого должны быть на виду» или «нельзя отводить взгляд от экрана», не решают проблему. Практическое снятие этой проблемы является важной задачей, которую необходимо решить.

Результаты исследования

Считаю, что в условиях дистанционного обучения эффективным способом проверки знаний может стать экзаменационный коллоквиум. Чтобы адаптировать его к техническим условиям дистанционной экзаменации, необходимо сделать существенные изменения и модернизировать эту форму проверки. Обычно коллоквиум является мини-экзаменом, проводимым преподавателем один или несколько раз в семестре для оценки текущего уровня знаний студентов. В некотором смысле коллоквиум и экзамен имеют схожие характеристики, и исследование этой методической детали может быть перспективным.

Когда проведение тестов, самостоятельных работ или дистанционных экзаменов становится затруднительным или нерезультативным из-за техниче-

ских проблем, коллоквиум может стать вариативной и широко применимой формой проверки. Через «телевизави» экзаменатор и студент могут провести собеседование, отвечая на вопросы и выполняя задания по вопросам зачетных или экзаменационных билетов. Таким образом можно оценить уровень знаний студентов, полученных результатов обучения и итоги учебного процесса. Реализация этой формы контроля требует разработки технологий, методик и правил ее использования, а также критериев оценки ответов студентов.

Однако стоит отметить, что важным аспектом является техническая адаптация этой формы проверки. Она зависит не только от учебно-методических разработок и методологов, но также от рекомендаций IT-специалистов, которые могут предложить соответствующее техническое обеспечение для проведения экзаменов и других форм контроля знаний. Это отражает требования современности и важность успешной реализации перспектив дистанционного обучения. Такая адаптация является неотложной необходимостью.

Выводы

Если мы не применим на практике основные требования, описанные в статье, то можем прийти к единственному выводу: «Для оценки перспектив использования дистанционных технологий в обучении иностранному языку как в традиционной аудиторной форме, так и в различных онлайн-форматах взаимодействия преподавателя и студентов необходима критическая оценка опыта» (Киндеркнехт и др., 2021. С. 7). По моему мнению, при этом следует учитывать некоторые основные условия:

1. Необходимо постоянно обновлять и поддерживать навыки преподавания и обучения в дистанционной форме образования, используя доступные реальные инструменты, которые могут продолжать развиваться и совершенствоваться.

2. Полноценное образование является цельной и логически связанной системой, которая не может существовать вне учета когнитивных и корпоративных аспектов.

3. Психологический синдром, связанный с дистанционным обучением, представляет реальную угрозу уровню образования и усвоения знаний, что может снижать мотивацию студентов.

Существует ряд важных вопросов, возникающих в практике дистанционного образования, на которые пока нет адекватных ответов и решений.

В заключение можно отметить, что анализ практики обучения иностранным языкам в дистанционной форме образования (ДФО) и опыт преподавания в условиях самоизоляции подтверждают необходимость выполнения определенных шагов перед внедрением дистанционных методов обучения. По моему мнению, для этого следует:

1. В современной ситуации необходимо ограничить широкое применение ДФО в практике преподавания и не заменять традиционные методы и формы обучения в высшей школе без необходимости.

2. В ДФО нужно минимизировать использование тестов и самостоятельных проверочных работ, избегать проведения зачетов и экзаменов вне учебных аудиторий без наблюдения преподавателя, а в идеале – использовать видеонаблюдение в аудиториях.

3. Разработать и опробовать варианты проверки достижений студентов (зачетов и экзаменов), адаптированные к техническим возможностям и ограничениям существующей сети для дистанционного обучения.

4. Учитывая, что проведение дистанционных зачетов и экзаменов практически невозможно, рассмотреть возможность использования собеседования (коллоквиума) как полноценной формы контроля и проверки полученных знаний, основанной на вопросах спектра экзаменационных билетов. Разработать соответствующие правила и рекомендации для проведения и оценки результатов студентов.

Подводя итог двухлетней практике работы в условиях самоизоляции в существующей системе образования, дистанционные формы обучения можно рассматривать с некоторым ограниченным оптимизмом. Для дальнейшего профессионального обсуждения проблемы контроля результатов обучения в вузе в дистанционной форме обучения необходимо искать новые технические, организационные и методические решения по указанным вопросам, требующим квалифицированных ответов.

«В то же время следует избегать явных перекосов в пользу дистанционного обучения и не заменять традиционное обучение без особой необходимости» (Кузьминова, 2020. С. 26).

Список источников

Гебрейесус Т. А. Пандемия COVID-19. Глава ВОЗ выразил уверенность в завершении пандемии COVID-19 в 2023 году. – 14 марта 2023 г. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/17255281> (дата обращения: 02.05.2023).

Киндеркнехт А. С. Недостатки дистанционного обучения иностранному языку в экстремальных условиях самоизоляции / А. С. Киндеркнехт, К. В. Тулиева, М. У. Худайбердина // Мир науки. Педагогика и психология. – 2021. – Т. 9, № 2. – EDN IGJXJF.

Кузьминова Н. А. Дистанционное обучение: за и против / Н. А. Кузьминова,

References

Gebreyesus T. A. (2023) The COVID-19 pandemic. The head of WHO expressed confidence in the end of the COVID-19 pandemic in 2023. / March 14, 2023. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/17255281> (date of application: 02.05.2023).

Kinderknecht A. S. (2021) Disadvantages of distance learning a foreign language in extreme conditions of self-isolation / A. S. Kinderknecht, K. V. Tulieva, M. U. Khudaiberdina // The world of science. Pedagogy and psychology. – Vol. 9, No. 2.

Kuzminova N. A. (2020) Distance learning: pros and cons / N. A. Kuzminova,

Е. А. Николаева // Педагогика, психология, общество: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 30 июня 2020 года. – Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2020. – С. 23–26. – EDN OKFCJU.

Орлова Е. Р. Проблемы развития дистанционного обучения в России / Е. Р. Орлова, Е. Н. Кошкина // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2013. – Т. 9, № 23(212). – С. 12–20. – EDN QBYITV.

Роцин С. Дистант в вузе: как не потерять в качестве / С. Роцин // Российская газета. – 28 декабря. – 2020. – URL: <https://rg.ru/2020/12/28/distant-v-vuze-kak-nepoteriat-v-kachestve.html> (дата обращения: 02.05.2023).

Саванкова Н. Не выпускайте «кракена»! / Н. Саванкова // Российская газета. – 14 января. – 2023. – URL: <https://rg.ru/2022/07/26/ne-budite-krakena.html> (дата обращения: 2.05.2023).

Савастыина А. А. Проблемы внедрения дистанционного обучения в образовательный процесс / А. А. Савастыина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 19(374). – С. 178–181. – EDN VHLZSH.

Соловьева О. Половина российских преподавателей не готовы к удаленному обучению: Высшее и среднее образование вошло в кризисный режим трансформации / О. Соловьева // Независимая газета. – 7 апреля. – 2020. – URL: https://www.ng.ru/economics/2020-04-07/1_7837_education.html (дата обращения: 02.05.2023).

Шукин А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь: Более 2000 единиц терминов и понятий лингводидактики и смежных гуманитарных дисциплин. Около 400 биографий деятелей педагогики, лингвистики, лексикографии / А. Н. Шукин. – Москва: Хранитель, 2007. – 747 с. – (Красные словари). – ISBN 5-17-040803-X. – EDN VOQVJG.

Е. А. Nikolaeva // Pedagogy, psychology, society: Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Cheboksary, June 30, 2020. – Cheboksary: Publishing House “Sreda”. – Pp. 23–26.

Orlova E. R. (2013) Problems of distance learning development in Russia / E. R. Orlova, E. N. Koshkina // National interests: priorities and security. – Vol. 9, No. 23(212). – Pp. 12–20.

Roshchin S. (2020) Distance at the university: how not to lose in quality / S. Roshchin // Rossiyskaya Gazeta. – December 28. – URL: <https://rg.ru/2020/12/28/distant-v-vuze-kak-nepoteriat-v-kachestve.html> (date of application: 02.05.2023).

Savankova N. (2023) Don't release the Kraken! / N. Savankova // Rossiyskaya Gazeta. – January 14th. – URL: <https://rg.ru/2022/07/26/ne-budite-krakena.html> (date of application: 2.05.2023).

Savast'ina A. A. (2015) Problems of introducing distance learning into the educational process / A. A. Savast'ina // Bulletin of Chelyabinsk State University. – No. 19(374). – Pp. 178–181.

Solovyova O. (2020) Half of Russian teachers are not ready for remote learning: Higher and secondary education has entered a crisis mode of transformation / O. Solovyova // Nezavisimaya Gazeta. – April 7. – URL: https://www.ng.ru/economics/2020-04-07/1_7837_education.html (date of application: 02.05.2023).

Shchukin A. N. (2007) Linguodidactic encyclopedic dictionary: More than 2000 units of terms and concepts of linguodidactics and related humanities. About 400 biographies of figures of pedagogy, linguistics, lexicography / A. N. Shchukin. – Moscow: Khranitel'. – 747 p. – (Red Dictionaries). – ISBN 5-17-040803-X.

Для цитирования: Татаринцева Р. И. Дистанционный формат обучения: вопросы остаются... // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 3(61). – С. 106–121.
DOI 10.18522/2227-8656.2023.3.9
EDN PATJJF

Сведения об авторе

Татаринцева Регина Игоревна
старший преподаватель Департамента
английского языка и профессиональной
коммуникации Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
regina_tatarinceva@mail.ru

История статьи:

Поступила в редакцию – 11.05.2023
Получена в доработанном виде –
31.05.2023
Одобрена – 09.06.2023

Information about author

Regina I. Tatarintseva
Department of English and Professional
Communication of the Financial University
under the Government
of the Russian Federation
regina_tatarinceva@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ЮГЕ РОССИИ

УДК 316.4
DOI 10.18522/2227-8656.2023.3.10
EDN QMOAMG

Научная статья

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ АНКЛАВОВ

SOCIAL RISKS OF FORMING ETHNIC ENCLAVES

Е. А. Гринченко *,**

E. A. Grinchenko *,**

* Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия

* South Russian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia

** Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия

** Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Цель исследования заключается в выявлении факторов, детерминирующих социальные риски формирования этнических анклавов в условиях дезинтеграции полиэтнического пространства, а также в предложении мер по оптимизации преодоления «деконсолидационных травм» в процессе фундированных интеракций мигрантов и автохнотонного общества Российской Федерации.

Objective of the study is to identify the factors determining the social risks of the formation of ethnic enclaves in the conditions of the disintegration of the polyethnic space, as well as to propose measures to optimize the overcoming of «deconsolidation traumas» in the process of the fundated interactions of migrants and the autochnotonic society of the Russian Federation.

Методологическая база исследования. Проанализирована типология этнических анклавов доктора политологических наук, профессора Л. Кононова, разделяющая анклавов по количеству, масштабам занимаемой территории, видам иммиграционных потоков, странам исхода, доминирующему виду мигрантов, глубине анклавизации, доминирующим мотивам анклавного образа жизни. Методом отбора выделен доминирующий мотив анклавного образа жизни: этнический. Рассмотрены социологические подходы к формированию

The methodological basis of the research. The typology of ethnic enclaves of the Doctor of Political Sciences, Professor L. Kononov is analyzed, which divides enclaves by the number, scale of occupied territory, types of immigration flows, countries of origin, the dominant type of migrants, the depth of enclavization, the dominant motives of the enclave lifestyle. The dominant motif of the enclave lifestyle is identified by the selection method: ethnic. Sociological approaches to the formation of ethnic enclaves of both Russian and foreign representatives are considered.

© Гринченко Е. А., 2023

этнических анклавов как российских, так и зарубежных представителей.

В качестве метода был использован контент-анализ на «входе» анализа системных публикаций в СМИ. Критерий отбора применялся как словоупотребительный (мигрант и производные), так и контекстуальный (из содержания сообщения ясно, что речь идет о мигрантах). Каждому сообщению присваивался маркер, характеризующий его с точки зрения упоминания этнической принадлежности мигрантов либо страны происхождения.

Результаты исследования. Рассмотрен процесс культурного обособления диаспор посредством географической изоляции, который в качестве продукта имеет этнический анклав. Проанализировав существующие типологии анклавов и их функции, сделан вывод, что анклав наподобие социального института может выполнять комплекс устойчивых моделей поведения, иметь свои неформальные принципы и нормы, а также выполнять ряд функций в принимающем обществе. Изучив специфику этнических анклавов, были рассмотрены экономические и социально-психологические факторы, детерминирующие социальные риски формирования этнических анклавов.

Далее было проанализировано современное состояние государственной политики по противодействию формированию этнических анклавов. Диагностировано, что оперативная обстановка по линии урегулирования формирования этнических анклавов характеризуется удовлетворительным уровнем стабильности. В современных реалиях на российском рынке труда наблюдаются устойчивые неконтролируемые схемы привлечения мигрантов без получения патентов на право работы. В случае непродления патента появляются тенденции ухода мигрантов в «теневую занятость», что в дальнейшем приводит к ряду социальных рисков для общества, а также позволяет работодателям уклоняться от уплаты налогов, что способствует аутопоэзису формирования коррупционных замкнутых пространств.

As a method, content analysis was used at the «input» of the analysis of system publications in the media. The selection criterion was applied both word-use (migrant and derivatives) and contextual (it is clear from the content of the message that we are talking about migrants). Each message is assigned a marker that characterizes it in terms of mentioning the ethnicity of migrants or the country of origin.

Research results. The process of cultural isolation of diasporas through geographical isolation, which has an ethnic enclave as a product, is considered. Analyzing the existing typologies of enclaves and their functions, it is concluded that an enclave, like a social institution, can perform a set of stable behaviors, have its own informal principles and norms, and also perform a number of functions in the host society.

Having studied the specifics of ethnic enclaves, economic and socio-psychological factors determining the social risks of the formation of ethnic enclaves were considered.

Further, the current state of state policy on countering the formation of ethnic enclaves was analyzed. It is diagnosed that the operational situation in the settlement of the formation of ethnic enclaves is characterized by a satisfactory level of stability. In modern realities, the Russian labor market has stable uncontrolled schemes for attracting migrants without obtaining patents for the right to work. In case of non-renewal of the patent, there are trends of migrants leaving for «shadow employment», which further leads to a number of social risks for society, and also allows employers to evade non-payment of taxes, which contributes to the autopoiesis of the formation of corrupt closed spaces.

Перспективы исследования. Исследование позволило дополнить перечень факторов и социальных рисков формирования этнических анклавов в Российской Федерации, которые являются актуальными на сегодняшний день. Представлены рекомендации для оптимизации государственной политики в области предотвращения формирования этнических анклавов.

Теоретическая значимость заключается в том, что выводы и результаты, полученные в ходе данного исследования, могут использоваться для дальнейшего развития социологии миграции, социальной антропологии и этносоциологии для углубления понимания социальных проблем формирования этнических анклавов.

Практическая значимость связана с социологическим анализом возможных мер по профилактике и противодействию рисков и угроз консолидации российского регионального сообщества. Данные меры могут быть выработаны и применены как на государственном уровне, так и на региональном.

Ключевые слова: анклав, этническая анклавазация, полиэтничное пространство, социальные риски, мигранты, автохтонное общество, интеграция, консолидационные процессы, средства массовой информации, деконсолидационные травмы, государственная политика.

Prospects of the study. The study allowed us to supplement the list of factors and social risks of the formation of ethnic enclaves in the Russian Federation, which are relevant today. Recommendations for optimizing the state policy in the field of preventing the formation of ethnic enclaves are presented.

The theoretical significance lies in the fact that the conclusions and results obtained in the course of this study can be used for the further development of the sociology of migration, social anthropology and ethnosociology to deepen the understanding of the social problems of the formation of ethnic enclaves.

The practical significance is connected with the sociological analysis of possible measures to prevent and counteract risks and threats to the consolidation of the Russian regional community. These measures can be developed and applied both at the state level and at the regional level.

Keywords: ethnic enclavization, polyethnic space, social risks, migrants, autochthonous society, integration, consolidation processes, mass media, deconsolidation traumas, state policy, Russian Federation.

Введение

Миграция как социально-демографический феномен является продуктом мировых процессов, возникающим под влиянием ряда факторов:

1. Политических отношений (военные действия, ксенофобия с присущими ей формами, репутация и образ государства).
2. Экономического мироустройства (международное разделение труда, гандикап экономического развития стран).
3. Глобальных проблем: «Север-Юг» (как проблема экономической дифференциации и низкого уровня жизни), терроризма и экологии.

Вся совокупность вышеперечисленных факторов обуславливает миграционные настроения и активность в практическом поле, а в теоретическом

понимании демонстрирует полимотивность данного явления. Возникающие на основании мотивов потребности в переезде, в свою очередь, становятся детерминантой поиска путей, возможностей и направлений миграции. Миграция населения – это перемещение в рамках конкретной территории или за ее пределы на различные расстояния некоторого количества лиц, находящихся под влиянием источника принятия решения, обладающих набором структурных характеристик и фундаментальных различий и находящихся в различных правовых полях, которое осуществляется как на определенный, так и на неопределенный срок и в соответствии с заданной целью. Возросшее количество миграционных потоков на территорию Российской Федерации влечет за собой ряд негативных тенденций. Прежде всего, это связано с появлением феномена этнических анклавов, формирование которых является одним из наиболее критически воспринимаемых экспертным сообществом современных этносоциальных и политических процессов.

Этнической считается любая территория компактного проживания людей, образующих единую общность, отличную от национальностей окружающего общества, где проживает население с особыми социокультурными, языковыми, религиозными характеристиками, несвойственными местному сообществу. Современные этнические районы в крупных российских мегаполисах и их пригородах формируются в основном стихийно, то есть без участия государства. Причины возникновения этнических мест компактного проживания в большинстве российских регионов не регулируются ни органами государственной власти, ни местным самоуправлением, процесс их создания носит совершенно стихийный и фрагментарный характер.

В Мадридском договоре 1526 года впервые упоминается термин «анклав». В 1868 году «анклав» появился в английском языке, заимствованный из французского, со значением от латинского: закрытый, запертый. Понятие «анклав» сравнительно недавно упоминается в отечественных литературных источниках, впервые было отражено в Большой советской энциклопедии в 1934 году. В литературных источниках термин «анклав» используется для определения присутствия «чужеродного фрагмента» в той или иной области, а также как «пространственное и институциональное явления». В то же время довольно часто можно встретить определения «этнические» или «религиозные» анклавов, которые применяются для обозначения мест компактного проживания этнических или религиозных групп.

В широком смысле под этническими анклавами понимаются компактные городские поселения или части города с высокой концентрацией определенного этноса, особо отличающиеся от окружающих территорий социокультурными, языковыми и другими характеристиками. Эти территории имеют языковую, культурную и экономическую системы, которые сепарированы и

дифференцированы от окружающего местного общества. В то же время по отношению к мигрантам часто используется термин «места компактного проживания мигрантов». Этнический анклав, в узком смысле, – территория со специфическим составом населения, с особой инфраструктурой, имиджем, а в некоторых случаях и названием.

Руководство Российской Федерации неоднократно обращало внимание на недопущение образования этнических анклавов. В апреле 2021 года М. М. Магомедов, заместитель Руководителя Администрации Президента, подчеркнул, что рост негативного отношения к мигрантам оказывает значительное влияние на состояние межэтнических отношений. Этнические анклавы усложняют адаптацию мигрантов в российское общество. В подтверждение этому важно отметить, что исследователи миграционных процессов склонны относить территории этнических анклавов к неблагополучным районам из-за высокого уровня криминализации. Языковой барьер, различия в культуре и менталитете приводят к эскалации конфликтных настроений между приезжими мигрантами и автохтонным населением.

Обзор основных источников

Проблема анклавизации отражена в трудах как российских, так и зарубежных ученых. Российские представители, в научных трудах которых отражены социологические подходы к изучению формирования этнических анклавов: Батуренко С., Бедрина Е., Кельман Ю., Кононов Л., Трушкова Е.

Зарубежные представители, в трудах которых анклавизация рассматривается как часть городской жизни: Берджесс Э., Бок Ф., Вирт Л., Кеннета У., Мид Г., Мюрдаль Г., Парк Р., Портес А., Тарри Х.

Более того, в литературных источниках этнические анклавы выступают в качестве отдельных квазитерриториальных образований, где в силу объективных условий национальные меньшинства (в основном группы мигрантов), придерживающиеся аутентичного образа жизни, отличающегося от санкционированного общепринятого в принимающем обществе, вынуждены компактно (перманентно или временно) проживать (Трушкова, 2018). В то же время анклавы возникают из-за вынужденных обстоятельств, сопровождающихся объективными трудностями в адаптации и интеграции, с которыми сталкиваются мигранты. Стоит отметить, что анклав наподобие социального института может выполнять комплекс устойчивых моделей поведения, иметь свои неформальные принципы и нормы, а также выполнять ряд функций в принимающем обществе. Анклавизация отражается не только в повседневном общении местного населения с мигрантами, которое часто ограничено, но и опосредуется слабо ориентированной социализацией социальных, экономических и культурных институтов мигрантов из других обществ.

Целесообразно отметить, что этнические анклав в современной России по сути создают среду «андеркласса» в модифицированном смысле. Поскольку мигранты в основном ориентируются на вторичный рынок труда и на дешевое жилье, фактически места их расселения и места расселения местного «андеркласса» значительно коррелируются (Батуренко, 2011). Тесный контакт мигрантов с представителями «андеркласса» (нижнего слоя общества, состоящего из людей, находящихся вне условий и норм жизни, принятых и одобряемых в современном обществе) дезинтегрирует их жизнедеятельность от социальной среды принимающего общества, замыкая в анклаве. Это связано с тем, что российский «андеркласс» чаще всего утрачивает устойчивые связи с социальными группами своей страны, поэтому имплементируя их практики, мигранты еще больше сепарируются от практик социализации в российское общество.

Подходы, согласно которым анклав в литературных источниках определяются как «профессиональная (трудовая) ниша, в которой этническая группа осуществляет определенную деятельность и имеет влияние» или характеризуются как «социально-экономический и культурный комплексы, позволяющие получать экономические выгоды для определенной группы населения в конкретном месте», являются спорными. Перечисленные характеристики не исчерпывают основных параметров определения анклава.

Во-первых, профессиональная ниша, социально-экономический и культурный комплексы не всегда являются географически определенными и изолированными. Во-вторых, в рамках указанных определений не принимается к сведению социокультурный фактор того или иного анклава. В то же время анклав возникают из-за вынужденных обстоятельств, сопровождающихся объективными трудностями в адаптации и интеграции, с которыми сталкиваются мигранты.

Типология этнических анклавов

Учитывая многообразие действующих в современном мире анклавов, трудностью их интерпретации, приведем их существующие типологии. Доктор политологических наук, профессор Л. Кононов привел авторскую типологию анклавов мигрантов. Политолог разделил анклав по количеству, масштабам занимаемой территории, видам иммиграционных потоков, странам исхода, доминирующему виду мигрантов, глубине анклавазации, доминирующим мотивам анклавного образа жизни.

В зависимости от преобладающего типа мигрантов в анклаве: переселенцы; вынужденные мигранты; трудовые; смешанные анклав без признаков доминирования. В зависимости от «масштабов занимаемой территории»: крупномасштабные анклав – площадь составляет от одного 1 кв. метра и

более; среднемасштабные – от одного 1 га до одного 1 кв. метра; маломасштабные анклавности – менее одного гектара. В зависимости от глубины анклавности мигрантов анклавности могут быть: со слабо выраженной глубиной; с увеличенной глубиной; наделенными признаками гетто; с особо выраженной степенью анклавности мигрантов.

Автор вводит концепцию «глубины анклавности мигрантов» для оценки устойчивости анклава к внешним воздействиям, прежде всего к возможным мерам влияния правительства на анклав. Анклавности со слабо выраженной глубиной анклавности мигрантов имеют довольно слабые отношения мигрантов с анклавом, поэтому эти анклавности могут относительно легко зависеть от государства, муниципалитета и могут быть интегрированы государством в сферу политических, социально-экономических связей, действующих на территории поселения.

Проанализировав существующие типологии анклавности и их функции, можно сделать вывод, что анклав напоподобие социального института может выполнять комплекс устойчивых моделей поведения, иметь свои неформальные принципы и нормы, а также выполнять ряд функций в принимающем обществе. Рассмотрев разновидности анклавности в городе, выделим доминирующий мотив анклавности образа жизни: этнический. Так как тема исследования связана, в первую очередь, с этническими анклавностями, обратим внимание на существующие социологические подходы к изучению этнических анклавности.

Американский антрополог Ф. Бок, изучая феномен диаспор, пришел к выводу, что меньшинства, оказавшись в окружении иностранного общества, испытывают своего рода «культурный шок» и стараются сохранить свои традиции, обычаи и язык». Одним из способов разрешения конфликтов автор выделяет тот случай, когда мигрант по прибытии вследствие незнания языка, вероисповедания и других причин оказывается чужд культуре принимающей страны. Поэтому он стремится создать собственную культурную среду, где ведут свою жизнедеятельность такие же приезжие, из одного «племени». Примерами могут послужить: китайские кварталы, турецкая диаспора в берлинском районе Кройцберг, армянское, грузинское гетто до революции в Москве, анклавности районы в Торонто. Поэтому важно отметить, что в социальном плане это обуславливает складывание диаспор как социальных групп, объединенных целью сохранения идентичности. В социальном поле диаспора существует внутри городских сообществ. Наиболее важным элементом интеграции диаспоры выступает принятие ею социальных норм и паттернов, действующих внутри сообщества. Отказ от них способствует культурному и, соответственно, территориальному обособлению данной социальной группы, в дальнейшем определяющейся как анклав, вследствие, наличия географической основы. Отсюда следует, что процесс культурного обособления диаспор

посредством географической изоляции в качестве продукта имеет этнический анклав. Соответственно, описанный процесс является дефиницией понятия «анклавизация». Анклавизация отражается не только в повседневном общении местного населения с мигрантами, которое часто ограничено, но и опосредуется слабо ориентированной социализацией социальных, экономических и культурных институтов мигрантов из других обществ. Различные подходы к проблеме анклавизации отражены в трудах как российских, так и зарубежных ученых.

Обращая фокус внимания на труды зарубежных представителей, в которых прослеживается проблематика этнических анклавов, можно заключить, что современный интерес к этническим анклавам в зарубежных странах относится к 1980-м годам, когда Уилсон и Портес использовали термин «этнический анклав», чтобы дать теоретическое объяснение того, как кубинские иммигранты интегрировались в экономические институты США в Майами, штат Флорида. По мнению исследователей, «этнические анклавы» образовывались, когда мигранты из одной этнической группы начинали доминировать в определенном секторе занятости, таком как ресторанная работа, сфера услуг, швейная промышленность. Так, исследователи этого периода предположили, что анклавы создают альтернативные пути экономической интеграции. Это объясняется тем, что вместо того, чтобы искать работу на первичном или вторичном рынках труда, анклавные предприятия предоставляют мигрантам возможности для экономической мобильности, которые были недоступны в других территориальных местоположениях. Этнические предприятия, сосредоточенные в анклавах, могут получить доступ к различным ресурсам, агрегируя материальный ресурс и рабочую силу, где сформированный ее представителями бондинговый социальный капитал напрямую способствует экономической мобильности, так как местная диаспора помогает найти работу, а мигранты обучают друг друга необходимым навыкам (Трушкова, 2018). С этой точки зрения, этнические анклавы могут создавать пути для «сдерживающей социальной мобильности», которые не требуют от мигрантов принятия новых культурных практик, обычаев и социальных норм автохтонного общества.

Анклавизация, как часть городской жизни, послужила объектом целой серии исследований группы американских социологов Чикагской школы, ключевыми представителями которой являются Р. Парк, Э. Берджесс, Г. Мид, Л. Вирт. Работа «Город: Предложения по исследованию поведения человека в городской среде» является предшественницей дебатов об этнических анклавах, представляет теорию городской экологии и определяет этнические районы как группы с общей культурной идентичностью, которые живут в географически концентрированных районах, доминируют в определенных секторах экономики города. Авторы интерпретируют этнические районы как «природ-

ные зоны», которые могут иметь четкую социальную организацию (Рожков-Юрьевский, 2013). Ученые характеризуют наличие «природных зон» в городе как деловые районы, зоны развлечений, трущобы, которые чаще всего появляются стихийно, незапланированно, выполняют свою особую функцию и позволяют ассоциировать и соотносить фабулу «город» с живым циркулирующим организмом.

Подтверждая вышеизложенное, были рассмотрены социологические подходы к формированию этнических анклавов как российских, так и зарубежных представителей. Можно разделить подходы на два направления: социологический и экономический соответственно. Российские ученые объясняют процесс замыкания мигрантов в этнических анклавах как фактор социальной дезадаптации мигрантов в принимающую страну. По мнению российских ученых Е. Бедриной, С. Батуренко, анклавизация препятствует интеграции мигрантов в принимающее сообщество; этнические анклавы в современной России создают среду «андеркласса», которая состоит по большей части из безработных и тех, кому недоступна полная занятость: частично занятых и «не нанимаемых». Вследствие того, что мигранты в основном ориентируются на вторичный рынок труда и на дешевое жилье, их местоположение и места расселения местного «андеркласса» совпадают. Этот процесс несет негативные предпосылки: этнические анклавы могут создавать пути для социальной мобильности, которые не требуют от мигрантов принятия культурных практик принимающего сообщества.

Факторы и причины формирования этнических анклавов

Проанализировав понятия, типологии и социологические подходы к образованию этнических анклавов, было выявлено, что в России анклавы носят ярко выраженный этнический характер, основные потоки мигрантов прибывают из стран ближнего зарубежья, представители которых проживают в крупных мегаполисах, в частности, в пригородах или на окраинах городов, где существуют промышленные зоны и складские помещения, а также в кварталах с ветхим жилищным фондом и частным сектором недорогих жилых микрорайонов. Прибыв, приглашают к сожительству и совместному ведению хозяйства родственников, друзей, знакомых, которых селят к себе или поблизости, что в дальнейшем по ряду причин приводит к «замыканию» мигрантов в анклав. А сам этнический анклав выполняет эндогенную функцию содействия приспособления и включения к жизни внутри общества, которое в нем проживает, но не способствует адаптации и практик интериоризации ценностей у мигрантов в культуру принимающей страны. Поэтому целесообразно поставить вопрос о том, какие факторы и причины приводят к тому, что мигранты не желают адаптироваться в принимающее общество.

Стоит обратить фокус внимания на факторы формирования национальных анклавов в условиях мегаполисов, вербализуя причины возникновения этнических анклавов. Необходимо рассмотреть следующие мотивирующие факторы объединения мигрантов по этническому признаку, а значит, и создания мест компактного проживания: отсутствие, ограниченность или нетранспарентность информации о доступном жилье, других возможных районах проживания; интолерантные и националистические настроения в местном сообществе, стигматизация мигрантов по этническому признаку, вынуждающие мигрантов концентрироваться в районах близкого этноса; дискриминация в сфере приобретения жилищного фонда; ограниченное владение титульным языком и знанием местных нравственно-правовых законов.

Исследователь С. Хайберт разделяет причины формирования анклавов, которые могут рассматриваться как индивидуально, так и взаимозависимо: 1) причины экономического характера; 2) «избегание меньшинств основным большинством населения»; 3) предрасположенность проживания в этнокультурных сообществах кластерного типа. Автор отмечает, что факторы «желание жить в этнокультурных сообществах кластерного типа», а также «избегание меньшинств основным большинством населения» могут быть детерминированы экономическими факторами. Экономические причины могут быть сопровождаться желанием сегрегироваться в анклаве, так и фактором ксенофобии со стороны местных жителей. В научно-исследовательской работе отражаются факторы, которые можно условно отнести к экономическим: наличие финансового капитала у трудовых мигрантов, прибывающих в страну; наличие в местах компактного проживания компаний, принадлежащих к ведущему этносу анклава; наличие предприятий обслуживания и социальной инфраструктуры, способствующих спросу на товары и услуги жителей анклава (Ирхин, 2021). Эти условия могут стать основой для создания локальной экономической зоны анклава. Другими факторами, стимулирующими рост экономики местного анклава, являются: количество представителей доминирующего этноса в анклаве; уровень предпринимательских способностей мигрантов; наличие достаточных финансовых ресурсов для экономического развития.

Не менее важной является «сквозная» проблематика, вызванная рисками дискриминации мигрантов, решение которой осуществляется путем замыкания их в этнические анклавы. На выбор места жительства также влияет возможность трудоустройства поблизости, чувство онтологической безопасности внутри референтной социальной группы – мигранты объединяются в анклавы, где пытаются найти доступное жилье, социальные связи и другие преимущества благодаря принадлежности к родственной культуре, наличию родственников, которые могут помочь в уходе за детьми, доступной социаль-

ной инфраструктуре (детские сады, школы). Учитывая, что процесс формирования этнических анклавов носит достаточно бесконтрольный хаотичный характер, он деструктивным образом влияет на адаптацию в принимающее сообщество и на самость самих мигрантов, препятствуя их интеграции в российское общество, что, в свою очередь, приводит к ряду социальных рисков, потенциальных опасностей, возникающих в результате воздействия определенных факторов, присущих самой исторической структуре данного общества (Hum, 2014).

Социальные риски формирования этнических анклавов: эмпирическая база

Эмпирические данные, на которые автор ссылается в статье, получены в ходе социологического исследования «Образ мигранта в средствах массовой информации в Ростовской области», проведенного в 2022 г. коллективом Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского центра РАН. В рамках настоящей научно-исследовательской работы проведен анализ восприятия проблемы миграции населения в Российскую Федерацию и ее социально-демографических последствий. Объектом данного социологического исследования являются упоминания мигрантов, содержащиеся в новостных сообщениях, размещаемых основными электронными информационными ресурсами Ростовской области. Предмет исследования определяется основными характеристиками мигрантов и их поведения, представленными в контенте основных электронных информационных ресурсов Ростовской области. Целью исследования ставилось выделение основных составляющих образа мигранта, формируемого в средствах массовой информации, а также определение зависимости тональности новостных сообщений о мигрантах от событий, происходящих в обществе и диагностирование сопутствующих социальных рисков этнической анклавизации. Эмпирическое исследование осуществлено при помощи метода контент-анализа – количественного анализа публикаций в средствах массовой информации с целью последующей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей.

Общая тональность негативных и позитивных сообщений характеризуется приблизительно пропорциональным соотношением (позитивных – 37,2 %, отрицательных – 40,3 %). Нейтральная тональность представлена существенно меньшим показателем – 22,5 %. Репрезентация образа мигранта представлена в большей степени в положительном свете – 63,6 %, в меньшей степени в отрицательном – 36,4 %. Если же рассмотреть образ мигранта в СМИ, то их градация осуществлена по эмоциональному окрасу и концептуальному содержанию на негативные и позитивные смысловые модулы. Частотность наиболее упоминаемых, отрицательно окрашенных единиц анализа новост-

ных сообщений, содержательно отражающих образ мигрантов, связана со следующими смысловыми локусами: 1) мигранты как люди, нуждающиеся в помощи (48,9 %); 2) деструктивное поведение мигрантов (26,1 %); 3) нелегальное нахождение мигрантов на территории России (3,2 %); 4) конструирование социального портрета мигрантов как носителей заболеваний (2,4 %); 5) действия представителей принимающей стороны, направленные на вовлечение мигрантов в незаконную деятельность (2,5 %); 6) мигранты как трудовой ресурс (2,4 %); 7) агрессивные действия представителей принимающей стороны в отношении мигрантов (1,1 %); 8) хамское поведение, отрицание норм и ценностей российского общества (0,9 %); 9) мигранты как жертвы преступлений (0,9 %); 10) люди, живущие в неблагоприятных условиях (0,3 %).

Исходя из полученных результатов контент-анализа, необходимо выявить социальные риски формирования этнических анклавов и детерминирующие их факторы. Есть все основания утверждать, что существует определенная корреляция между негативной стигматизацией в репрезентации образа мигранта в СМИ и непосредственным замыканием мигрантов в этнические анклавы.

Исходя из результатов контент-анализа отметим, что увеличилось количество приезжих представителей народов из ближнего зарубежья. Можно диагностировать латентный конфликт между местным населением и приезжими трудовыми мигрантами, где преобладает негативное отношение над позитивным, что в дальнейшем может привести к эскалации градуса напряженности в межнациональных интеракциях. В общественном сознании местных жителей причины скрытой ксенофобии разделились на две группы:

1. Объективные, способствующие появлению социальных рисков, таких как: анклавизация мигрантов, конкуренция за дефицитные ресурсы, рост конкуренции на рынках труда, различия в моделях поведения.

2. Каузальная атрибуция образа мигранта (стереотипное представление), транслирующиеся отрицательно стигматизированные «образы» мигрантов в СМИ, способствующие эскалации дальнейшей межэтнической напряженности. Отметим, что сила у манипулирования общественным сознанием максимизируется за счет разнообразного обилия информационно-пропагандистских материалов, выпускаемых СМИ. В качестве одного из фундаментальных приемов влияния на сознание аудитории (принимающего сообщества) в СМИ можно выделить фрагментацию информационного потока и мгновенную скорость доставки информации в массы. Фрагментация информационных сообщений, в свою очередь, лишает аудиторию (принимающее сообщество) возможности воспринимать получаемую информацию как общее представление о мире. Поток разнородной информации, выдвигаемой СМИ в общество, а

также специальная раздробленность информационного потока либо обезоруживает аудиторию, либо приводит к раздробленному восприятию картины мира в контексте индивидуальных характеристик и образа жизни мигрантов, нередко формируя психологический портрет мигранта как люмпенизированной социальной единицы (Кононов, 2020). При данной фрагментации значения одних событий преуменьшаются за счет умножения значений других (как правило, деструктивного характера), оказывавшихся наиболее важными в данный период.

Характеризуя взаимоотношения мигрантов с местным населением, можно выделить изолированный и совершенно неблагоприятный характер взаимодействий. По мнению местного населения, проблемы сопровождаются вынужденной конкуренцией за перспективные рабочие места со стабильным заработком, а также за «вакантные» места в образовательных учреждениях, детских садах и школах. Преобладание негативного контента о мигрантах в СМИ способствует формированию определенных стереотипов восприятия и негативной стигматизации данной проблемы. Одним из стереотипов, распространенных в общественном сознании, является утверждение, что приезжие перенимают «пальму первенства» у местных жителей в «жизненной лотерее» на обретение наиболее престижных рабочих мест. Еще одним из негативных стереотипов является утверждение, что мигранты чаще совершают преступления, чем местные жители.

Не менее важным видится обратить внимание на существующие сегодня социальные риски развития теневой экономики и снижения качества рабочей силы в стране. Вследствие того, что в стране преобладают неквалифицированные трудовые мигранты, появляются предпосылки для экономической самодостаточности того или иного анклава (примером может служить спрос на товары и услуги мигрантов). Таким образом, экономика страны и социальная сфера могут атомизироваться из-за нагрузки на систему налогообложения, низкого качества предложенных товаров на рынке, сокращения социальных выплат, увеличения уровня инфляции. По мнению принимающего сообщества, анклавизация способствует вероятности перерастания анклава в «теневую субкультуру» с высоким уровнем коррупции, которая может секвестировать или полностью ограничить присутствие местных жителей страны на тех или иных территориях. При наличии экономической самодостаточности анклава, спроса на товары и услуги, предлагаемых мигрантами, появляется угроза роста теневого сектора экономики в стране, главными составляющими которого являются коррупция и уклонение от налогов. Теневая экономика губительная для государства, последствиями могут быть сокращение социальных выплат, низкое качество товаров, увеличение инфляции, урон банковской системе. При этом перспектива экономической самодоста-

точности анклава (создание институтов за счет притока новых иммигрантов) как экономического фактора влияния также может привести к образованию закрытой системы (гетто), где будут действовать свои законы и экономика, прогнозировать можно высокий уровень криминализации и социального давления. Социальным риском здесь будет выступать невозможность регулировать жизнедеятельность анклава в связи с высоким уровнем коррупции, происходящей как внутри анклава, так и за его пределами. Это один из значительных факторов укрепления общности внутри анклава, который приводит к значительным угрозам принимающего общества.

И если местное общество рассматривать как «единый организм», то в случае дезадаптации мигрантов изменяется социокультурный портрет и ландшафт этого общества, что приводит к культурному конфликту. Таким образом, эссенциальность латентного конфликта, связанного с конкуренцией, приобретает существенное значение чаще всего в условиях ухудшающегося экономического положения населения. Социальная напряженность может проявиться вследствие отсутствия практик адаптации мигрантов в общество страны пребывания (Кононов, 2020). Для мигрантов характерна высокая степень мобилизации по этническому и религиозному признаку, поэтому сразу же в таких местах местные жители начинают испытывать дискомфорт на почве игнорирования мигрантами традиций, правил совместного проживания. Таким образом, в интеракциях принимающего населения и мигрантов происходит культурно-ценностный разрыв вследствие того, что на той или иной территории образовались отдельные замкнутые группы людей, которые ментально отличны и сепарированы от культуры, менталитета, религии местных жителей.

Принимая во внимание вопрос этнокультурной идентичности мигрантов, важно обратить внимание на цели, с которыми приезжает мигрант в Россию. Вопрос «цементирования» идентичности зависит от степени адаптации мигранта в принимающее сообщество, поэтому в случае, когда мигрант едет на краткосрочную перспективу в Россию, только лишь с преобладающей целью заработка, то «этнокультурная идентичность» не подвергается трансформации, а этнические анклавные выполняют функцию упрощенной адаптационной формы для новых потоков мигрантов. Более того, сезонная миграция неблагоприятна для социокультурной интеграции мигранта в принимающее общество, так как интеракции по большей части происходят внутри закрытого пространства анклава. По данным статистики, мигрант в Россию в основном приезжает не с целью остаться на долгосрочную перспективу, а с целью экономически «встать на ноги», обеспечив свою семью, находящуюся в родной стране. Таким образом, у мигранта абсолютно отсутствует потребность в изучении языка, культуры, установленных норм в социальном пространстве

принимающей территории. Поэтому можно сделать вывод, что особенности миграционной политики России могут, по большей части, быть труднодостижимыми в связи с преобладанием именно временной (циклической) миграции.

В то же время гражданская идентичность мигрантов, претендующих на долговременное проживание, трансформируется посредством стереотипных образов, находящихся в массовом сознании местных жителей, формирующемся посредством восприятия медиаконтента из СМИ. Функции СМИ в современном обществе не ограничиваются просто передачей информации, напротив, задачей СМИ является подача информации под определенным углом зрения, необходимо проинтерпретировать тот или иной факт, поставить какое-либо событие в необходимый статус важности или, наоборот, скрыть определенное событие. Общество развивается под активной работой СМИ, соответственно, если какое-либо событие не было освещено СМИ в прессе, на телевидении, в интернете, то считается, что данного события просто не было. Преподносимая массмедиа информация создает систему отношений, в которых преобладает установка на использование и обладание, а потребность на взаимосвязь, обмен и отдачу исключается.

По результатам контент-анализа можно утверждать, что существует также проблема, связанная с государственной политикой противодействия формирования этнических анклавов. Было выявлено, что на данный момент в Российской Федерации нет единой системы, направленной на ограничение издержек анклавизации. Исходя из существующих стратегий, принятых на территории Российской Федерации, государство призвано осуществлять меры, направленные на предотвращение анклавизации и создавать условия для привлечения квалифицированных трудовых мигрантов. Акторам, ответственным за миграционную политику, необходимо создавать такие условия, чтобы мигранты, приезжая в Россию с разными целями, знали и понимали, куда они могут обратиться за консультационной и правовой помощью. Безусловно, данную проблему необходимо решать не только силами государства и общественных организаций, но и посредством внедрения в социальные медиа ценностей толерантности по отношению к трудовым мигрантам.

Также важно обратить внимание на предложения экспертов внедрять организованный набор, который должен проходить на территории страны исхода. Необходим строгий подход к проверке качества знания русского языка и истории государства. В качестве позитивного примера отметим первый случай внедрения московского офиса найма рабочей силы в Ташкенте и Душанбе с возможностью стажировки в стране исхода, изучения русского языка и основных трудовых навыков для переезда. Теперь задача состоит в том, чтобы этот организованный набор, апробировав, внедрить в субъекты России и заниматься продвижением существующего офиса с перспективой привлече-

ния мигрантов из стран ближнего зарубежья. Эти меры могут поспособствовать привлечению высококвалифицированных трудовых мигрантов, а также частично предотвратить формирование этнических анклавов.

Существует необходимость создания новой схемы привлечения иностранной трудовой силы. Здесь уже необходима помощь со стороны работодателей – приглашать зарубежных специалистов исключительно под определенные проекты. Мигранты по приезду должны проходить дактилоскопию, фотографирование и медицинский осмотр. Таким образом, контроль над пребыванием мигрантов в стране будет осуществляться должным образом. Поэтому целесообразно отметить, что для предотвращения снижения качества рабочей силы необходимо создавать условия для привлечения квалифицированных трудовых мигрантов.

Заключение

Целесообразно сделать вывод о том, что анклавизация как элемент политики принимающей местности опосредована социальными, экономическими, культурными институтами, которые отличаются слабой направленностью на социализацию мигрантов в принимающую местность. На данный момент в нормативно-правовой практике на законодательном уровне в Российской Федерации не создано единого понятия «этнический анклав», что впоследствии усложняет как государственное регулирование формирования этнических анклавов, так и возможность применения мер, способствующих социальной и культурной адаптации иностранных граждан. Отсюда закономерно следует отсутствие единой системы, направленной на ограничение анклавизации, которая имеет огромное значение для крупных городов и их пригородов. Государственный аппарат должен осуществлять меры, направленные на предотвращение анклавизации, способствующие культурному включению жителей разных национальностей в культурный слой преобладающих национальностей России. По результатам контент-анализа социологического исследования можно утверждать, что существует проблема, связанная с государственной политикой противодействия формирования этнических анклавов. На данный момент в Российской Федерации отсутствует консолидированная единая система, направленная на ограничение социальных рисков анклавизации. Исходя из существующих стратегий, принятых на территории Российской Федерации, государство должно осуществлять меры, направленные на предотвращение анклавизации и создавать условия для привлечения квалифицированных трудовых мигрантов.

Резюмируя вышеизложенные концепты, важно отметить, что проблема анклавизации требует прицельного внимания со стороны как научного сообщества, так и административных органов. Необходимо институционализи-

ровать практику создания консорциумов, работа которых будет направлена на систематическое скоординированное взаимодействие административных органов, бизнес-структур, высших учебных заведений, профессиональных организаций и научного сообщества с целью решения текущих и предотвращения/локализации возникающих проблем в сфере миграционной политики. Необходимо популяризировать идею и целенаправленную миссию вышеупомянутых социальных институтов в повсеместном информировании мигрантов о местных традициях и культуре, как базисного компонента интеграции их в принимающее сообщество. Для реализации этой цели необходимо оснащать мигрантов консультативными информационными материалами о традициях и культуре Российской Федерации, привлекать их к участию в общественной жизни, праздниках, спортивных мероприятиях, характерных для автохтонного сообщества.

Итак, актуальными в предотвращении и нивелировании социальных рисков формирования этнических анклавов являются задачи:

1) включения мигрантов в культурно-цивилизационное пространство Российской Федерации в рамках общей адаптации и интеграции с учетом экономических, социальных, этнокультурных свойств принимающих сообществ;

2) создания дифференцированной схемы социокультурной адаптации этнических мигрантов с учетом социокультурных признаков самих мигрантов (этнокультурных, поведенческих стереотипов, субкультур, знание русского языка, уровня общей культуры и образованности).

Список источников

Батуренко С. А. Исследования андеркласса в современном российском обществе: основные методологические подходы / С. А. Батуренко // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2011. – № 1. – С. 44–52. – EDN NTLGKP.

Ирхин И. В. Национально-этнические анклав в современном мире: природа, инструменты регуляции (публично-правовой аспект). Ч. 1 / И. В. Ирхин // Lex Russica (Русский закон). – 2021. – Т. 74, № 11(180). – С. 39–51. – DOI 10.17803/1729-5920.2021.180.11.039-051. – EDN UXSLKM.

Кононов Л. А. Развитие теоретических положений о противодействии анклавному

References

Baturenko S. A. (2011) Underclass studies in modern Russian society: basic methodological approaches / S. A. Baturenko // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. – No. 1. – Pp. 44–52.

Irkhin I. V. (2021) National-ethnic enclaves in the modern world: nature, instruments of regulation (public-legal aspect). Part 1 / I. V. Irkhin // Lex Russica (Russian Law). – Vol. 74, No. 11(180). – Pp. 39–51. – DOI 10.17803/1729-5920.2021.180.11.039-051.

Kononov L. A. (2020) Development of theoretical provisions on countering the enclave lifestyle of migrants in the Russian Federation / L. A. Kononov // Issues of

образу жизни мигрантов в Российской Федерации / Л. А. Кононов // Вопросы этнополитики. – 2020. – № 3. – С. 59–69. – DOI 10.28995/2658-7041-2020-3-59-69. – EDN STNGEO.

Рожков-Юрьевский Ю. Д. Понятия «анклав/энклав» и «эсклав» и их использование для политико-географической характеристики Калининградской области / Ю. Д. Рожков-Юрьевский // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта – 2013. – С. 149–161.

Трушкова, Е. А. Феномен этнических анклавов и его отражение в научных исследованиях / Е.А. Трушкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2018. – Т. 11, № 3. – С. 377–392. – DOI 10.21638/spbu12.2018.308. – EDN VKJAAJ.

Hum T. Making a Global Immigrant Neighborhood: Brooklyn's / T. Hum. – Temple University Press, 2014. – 286 p.

Ethnopolitics. – No. 3. – Pp. 59–69. – DOI 10.28995/2658-7041-2020-3-59-69.

Rozhkov-Yuryevsky Yu. D. (2013) The concepts of «enclave/enclave» and «esclave» and their use for the political and geographical characteristics of the Kaliningrad region. / Yu. D. Rozhkov-Yuryevsky // Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant – 2013. – Pp. 149–161.

Trushkova E. A. (2018) The phenomenon of ethnic enclaves and its reflection in scientific research / E. A. Trushkova // Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. – Vol. 11, No. 3. – Pp. 377–392. – DOI 10.21638/spbu12.2018.308.

Hum T. Making a Global Immigrant Neighborhood: Brooklyn's / T. Hum. – Temple University Press, 2014. – 286 p.

Для цитирования: Гринченко Е. А. Социальные риски формирования этнических анклавов // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 3(61). – С. 122–139. DOI 10.18522/2227-8656.2023.3.10 EDN QMOAMG

История статьи:

Поступила в редакцию – 04.04.2023

Получена в доработанном виде –

31.05.2023

Одобрена – 09.06.2023

Сведения об авторе

Гринченко Елизавета Александровна
младший научный сотрудник Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;
магистрант 1-го курса Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.
grinchenko.elizaveta08@yandex.ru

Information about author

Elizaveta A. Grinchenko
Junior Research Fellow, South-Russian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;
1st year Master's student,
Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University.
grinchenko.elizaveta08@yandex.ru

**ЭКОЛОГИЧЕСКИ
ОРИЕНТИРОВАННОЕ
ПОВЕДЕНИЕ: ГРАНИ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО
СОЦИАЛЬНО-
ГУМАНИТАРНОГО ДИСКУРСА**

**ENVIRONMENTALLY ORIENTED
BEHAVIOR: FACETS
OF DOMESTIC
SOCIO-HUMANITARIAN
DISCOURSE**

М. Г. Магомедов *

M. G. Magomedov *

* *Донской государственный технический университет,
Ростов-на-Дону, Россия*

* *Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia*

Цель исследования – раскрыть основные направления дискурса в отечественном социально-гуманитарном знании по вопросу экологически ориентированного поведения.

Objective of the study is to reveal the main directions of discourse in the domestic socio-humanitarian knowledge on the issue of environmentally oriented behavior.

Методологическая база исследования. Для решения исследовательских задач использованы компаративистский и метод системного анализа, позволяющие проанализировать основные грани дискурса по вопросу экологического поведения, отобразив поворотные моменты в отношении ракурсов постановки и обсуждения данной научной проблемы. Элементы социологической рефлексии указанного дискурса дополняют наиболее распространенные на сегодняшний день социально-философский и социально-психологический срезы проблематики экологически ориентированного поведения, конкретизируя возможные траектории дальнейших исследований.

The methodological basis of the research. To solve research problems, comparative and system analysis methods were used, which allow analyzing the main facets of the discourse on environmental behavior, displaying turning points in relation to the perspectives of the formulation and discussion of this scientific problem. The elements of the sociological reflection of this discourse complement the socio-philosophical and socio-psychological sections of the problems of environmentally oriented behavior that are most common today, concretizing possible trajectories of further research.

Результаты исследования. Основными направлениями современного социально-гуманитарного дискурса по вопросу экологического поведения в нашей стране можно считать социально-философское, социально-педагогическое и социально-психоло-

Research results. The main directions of the modern socio-humanitarian discourse on environmental behavior in our country can be considered socio-philosophical, socio-pedagogical and socio-psychological, and most often the problems of environmental behavior

© Магомедов М. Г., 2023

гическое, причем чаще всего проблематика экологического поведения рассматривается в рамках концептов экологической культуры. Однако на сегодняшний день можно наблюдать как конкретизацию исследований непосредственно экологического поведения, так и активизацию научных исследований в области социологической рефлексии указанной проблематики, а также более рельефно выступающий социально-политический аспект дискурса.

Перспективы исследования. Исследование основных граней отечественного научного дискурса, посвященного формированию и развитию экологического поведения, дает возможность аккумулировать усилия многих дисциплин в попытке построения комплексной концепции экологического поведения.

Ключевые слова: Россия, социологическая рефлексия, экологическая культура, экологическое поведение.

are considered within the framework of concepts of ecological culture. However, today it is possible to observe both the concretization of studies of environmental behavior directly, and the intensification of scientific research in the field of sociological reflection of the above-mentioned issues, as well as a more prominent socio-political aspect of the discourse.

Prospects of the study. The study of the main facets of the domestic scientific discourse devoted to the formation and development of environmental behavior makes it possible to accumulate the efforts of many disciplines in an attempt to build a comprehensive concept of environmental behavior.

Keywords: Russia, sociological reflection, ecological culture, ecological behavior.

Введение

Научный дискурс, развивающийся по теме экологии, на сегодняшний день приобрел настолько многоаспектный характер, что затрагивает большинство актуальных предметных полей фундаментальных и прикладных наук. В социально-гуманитарном знании проблематика экологии, экологической культуры и сообразного ей формата поведения присутствует дольше всего, так как включает в свой эвристический базис философские попытки обоснования необходимости и конкретных форм конструктивного и гармоничного сосуществования человека и природы, а они насчитывают в плане оформления буквально тысячелетия. Содержание современных научных дискуссий по данному вопросу определяется, прежде всего, специализацией социально-гуманитарного знания, отношением к формату междисциплинарности в исследовании, а также онтологическими и аксиологическими основаниями конкретного научного подхода. Умеренные успехи формирования устойчивого формата экологического поведения на уровне как институциональной, так и неинституциональной актуализации, дают возможность предполагать, что ресурсы и содержательные возможности имеющегося дискурса использованы не полностью, и оптимальные модели и связанные с ними технологии формирования и развития экологического поведения еще ждут своего оформления.

Концептуальные основания изучения темы

Анализ научного дискурса последних десятилетий по вопросу формирования и развития экологического поведения дает возможность выделить в качестве основных такие его направления, как социально-философское (Урсул, 1992; Ясвин, 2004), социально-педагогическое (Ермаков, 2008; Булетова, 2015) и социально-психологическое (Панов, 2014; Журавлева, 2020). Особенностью упомянутого дискурса могут считаться достаточно редкие случаи редукции до проблем собственно экологического поведения, так как чаще всего данная проблематика рассматривается через призму концепта экологической культуры. В этом отечественный дискурс отличается от зарубежного, где, наоборот, понятие «экологическая культура» используется достаточно редко.

Во многих отечественных исследованиях экологическое поведение рассматривается как элемент экологической культуры. В качестве примера можно привести исследование О. Марар (Марар, 2012), где системно рассмотрены такие элементы структуры экологической культуры, как мотивационный, содержательный, деятельностно-практический и рефлексивный.

В качестве новых тенденций в развитии дискурса по вопросу формирования и развития экологического поведения можно отметить его дополнение социологической и социально-политической рефлексией.

Социологическая рефлексия проблем экологического поведения (Ермолаева, 2012; Зубок, Чупров, 2017; Рыбакова, 2012; Сосунова, 2017) открывает перспективы комплексного исследования факторов, определяющих характер и формат экологического поведения индивида, а также может обеспечить актуальным потребностям общества и государства анализ наиболее острых проблем экологического характера в преломлении и личного восприятия отдельного члена общества, и на уровне формирования общественного мнения.

Важным критерием высокого уровня развития общества становится способность его институтов обеспечивать проектирование в сфере экологических вызовов. «Проектирование – одна из форм опережающего отражения действительности, создание прообраза (прототипа) предполагаемого объекта, явления или процесса посредством специальных методов. Проектирование в конкретной форме выражает прогностическую функцию управления, когда речь идет о будущей материальной или идеальной реальности. Его целью является реализация одного из вариантов преобразования действительности, связанного со стремлением придать желаемые свойства и черты проектируемому объекту» (Тощенко, 2011, С. 104). Поэтому при изучении экологического поведения важно учитывать рост и активное внедрение технологий социального управления. К тому же необходимо признать, что социальное поведение людей продолжает находиться в тесной связи с глобальным проектом покорения природы, средствами прогрессирующей техники.

Таким образом, экологическое поведение в целом (причем далеко не всегда осознанно) принимает в расчет изменение условий окружающей среды. Сложившаяся ситуация характерна в первую очередь для современной эпохи еще и потому, что представители прошлых поколений просто не обладали знанием о вирусах и других вредных микроорганизмах (также не имели представлений о радиации или биологических мутациях, которые могли быть вызваны токсичным потреблением и т. д.). В данной связи американский социолог Т. Парсонс справедливо отмечал, что «действие рационально в той мере, в которой его можно понимать в качестве управляемого со стороны актора при помощи научного или, по крайней мере, принимаемого за научное знания условий той ситуации, в которой он находится» (Парсонс, 2002, С. 112). Так, мы можем наблюдать, что при ослаблении контроля над ситуацией или в тех случаях, когда социальные объекты наделены слабой управляемостью, происходит всплеск иррациональных представлений о данном феномене и структуре социальной реальности в целом. Например, если общество при столкновении с новой вирусной болезнью не обладает соответствующей вакциной против ее распространения, то в нем наиболее активно распространяются иррациональные способы интерпретации возникшей проблемы (повсюду начинает мерещиться «заговор глобальных элит» и т. д.).

Существенную роль в регулировании экологического поведения может играть общественное мнение, которое в свою очередь формируется не только государством, но и гражданскими институтами. При этом действия ряда экономических структур могут носить откровенно антиэкологический характер, а следовательно, государство совместно с институтами гражданского общества должно усилить мониторинг в сфере профилактики экологических угроз. Более того, социальные волнения на почве экологических рисков могут быть вполне спровоцированы силами, заинтересованными в политической дестабилизации страны.

Экологический дискурс в реалиях сегодняшнего дня приобретает и социально-политическую направленность. Проблематика связи перспектив развития экологического поведения с политическими и управленческими факторами присутствовала в нем и ранее (Яницкий, 1996, Волков, 2016), так как успехи экологической политики напрямую связаны с реальностью усилий государства по внедрению экологических технологий, поддержке экологических инициатив бизнеса, обеспечению правопорядка в сферах, связанных с охраной природы и защитой экологических прав граждан, конструктивности взаимодействия с институтами гражданского общества. И наоборот, высокая степень формальности таких усилий, их имитационный характер, манипуляции различных политических сил с экологической повесткой повышают риски деформаций экологического сознания и правосознания, перероде-

ния экологического энтузиазма в протестный, минимальных успехов в деле развития экологически ориентированного поведения в масштабах страны. Политический контекст дискурса обострился и в связи с тем, что государственная политика продолжает находиться в фокусе геополитического противостояния, что делегитимизирует действие в стране ряда международных и зарубежных экологических организаций. Положения многих документов стратегического характера, определяющих основы экологической политики, таких как Экологическая доктрина Российской Федерации, Стратегия экологической безопасности Российской Федерации, Основы экологической политики в области экологического развития России, содержат упоминания о соответствии международным стандартам охраны окружающей среды как о стратегическом ориентире. События последних лет демонстрируют зыбкость ряда международных стандартов в различных сферах, поэтому перед Россией, а значит, и перед российской наукой, встают задачи самостоятельного определения нормативов, ценностных ориентиров и механизмов обеспечения экологической стабильности и правопорядка.

Можно предположить, что поведение современного индивида может стать заметно более экологичным только в случае осознания им явной угрозы для собственной жизни. Во всех остальных ситуациях актер будет сравнивать экологические риски с конкретными экономическими выгодами и возможной материальной компенсацией за деятельность, рискованную с точки зрения экологической безопасности. Известно, например, что власти могут препятствовать закрытию вредных предприятий, руководствуясь логикой, что их демонтаж приведет к безработице и потере доходов для целого ряда социальных групп. Собственно, вышеописанным образом, экологическое поведение на практике может вступать в противоречие с социально-экономическими общественными нуждами.

Ценностные ориентации и поведенческие установки индивида оказываются наиболее существенными механизмами экологической социализации. В данной связи некоторые исследователи (Волков, 2016; Тихомиров, 2017; Гордин, Рюмина, 2021) справедливо указывают на комплексный характер решения проблемы изменения ценностных ориентаций индивида, без которых, конечно, нельзя представить формирование устойчивой модели ответственного стиля экологического поведения. Типичные модели поведения меняются достаточно долго и требуют трансформации как на уровне глубинных ценностных ориентаций, так и на уровнях институционального оформления экологических практик, в том числе государственных гарантий их стабильного воспроизводства. При этом при реализации экологического поведения на практике акторы сталкиваются с проблемой делегирования ответственности за экологичное будущее человека и природы между государством и гражданским обществом.

Выводы

Основными направлениями современного социально-гуманитарного дискурса по вопросу экологического поведения в нашей стране можно считать социально-философское, социально-педагогическое и социально-психологическое, причем чаще всего проблематика экологического поведения рассматривается в рамках концептов экологической культуры. Однако на сегодняшний день можно наблюдать как конкретизацию исследований непосредственно экологического поведения, так и активизацию научных исследований в области социологической рефлексии указанной проблематики, а также более рельефно выступающий социально-политический аспект дискурса.

Исследование основных граней отечественного научного дискурса, посвященного формированию и развитию экологического поведения, дает возможность аккумулировать усилия многих дисциплин в попытке построения комплексной концепции экологического поведения.

Список источников

Булетова Н. Е. Программа «Экологическая грамотность населения» – локомотив государственной политики экологического развития страны / Н. Е. Булетова, Е. В. Лебедева // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 1(54). – С. 151–160. – EDN TLRWEV.

Волков В. А. Политическая экология и экологическое государство / В. А. Волков // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2016. – № 2-2(14). – С. 151–155. – EDN WCJGLJ.

Гордин И. В. Экологизация социально-экономических процессов / И. В. Гордин, Е. В. Рюмина. – Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2021. – 240 с. – ISBN 978-5-89697-367-6. – DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-367-6.2021. – EDN ANSAKJ.

Ермаков Д. С. Формирование экологической компетентности учащихся: монография / Д. С. Ермаков; Федеральное агентство по образованию Российской Федерации, Российский ун-т дружбы народов. – Москва: Российский ун-т дружбы народов, 2008. – 159 с. – ISBN 978-5-209-03301-1. – EDN QWOVLF.

Ермолаева П. О. Экологическая культура российского и американского студенчества /

References

Buletova N. E. (2015) The program “Ecological literacy of the population” – the locomotive of the state policy of ecological development of the country / N. E. Buletova, E. V. Lebedeva // Economics and entrepreneurship. – No. 1(54). – Pp. 151–160.

Volkov V. A. (2016) Political ecology and ecological state / V. A. Volkov // National security and strategic planning. – No. 2-2(14). – Pp. 151–155.

Gordin I. V. (2021) Ecologization of socioeconomic processes / I. V. Gordin, E. V. Ryumina. – Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. – 240 p. – ISBN 978-5-89697-367-6. – DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-367-6.2021.

Ermakov D. S. (2008) Formation of ecological competence of students: monograph / D. S. Ermakov; Federal Agency for Education of the Russian Federation, Russian Peoples' Friendship University. – Moscow: Peoples' Friendship Russian University. – 159 p. – ISBN 978-5-209-03301-1.

Ermolaeva P. O. (2012) Ecological culture of Russian and American students / P. O. Ermolaeva // Sociological research. – No. 12(344). – Pp. 80–88.

П. О. Ермолаева // Социологические исследования. – 2012. – № 12(344). – С. 80–88. – EDN PNCZTL.

Журавлева Л. А. Экологическое поведение современного человека / Л. А. Журавлева, Е. В. Зарубина, А. В. Ручкин [и др.] // Образование и право. – 2020. – № 1. – С. 165–171. – DOI 10.24411/2076-1503-2020-10124. – EDN BXRIHH.

Зубок Ю. А. Угрозы в трансформирующейся среде обитания как фактор социальных рисков: прогнозирование и регулирование / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Социологические исследования. – 2017. – № 5(397). – С. 57–67. – EDN YQRHEL.

Марар, О. И. Экологическая культура в современном российском обществе: автореферат дис. ... докт. социол. наук: 22.00.06 / О. И. Марар; [Место защиты: Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ]. – Москва, 2012. – 41 с.

Панов В. И. Экопсихология: Парадигмальный поиск / В. И. Панов. – Москва: Психологический институт РАО, Нестор-История, 2014. – 304 с. – ISBN 978-5-4469-0415-0. – EDN VXHFVW.

Парсонс Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс; под общ. ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. – Изд. 2-е. – Москва: Академический проект, 2002. – 880 с.

Рыбакова М. В. Социальные экологические практики: состояние и механизмы управления / М. В. Рыбакова; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Российский химико-технологический ун-т им. Д. И. Менделеева. – Москва: Университетская книга, 2012. – 287 с. – ISBN 978-5-91304-265-1. – EDN QOONBL.

Сосунова И. А. Экологическое поведение молодежи в союзном государстве / И. А. Сосунова, Е. Ю. Казун [Электронный ресурс]. Национальный портал Природа России. Вып. от 03.11.2017. – URL.: <http://www.priroda.ru/reviews/detail.php?ID=11926> (дата обращения: 23.05.2023).

Zhuravleva L. A. Ecological behavior of a modern person (2020) / L. A. Zhuravleva, E. V. Zarubina, A. V. Ruchkin [et al.] // Education and Law. – No. 1. – Pp. 165–171. – DOI 10.24411/2076-1503-2020-10124.

Zubok Yu. A. (2017) Threats in the transforming habitat as a factor of social risks: forecasting and regulation / Yu. A. Zubok, V. I. Chuprov // Sociological research. – No. 5(397). – Pp. 57–67.

Marar O. I. Ecological culture in modern Russian society: abstract of dis.... Doctor of Sociological Sciences: 22.00.06 (2012) / O. I. Marar; [Place of protection: Russian Academy of Sciences. household and State Services under the President of the Russian Federation]. – Moscow. – 41 p.

Panov V. I. (2014) Ecopsychology: Paradigmatic search / V. I. Panov. – Moscow: Psychological Institute of RAO, Nestor-History. – 304 p. – ISBN 978-5-4469-0415-0.

Parsons T. (2002) On the structure of social action / T. Parsons; under the general editorship of V. F. Chesnokova, S. A. Belanovsky. – Ed. 2nd. – Moscow: Academic project. – 880 p.

Rybakova M. V. (2012) Social ecological practices: state and management mechanisms / M. V. Rybakova; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Federal Agency for Education, Lomonosov Moscow State University, D. I. Mendeleev Russian Chemical Technological University. – Moscow: University Book. – 287 p. – ISBN 978-5-91304-265-1.

Sosunova I. A. (2017) Ecological behavior of youth in the Union State / I. A. Sosunova, E. Y. Kazun [Electronic resource]. National portal Nature of Russia. Issue dated 03.11.2017. – URL: <http://www.priroda.ru/reviews/detail.php?ID=11926> (date of application: 23.05.2023).

Tikhomirov D. A. (2017) The problem of awareness of the environmental threat in Russia / D. A. Tikhomirov, I. A. Kistkina // Horizons of humanitarian knowledge. – No. 2. – Pp. 55–61. – DOI 10.17805/ggz.2017.2.5.

Toshchenko Zh. T. (2011) Sociology of governance = Sociology of governance and

Тихомиров Д. А. Проблема осознания экологической угрозы в России / Д. А. Тихомиров, И. А. Кисткина // Горизонты гуманитарного знания. – 2017. – № 2. – С. 55–61. – DOI 10.17805/ggz.2017.2.5. – EDN ZWSRYD.

Тощенко Ж. Т. Социология управления = Sociology of governance and administration: учебник для студентов высших учебных заведений / Ж. Т. Тощенко; М-во образования и науки Российской Федерации, Российский гос. гуманитарный ун-т, ФГНУ «Центр социологических исследований», Российская акад. наук, Ин-т социологии. – Москва: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011. – 298 с. – ISBN 978-5-98201-041-4.

Урсул А. Д. Становление экологического общества / А. Д. Урсул, Г. К. Сухоставская, Н. С. Илларионова. – Москва; Кишинев: Штиинца, 1992. – 273 с.

Яницкий О. Н. Экологическое движение в России: критический анализ / О. Н. Яницкий. – Москва: Институт социологии РАН, 1996. – 216 с. – EDN TIGPGP.

Ясвин В. А. Формирование экологической культуры: пособие по регион. экол. политике / В. А. Ясвин; Центр. экол. политики России. – Москва: Акрополь, 2004. – 195 с. – ISBN 5-98807-005-1. – EDN QUDFQJ.

Для цитирования: Магомедов М. Г. Экологически ориентированное поведение: грани отечественного социально-гуманитарного дискурса // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 3(61) – С. 140–147. DOI 10.18522/2227-8656.2023.3.11 EDN SEXHFU

Сведения об авторе

Магомедов Магомед Гасанханович
доктор социологических наук, профессор,
проректор по социальным вопросам
Донского государственного технического
университета, председатель
Первичной профсоюзной организации
работников ДГТУ
srasto@mail.ru

administration: textbook for students of higher educational institutions / Zh. T. Toshchenko; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Russian State Humanitarian University, FGNU “Center for Sociological Research”, Russian Academy of Sciences, Institute of Sociology. – Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing. – 298 p. – ISBN 978-5-98201-041-4.

Ursul A. D. (1992) Formation of ecological society / A. D. Ursul, G. K. Sukhostavskaya, N. S. Illarionova. – Moscow; Chisinau: Stiinza. – 273 p.

Yanitsky O. N. (1996) Ecological movement in Russia: critical analysis / O. N. Yanitsky. – Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. – 216 p.

Yasvin V. A. (2004) Formation of ecological culture: a guide to the region. ecol. politics / V. A. Yasvin; Center. ecol. politics of Russia. – Moscow: Akropolis. – 195 p. – ISBN 5-98807-005-1.

История статьи:

Поступила в редакцию – 26.04.2023

Получена в доработанном виде –
30.05.2023

Одобрена – 09.06.2023

Information about author

Magomed G. Magomedov
Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Vice-Rector for Social Affairs
of the Don State Technical University,
Chairman of the Primary Trade Union
Organization of DSTU Employees
srasto@mail.ru

**ПРАВОВОЙ ПЛЮРАЛИЗМ
В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН:
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПРАВОВОГО ГАБИТУСА
ДАГЕСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ,
ЖИВУЩЕЙ В САНКТ-
ПЕТЕРБУРГЕ**

Е. А. Шекера *

* Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Цель исследования – рассмотреть феномен правового плюрализма в Республике Дагестан (формирование и функционирование, начиная с вхождения в состав Российской империи и современную ситуацию) и посредством анкетного опроса выявить некоторые элементы функционирования правового габитуса дагестанской молодежи, живущей в Санкт-Петербурге: способы предпочтительной защиты своих интересов, отношение к закону, что лежит в основе поведения в Санкт-Петербурге, мнение о девиантном поведении земляков.

Методологическую базу исследования составили как общенаучные методы (диалектический, логического и сравнительного анализа, систематизации, исторический, обобщения), так и эмпирические методы (анкетирование и анализ полученных данных).

Результаты исследования. Проведенное исследование наметило существующие тенденции в правопонимании и правоприменении дагестанской молодежью, проживающей в Санкт-Петербурге: было установлено, что для 50,6 % опрошенных респондентов следование законам варьируется от наличия

**LEGAL PLURALISM IN THE
REPUBLIC OF DAGESTAN:
SOME FEATURES OF THE
LEGAL HABITUS OF THE
DAGESTAN YOUTH LIVING
IN ST. PETERSBURG**

E. A. Shekera *

* Saint Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

Objective of the study is the consideration of the legal pluralism phenomenon in the Republic of Dagestan (the formation and functioning since annexing to the Russian Empire and the current situation) and through a questionnaire to identify some elements functioning of the legal habitus of the Dagestan youth living in St. Petersburg: ways of preferential in private self-defence, attitude to the law that underlies the behavior in St. Petersburg, the opinion of the deviant behavior of fellow countrymen.

The methodological basis of the research was designed by both general scientific methods (dialectical method, logical and comparative analysis, systematization, historical method, generalizations) and empirical methods (questionnaires and analysis of the data obtained).

Research results. The study outlined existing tendencies in the law enforcement and accumulation of Dagestan youth living in St. Petersburg: it was found that for 50,6 % of the respondents, following the laws varies from the presence of certain conditions. Either, the lack of habitual hard social control in the conditions

определенных условий. Также отсутствие привычного жесткого социального контроля в условиях анонимности крупного города приводит к крайностям в поведении, что сказывается на функционировании всей социальной системы в целом; таким образом, необходимо усиливать социальный контроль, основанный на внутригрупповой репутации.

Перспективы исследования связаны с разработкой комплексной модели правового габитуса дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: правовой порядок, социальный порядок, социальный контроль, взаимопонимание, социология права, Северный Кавказ, внутренние мигранты, обычное право, исламское право, шариат.

of anonymity of a big city leads to excesses in behavior, which affects the functioning of the entire social system as a whole, thus, it is necessary to strengthen social control based on intra-group reputation.

Prospects of the study are related to the development of a comprehensive model of the legal habitus of the Dagestan youth living in St. Petersburg.

Keywords: legal order, social order, social control, sociology of law, legal understanding, Northern Caucasus, internal migrants, customary law, Islamic law, Sharia.

Введение

Миграционные процессы в российской действительности имеют ярко выраженную направленность: основные направления внутри России – с востока на запад и с юга и севера в центр, соответственно, основная миграционная нагрузка традиционно приходится на Москву, Московскую область и Санкт-Петербург. Молодежь едет в Санкт-Петербург для того, чтобы получить конкурентоспособное образование, устроиться на работу по специальности, улучшить материальное положение и т. д. Молодежь как таковая обладает характеристиками маргинальности, которые усиливаются у приезжей молодежи. Социальная адаптация молодежи сложна и противоречива сама по себе, в то же время социальная адаптация мигрантской молодежи в крупном городе представляет собой еще более сложный и разнообразный процесс, в котором скрыты как предпосылки к маргинальности, так и потенция к созидательной деятельности, направленной на непротиворечивое развитие и адаптанта, и принимающего общества. Молодые мигранты, попадая в новую социальную среду, и связанным с этим стрессом, также испытывают дополнительную нагрузку в виде обретения личной свободы, утрачивая жесткий социальный контроль региона исхода, а в случае студентов, также переходом к самостоятельной жизни. Молодые дагестанцы – довольно заметная группа¹

¹ Мы употребляем дефиницию «группа» при полном согласии с критикой Р. Брубейкера увлечением группизма, так молодежь из Дагестана, переехавшую в Санкт-Петербург, мы рассматриваем как группу внутренних мигрантов, а население Санкт-Петербурга как принимающее общество (Брубейкер, 2012).

в городской среде, наряду с кавказской молодежью в целом¹. Среди наиболее распространенных претензий к кавказцам: неуважение к местным традициям, нормам и правилам поведения, приставание к девушкам, их обвиняют в агрессивности, импульсивности, чрезмерной эмоциональности, готовности применить оружие, нарочитости поведения, особенно громкой музыке, в меньшей мере – пресловутой лезгинки (Мукомель, 2016). Представителям этносов Северного Кавказа свойственно проявление элементов правового плюрализма, следствием чего может являться иное понимание «правового», соответственно, восстановление ущемленных интересов и прав может происходить альтернативными способами, что приводит и к конфликтам с жителями крупных городов и с законодательством, в то время как приезжая с Северо-Кавказского региона молодежь расценивает свое поведение как совершенно легитимное. Следует отметить, что доля приезжей молодежи, придерживающейся девиантных форм поведения (с точки зрения принимающего общества), не так велика, но в итоге негативное отношение к приезжим с Северного Кавказа распространяется на всех приезжих из данного региона. Данная работа посвящена тому, чтобы посредством анкетирования рассмотреть, как дагестанская молодежь, проживающая в Санкт-Петербурге, предпочитает защищать свои интересы, как относится к закону, что составляет основу поведения в Санкт-Петербурге – в общем, понять, как их правовой габитус (Бурдые, 2005) функционирует в пространстве крупного города.

Правовой плюрализм в Республике Дагестан

Привнеся понятие адаптации из биологии, его понимали исключительно в рамках социально-доминирующего подхода, согласно которому адаптант воспринимается в качестве пассивного объекта внешнего воздействия, таким образом нормативный аспект занимал центральное место в процессе адаптации. Нормативизм (Э. Дюркгейм, А. Р. Рэдклифф-Браун, Т. Парсонс, Р. Мертон, П. Сорокин и др.) буквально навязывал индивиду необходимость соответствия господствующим в обществе социальным нормам и ценностям. Несмотря на смещение акцентов с жесткого воздействия общества на индивида в пользу воздействия индивида на общество (интерпретативизм: М. Вебер, Дж. Мид, А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман и др.), а также взаимного воздействия друг на друга и общества, и индивида (Э. Гидденс, П. Бурдые) нормативный аспект поведения индивида по-прежнему имеет решающее значение, поскольку в связи с неосознаваемостью габитуса действия адаптирующегося индивида подчинены законам социальной структуры, в рамках которой был образован габитус, и воспринимается им как само собой разумеющееся

¹ Подробнее о специфике социальной адаптации дагестанской молодежи см. работу (Шекера, 2016).

ся. Проблемы адаптации начинаются там, где габитус адаптанта неадекватен законам социальной структуры, в рамках которой происходит адаптация, соответственно, иное понимание правового может существенно затруднить процесс адаптации, либо сделать его невозможным. Кратко рассмотрим процесс формирования правового габитуса дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге, сквозь призму теории правового плюрализма. Под правовым габитусом мы понимаем набор социальных и правовых норм, бессознательно приобретенных в процессе социализации, составляющих основу поведения индивида.

Как резюмирует А. И. Ковлер со ссылкой на К. фон Бенда-Бекманн, начало исследованиям правового плюрализма положила одноименная публикация Дж. Джиллиссена, вышедшая в свет в 1971 году, однако Н. Рулан обращает внимание, что разделение между «действующим» и «государственным» правом использовалось еще в Римской империи: внутригосударственное право (*ius civile*) и право народов, распространявшееся на некоренных подданных римского государства (*ius gentium*) (Ковлер, 2003, с. 24). Тем не менее именно конец XX в. ознаменован возрастанием научного интереса к данной тематике в связи с исследованиями государственных правовых систем (бывших европейских колоний) в период постколониализма, где негосударственные системы права (в данном контексте обычное право) функционировали совместно с государственной централизованной правовой системой. Обычное право представляет собой общие социальные нормы и обычаи, где правотворчество зачастую осуществляется лидерами сообществ, действия которых могут в том числе опираться на религиозные предписания, а их исполнение регулируется общим согласием членов сообщества, таким образом, в классическом понимании государственная монополия на власть децентрализуется обычным правом. Как отмечает Б. Таманага (Tamanaha, 2008. С. 379), факт того, что мы предрасположены рассматривать право как монополию государства, демонстрирует успех начавшегося в позднее Средневековье проекта строительства государств.

Наиболее хрестоматийные интерпретации термина «правовой плюрализм» принадлежат Дж. Гриффитсу и С. Э. Мерри. Согласно С. Э. Мерри (1988. С. 870) – это «ситуация, при которой две или более правовые системы сосуществуют в одном и том же социальном поле». В. И. Фатхи (2007. С. 28) дорабатывает данное определение, акцентируя внимание не только на их сосуществовании, но и на «обязательном взаимодействии и взаимопроникновении, результатом которых могут быть как мирное сосуществование двух и более правовых систем, так и конфликт, вплоть до вооруженного». Дж. Гриффитс (1986. С. 2), опираясь на предложенное С. Ф. Мур понятие «полуавтономного социального поля», определяет правовой плюрализм как «такое

положение вещей в любом социальном поле, при котором поведение соответствует более чем одному правопорядку». Согласно С. Ф. Мур «полуавтономное социальное поле» – это социальное пространство, которое «может создавать свои внутренние законы, обычаи и символы, но в то же время... подчиняется законам, решениям и иным факторам окружающего его внешнего мира». По-прежнему не прекращаются дебаты по поводу границ и перспектив применения термина «правовой плюрализм», если вкратце, то наиболее жаркие споры вызывают основные термины «право» и «закон»¹. Так, в 2005 году Дж. Гриффитс обратился к научному сообществу с предложением отказаться от использования термина «правовой плюрализм», заменив его более широким термином «нормативный плюрализм» (или плюрализм социального контроля), ранее эту идею в 1999 году предложил Б. Дюпре, также некоторые исследователи делают выбор в пользу иных синонимов, таких как «юридический плюрализм», «децентрализм» или «полиюридизм» (Габрилян и др., 2019. С. 161). Согласно Б. Дюпре (Dupret, 2007): «в то время как государство позиционирует себя в качестве единственного законодателя, правовой плюрализм выдвигает на первый план множество частично автономных и саморегулируемых социальных областей, также производящих правовые нормы». Ярким оппонентом является С. Робертс, оспаривающий возможность наименования «правом» совокупности норм, не исходящих от государства (Roberts, 1998).

Таким образом, Г. Э. Адыгезалова (2021. С. 3), рассматривая различные подходы к правовому плюрализму, резюмирует их в три основных:

1) социолого-правовой (отрицание исключительного права государства на правотворчество);

2) антрополого-правовой (сосуществование нескольких правопорядков в рамках одного государства: параллельное функционирование норм обычного права и сформулированных и установленных государством норм права);

3) евразийский (правовой монизм противопоставляется правовому плюрализму, т. е. создается единая система права, основанная на западной правовой традиции и на правовых принципах римского права).

В исследованиях правового плюрализма в отечественных социальных науках лидирующее место занимает Северный Кавказ. Как отмечает В. А. Дмитриев (Дмитриев, 2003), на Северном Кавказе исторически сложилась такая ситуация, при которой правовые нормы шариата, имевшие различные интерпретации (Л.Р. Сюкияйнен (2007) предлагает более широкий термин «исламское право»), сосуществовали с местными системами адата при добавлении элементов разных типов государственного права.

Наиболее многонациональной республикой Российской Федерации является Дагестан (входит в состав Северо-Кавказского федерального округа), отличительной особенностью которого, ко всему прочему, является отсутствие «титულ-

¹ Подробнее о разграничении данных терминов см. в работе (Нерсесянц и др., 2002).

ного» этноса. Следствием разнообразия этносов на территории Дагестана еще М. М. Ковалевский (1890) предполагал крайнее отличие законов адата, варьирующихся от этноса к этносу, но дальнейшие исследования опровергли это предположение. Подобное положение вещей закономерно вытекает из идентичных или близко схожих условий социально-экономического и культурно-исторического развития народов края, повседневного общественного быта, схожестью основных этнопсихологических характеристик и т.д. (Булатов, Лугуев, 2004. С. 23) Соответственно, можно утверждать, что монокультура и монопорядок сходных ценностных ориентаций, выраженных в совпадающих социальных, экономических, политико-правовых и религиозных практиках, объединяют большинство народов Северо-Кавказского региона (Тхакахов, 2002. С. 13).

Однако не стоит думать, что три сферы доминирующих форм права (государственного, адатного и мусульманского) четко отделены друг от друга, на самом деле под взаимным влиянием происходит исламизация адатного права, в мусульманское право вплетаются местные правовые обычаи и т.д. Как отмечает В. О. Бобровников: «с первой трети XIX до конца XX в. на Кавказе почти не прекращались социальные и правовые реформы. Мусульманам региона пришлось пережить шариатское законодательство и суды Шамиля, так называемое военно-народное (или военно-адатное управление) в составе Российской империи (с 1860 по 1917 гг.), шариатские суды и трибуналы времен Гражданской войны и раннего советского времени, новое районирование и коллективизацию, затем политику “опоры на полезные адаты” времен застоя и, наконец, крушение советской судебной-административной системы и “возрождение адатных и исламских традиций”» (Бобровников, 2009. С. 20). Окрепшая советская власть приступила к процессу «деплюрализации» (термин введен Ж. Вандерлинденем (1996)) – правовой ситуации, при которой под воздействием процесса выравнивания (подлинного или искусственного) социально-культурных и экономических условий жизни людей в обществе отпадают (или насильственно устраняются) условия существования дифференцированных правовых порядков (Ковлер, 2003. С. 27). Как отмечает Дж. Ричардсон, «общество с сильным государственным аппаратом может стремиться навязать свою правовую систему и ценности всем гражданам. Однако, если это происходит, могут потребоваться огромные ресурсы для поддержания такого жестокого социального устройства» (Ричардсон, 2013. С. 55). С 1918 г. словесные и народные суды были заменены шариатскими, со втор. пол. 1920-х гг. – советскими народными, к 1930-м гг. были упразднены все виды не советских судов (Прозоров, 2001. С. 8). Борьба с пережитками родового быта шла не только на законодательном уровне, помимо пропаганды и подключения системы образования, предпринимались беспрецедентные меры: разрушение механизмов межпоколенной культурной трансмиссии, посредством физического устранения носителей

традиций, с 1920-х гг. была запущена кампания против «стариковства», включающая репрессии пожилых людей (Бочаров, 2001. С. 67). С 1928 г. на Северном Кавказе действовала X глава Уголовного Кодекса РСФСР (от 1922 г. с последующими дополнениями) «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта», объектами борьбы были адатные и шариатские правовые нормы (Прозоров, 2001. С. 8). Вопреки ожиданиям советской власти процесс деплюрализации на Северном Кавказе не дал ожидаемых результатов, так установление уголовного преследования бытовых преступлений их не искоренило, также количество зарегистрированных бытовых преступлений существенно разнилось с совершенными в действительности. С 1950–1960-х гг. советская власть инициирует возрождение «полезных адатов», также поощряя создание в населенных пунктах совета старейшин. С распадом Советского Союза наметилась тенденция возрождения традиций и адатного права, но адатное право не могло возродиться в той же форме, как в конце позапрошлого века, свой отпечаток нанесла война в Чечне, привнесла новую трактовку адатов (в них включились жесткие меры военного времени), также распространилось бытование местных интерпретаций правовых норм шариата. Одним из ярких примеров бытования недавно возникшей правовой практики является «коалиционный клинч», конкурирующий с исламским порядком – практики, описанной в статье Е. А. Варшавера и Е. В. Кругловой (2015). Особенности понимания «справедливости» и «законности» раскрыты на примере выборов в сельском Дагестане в статье Е. Л. Капустиной (2012), где при полном нарушении избирательных прав граждан с позиции российского законодательства состоявшиеся выборы могут иметь статус «законных», т.е. одобренных джамаатом. Как резюмирует К. И. Казенин (2017. С. 264), анализ этнографических работ показал, что на современном Северном Кавказе чаще всего имеет смысл говорить не о действии некой альтернативной юрисдикции в полном объеме, а о действии отдельных элементов шариата или адата в конкретных ситуациях.

Как отметили Г. С. Денисова и И. А. Петрулевич (2005), выявлявшие различные аспекты правовых ценностей молодежи Северного Кавказа, законопослушное поведение русской молодежи мотивируется репрессивной функцией государственного права, в то время как законопослушное поведение молодежи автохтонных народов ориентировано на первичный контроль этнической общности. Поэтому для молодежи автохтонных народов региона степень осознанного подчинения закону как норме государственного права в регионе во многом определяется его соответствием традиционно-правовой норме. И. А. Петрулевич (2003) по результатам проведенных эмпирических исследований¹ пришла к важным выводам, отражающим доминирующие

¹ На материалах социологического исследования, предпринятого в республиках Северного Кавказа: Адыгее, Северной Осетии – Алании, Кабардино-Балкарии и Ингушетии.

факторы, обуславливающие функционирование правового пространства республик Северного Кавказа:

– автохтонное население не воспринимает российскую государственность как безусловную ценность, тем самым проявляя к ней двойственное отношение;

– привнесение в легальную правовую систему этнокультурных ценностей и норм обычного права, что обусловлено, с одной стороны, слабым контролем правового поля государства со стороны центра и, с другой стороны, заполнением вакансий в правоохранительных органах представителями автохтонных народов, поддерживающих в имплицитной форме элементы традиционного регулирования.

Таким образом, приезжая с Северного Кавказа, молодежь встраивается в правовое поле принимающей территории, привнося свое понимание функционирования права. Но как ведет себя право в крупном городе? Исследователи городского образа жизни (представители Чикагской школы социологии) отмечали преобладание «вторичных» контактов над «первичными» в городской среде, вследствие чего ослабевает социальный контроль первичных групп, а на смену ему приходит публичность, как форма социального контроля в урбанизированных пространствах (Парк, 2011. С. 38). Вслед за Д. Блэком (2014) мы определяем «социальный контроль» как нормативный аспект общественной жизни, или определение отклоняющихся способов действия и реакции на них. Право само по себе есть одна из форм социального контроля, осуществляемого в контексте национального управления (государства). Право – это количественная переменная, объем которой может возрастать или убывать в зависимости от контекста, например, статуса людей, характера отношений между ними и т. д. Д. Блэк вывел следующие законы поведения права:

– право меняется обратно пропорционально другим формам социального контроля, т. е. при уменьшении других форм социального контроля, объем права возрастает, и наоборот.

– чем более общество стратифицировано, тем больше в нем права, т. е. индивиды примерно равных социальных позиций менее склонны прибегать к закону в отношениях друг с другом.

Крупный город – это место социальных контрастов, поэтому именно здесь право «мобилизуется» (термин введен в 1979 году Д. Блэком) наиболее часто. Мобилизация права означает сознательное обращение к государственным структурам для защиты интересов, но что происходит, если право не мобилизуется? Отказ от мобилизации права предполагает восстановление правосудия иными методами, например, необходимостью прибегнуть к самосуду (self-help), который проявляется в агрессивных формах в отношении другого индивида/группы или его/их имущества, с целью его уничтожения,

либо повреждения. Чаще всего метод самосуда избирают люди, лишенные иных инструментов защиты (Блэк, 2014. С. 320, 334), так приезжая молодежь при нарушении их интересов и прав может не обращаться в полицию по ряду причин: например, низкое доверие к органам власти, отсутствие официальной временной регистрации на территории пребывания или обращение в полицию может рассматриваться как признак слабости и т. д., поэтому может выбираться изоляция от государства как образ жизни. Также крупной проблемой является вызывающее поведение приезжих, которое нередко приводит к конфликтам. Зачастую такие конфликты «автоматически» приравнивают к попыткам разжигания межнациональной розни, хотя в большинстве случаев это конфликты на бытовой почве, также можно говорить о наличии в больших городах латентного социального конфликта, имеющего антикавказскую ориентацию.

Правовой габитус дагестанской молодежи

Анкетирование проживающей в Санкт-Петербурге молодежи из Республики Дагестан проходило с 20 апреля по 20 мая 2019 года. Выборка выстраивалась на основе простого случайного отбора, в нее вошли представители молодежи из Дагестана, проживающие в Санкт-Петербурге (в том числе проживающие с рождения – 23 респондента), в возрасте от 16 до 35 лет. Выборка включает 303 респондента, в связи с тем, что невозможно определить параметры генеральной совокупности, не репрезентативна. При составлении анкеты мы воспользовались некоторыми методиками других исследователей, нами были заимствованы следующие вопросы: «Что лежит в основе вашего поведения в Санкт-Петербурге?», «Каково ваше отношение к закону?» (Гриценко и др., 2009). Результаты анкетного опроса обрабатывались с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics.

Как следует из закона¹ регистрация гражданина по месту пребывания производится в срок, не превышающий 90 дней со дня прибытия гражданина в жилое помещение (рис. 1).

Совокупно не имеют временной регистрации или прописки 19,4 %², также 1 % указал на наличие фиктивной³ регистрации. К тому же остается

¹ О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 25.06.1993 № 5242-1. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2255/ (дата обращения: 29.01.2019).

² Исключаем проживающих меньше года и проживающих с рождения, поскольку респондент, скорее всего, выбрал данный ответ ошибочно.

³ Под фиктивной регистрацией мы понимаем регистрацию в жилом помещении без намерения пребывать (проживать) в этом помещении, эта популярная услуга активно предлагается разными фирмами за определенную плату. Данная услуга особенно востребована в крупных городах, даже несмотря на введение с 2013 года уголовной ответственности согласно ст. 322.2 УК РФ.

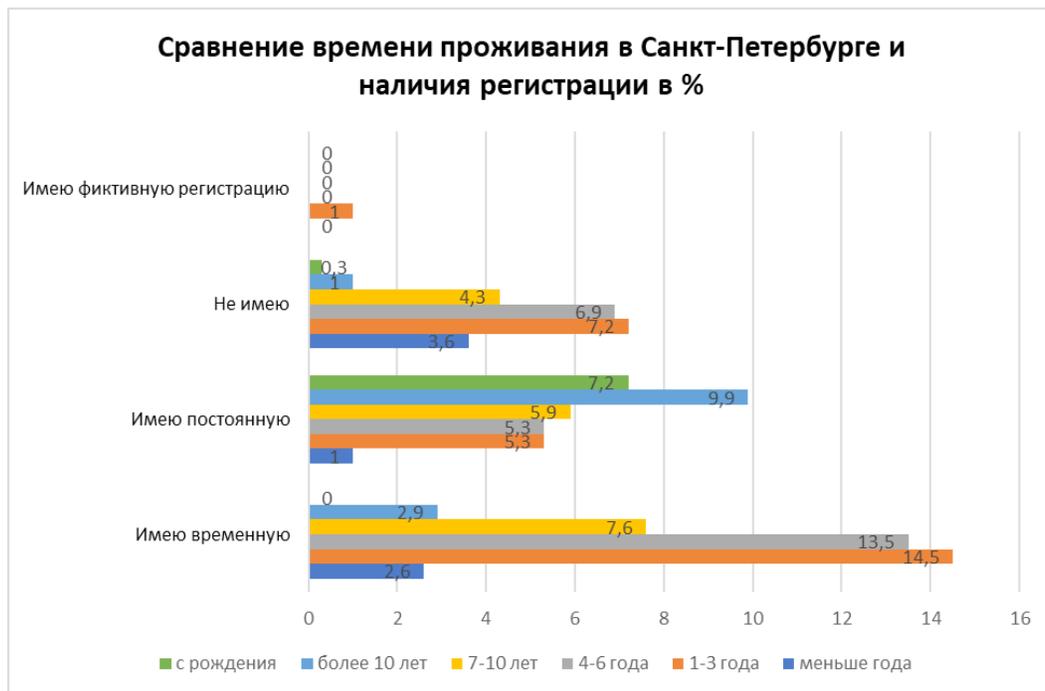

Рисунок 1 – Сравнение времени проживания в Санкт-Петербурге и наличия регистрации

открытым вопрос, что именно респонденты понимают под временной регистрацией, например, считают ли они временной регистрацией оформленную за деньги регистрацию в одной из юридических фирм, этот вопрос требует дополнительного изучения. Тем не менее картина примерно просматривается, не учтены официально как «временные мигранты» минимум 20,4 % опрошенных.

Миграция молодежи из сельской местности/малого города в крупный город характеризуется ослаблением социального контроля – основного регулятора поведения в регионе исхода, что приводит к крайностям в поведении (рис. 2.)

Только 35,8 % опрошенных указали, что не замечали проявлений девиантного поведения земляков, однако как наиболее весомые проблемы указаны вызывающее поведение (52,1 %) и сексуальная распущенность (41,7 %) – прямое следствие ослабления первичного социального контроля в анонимном пространстве крупного города.

Особую роль во взаимодействии приезжих и местного населения играет понимание «правового», в связи с тем, что в Республике Дагестан ярко выражен правовой плюрализм, приезжим может быть сложно действовать в

Рисунок 2 – Мнение респондентов о девиантном поведении земляков

рамках правового поля Российской Федерации. Способы восстановления нарушенных прав приведены на рисунке 3.

Способ «разберусь самостоятельно» (54,4 %) оказался самым востребованным, чуть менее востребована мобилизация права – «обращусь в правоохранительные органы» (51,5 %). Подключение ближнего круга – родственников (41,4 %) и друзей/знакомых (41,0 %) также крайне актуально, далее из лидеров ответов – обращение в государственные органы и организации (38,1 %). Следовательно, примерно равные шансы с небольшим перевесом в сторону self-help на решение проблемы самостоятельно или используя социальный капитал и на мобилизацию права, т. е. обращение в правоохранитель-

Рисунок 3 – Способы восстановления нарушенных прав

ные и государственные органы. Регулирующие основы поведения отражены на рисунке 4.

За основу поведения большинство респондентов (46,5 %) принимает общечеловеческие нормы морали, законы Российской Федерации оказались ниже (12,9 %), чем религиозные нормы (22,8 %), почти каждый десятый опрошенный в качестве основы поведения указал обычаи и традиции своего народа (9,2 %). Немаловажно, что взаимодействие приезжих и местного населения происходит в условиях сниженного социального контроля первичной группы по отношению к приезжим. Отношение респондентов к закону отражено на рисунке 5.

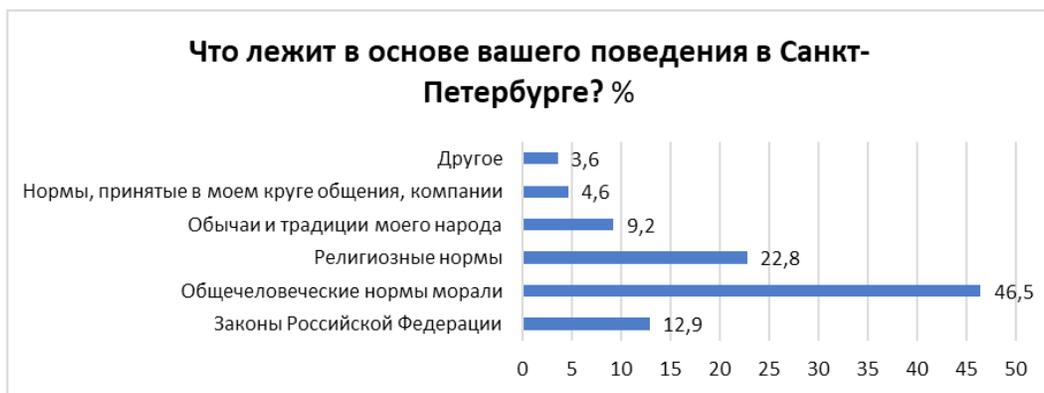

Рисунок 4 – Основа поведения в Санкт-Петербурге

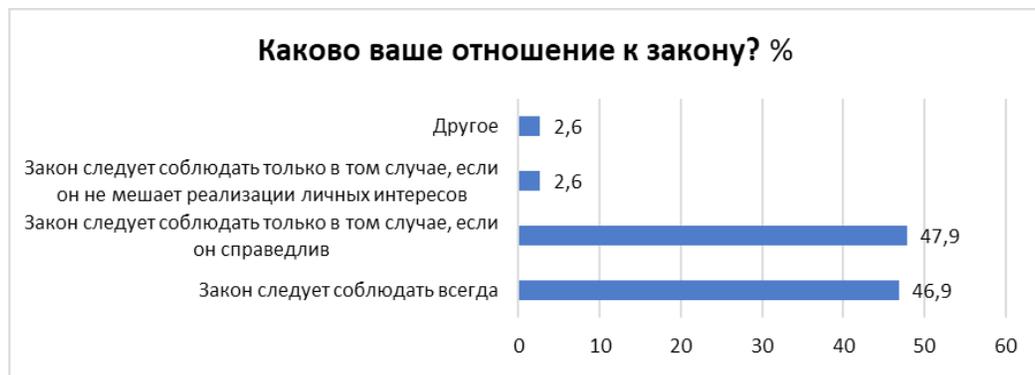

Рисунок 5 – Отношение респондентов к закону

Наиболее распространенный ответ – закон следует соблюдать только, если он справедлив (47,9 %), важно помнить, что справедливость закона – субъективная и ситуативная характеристика, которая может интерпретироваться разными участниками социального взаимодействия по-разному. Одна-

ко примерно равное количество набрала категория – закон следует соблюдать всегда (46,9 %). К сожалению, в связи с постановкой вопроса о категории «закон», без указания какой именно закон имеется в виду, невозможно понять, что под категорией «закон» имели в виду респонденты.

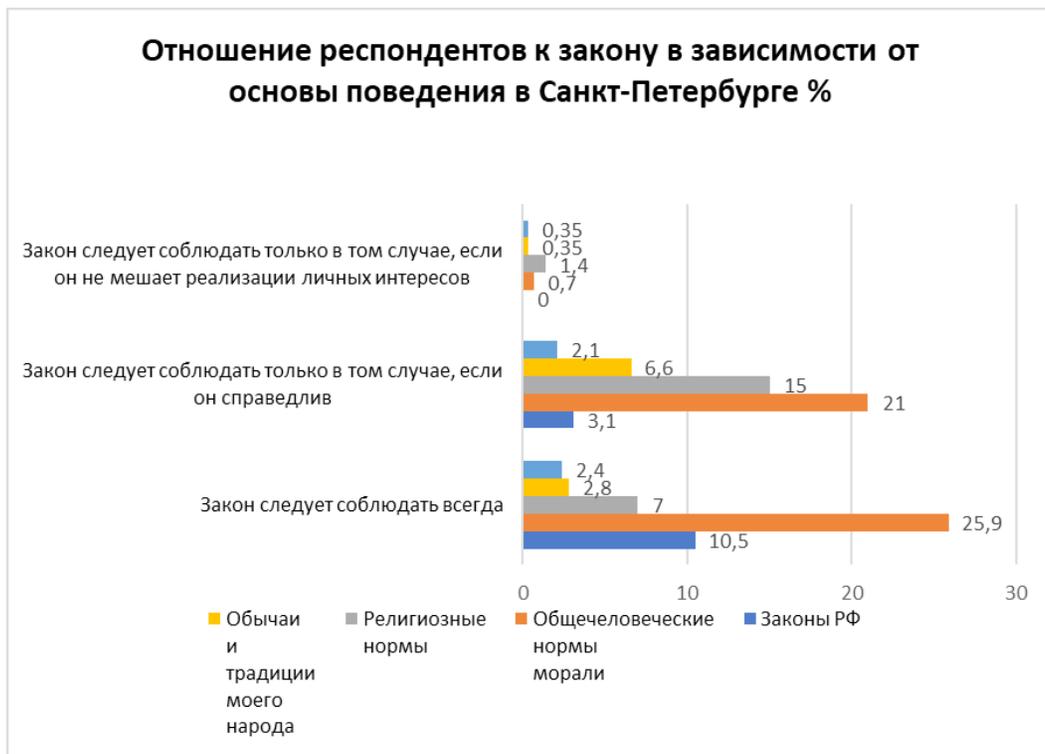

Рисунок 6 – Отношение респондентов к закону в зависимости от основы поведения в Санкт-Петербурге, %

Как следует из рисунка 6, подавляющее большинство тех респондентов, в основе поведения которых лежат общечеловеческие нормы морали, поддерживают высказывания, что закон следует соблюдать всегда и что его следует соблюдать, только если закон справедлив. Для респондентов, в основе поведения которых лежат религиозные нормы, наиболее важна справедливость закона, необходимая для его соблюдения, однако 7 % также выбрали постоянство соблюдения закона. Для 6,6 %, в основе поведения которых лежат обычаи и традиции своего народа, решающее значение имеет справедливость закона, и для 2,8 % – безоговорочное соблюдение закона. Среди респондентов, ответивших, что закон следует соблюдать только, если он не мешает реализации личных интересов, доминируют те, в основе поведения которых лежат религиозные нормы (1,4 %). Категория «закон следует соблюдать всег-

да» вкупе с законами РФ как основы поведения, оказалась только на четвертом месте, хотя с точки зрения правового позитивизма именно эта категория должна доминировать.

Заключение

Проведенное исследование наметило существующие тенденции в правовом понимании и правоприменении дагестанской молодежью, проживающей в Санкт-Петербурге. Для более детального анализа феномена необходимо проведение качественных исследований, в частности для операционализации базовых категорий, таких как «справедливость», «закон» и др. Тем не менее было установлено, что для 50,6 % опрошенных респондентов следование законам варьируется от наличия определенных условий. Также отсутствие привычного жесткого социального контроля в условиях анонимности крупного города приводит к крайностям в поведении, что сказывается на функционировании всей социальной системы в целом, таким образом, необходимо усиливать социальный контроль, основанный на внутригрупповой репутации.

Список источников

Адыгезалова Г. Э. Парадигма правового плюрализма в интерпретации правового реализма / Г. Э. Адыгезалова // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2021. – № 1. – С. 2–9. – DOI 10.31429/20785836-13-1-2-9. – EDN IWKKEI.

Блэк Д. Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов / Д. Блэк / ред.: Э. Л. Панеях, А. М. Кадникова; АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге», Институт проблем правоприменения. – Москва: Статут, 2014. – 568 с. – ISBN 978-5-8354-1021-7.

Бобровников В. О. Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в. Т. II. В царской и ранней советской России / В. О. Бобровников. – Москва: Изд. дом Марджани, 2009. – 272 с.

Бочаров В. В. Максим Ковалевский: антропология права и правовой плюрализм в России / В. В. Бочаров // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2001. – Т. 4, № 3. – С. 50–72. – EDN OPASST.

References

Adygezalova G. E. (2021) The paradigm of legal pluralism in the interpretation of legal realism / G. E. Adygezalova // Legal Bulletin of the Kuban State University. – No. 1. – Pp. 2–9. – DOI 10.31429/20785836-13-1-2-9.

Black, D. (2014) Law and Law enforcement in the mirror of Social Sciences: a textbook of modern texts / D. Black / ed.: E. L. Paneyakh, A. M. Kadnikova; European University in St. Petersburg, Institute of Law Enforcement Problems. – Moscow: Statute, – 568 p. – ISBN 978-5-8354-1021-7.

Bobrovnikov V. O. (2009) Custom and law in written monuments of Dagestan V – early XX century. Vol. II. In Tsarist and early Soviet Russia / V. O. Bobrovnikov. – Moscow: Publishing house of Marjani. – 272 p.

Bocharov V. V. (2001) Maxim Kovalevsky: Anthropology of law and legal pluralism in Russia / V. V. Bocharov // Journal of Sociology and Social Anthropology. – Vol. 4, No. 3. – Pp. 50–72.

Brubaker R. (2012) Ethnicity without groups / R. Brubaker; translated from English

Брубейкер Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер; пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с. (Социальная теория). – ISBN 978-5-7598-0973-9.

Булатов Б. Б. Очерки истории духовной культуры горцев Центрального Дагестана в XVIII–XIX веках / Б. Б. Булатов, С. А. Лугуев; Российская акад. наук, Дагестанский науч. центр, Ин-т истории, археологии и этнографии, М-во образования и науки Российской Федерации, Дагестанский гос. ун-т. – Изд. 2-е, доп. – Махачкала: [б. и.], 2004. – ISBN 978-5-905784-52-1. – EDN QPWCAT.

Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» / П. Бурдые // Социология социального пространства: перевод с французского. – Москва: Издательство Алетейя, 2007. – С. 14–48. – EDN HOPJSR.

Варшавер Е. «Коалиционный клинч» против исламского порядка: динамика рынка институтов разрешения споров в Дагестане / Е. Варшавер, Е. Круглова // Экономическая политика. – 2015. – Т. 10, №3. – С. 89–112. – DOI 10.18288/1994-5124-2015-3-05. – EDN TWTZCH.

Габрилян Р. Р. Правовой плюрализм: от генезиса теоретической концепции к реализации в современных условиях / Р. Р. Габрилян, И. Н. Клюковская, Е. Н. Кониная // Гуманитарные и юридические исследования. – 2019. – № 4. – С. 161–167. – DOI 10.37494/2409-1030-2019-4-161-167. – EDN VYRFPW.

Гриценко Г. Д. Мигранты в социокультурном пространстве региона: Социологические очерки / Г. Д. Гриценко, Т. Ф. Маслова, А. В. Дмитриев. – Москва: Инфра-М, 2009. – 176 с. – ISBN 978-5-98281-158-5. – EDN SDQPRP.

Денисова Г. С. Правовая культура молодежи как латентный фактор социальной напряженности в регионах Северного Кавказа / Г. С. Денисова, И. А. Петрулевич // Конфликтология. – 2005. – № 4. – С. 38–45.

Дмитриев В. А. Адааты и шариат у кавказских горцев / В. А. Дмитриев // Россия и Кав-

by I. Borisova; National Research University “Higher School of Economics”. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. – 408 p. (Social Theory). – ISBN 978-5-7598-0973-9.

Bulatov B. B. (2004) Essays on the history of the spiritual culture of the Highlanders of Central Dagestan in the XVIII–XIX centuries / B. B. Bulatov, S. A. Luguyev; Russian Academy of Sciences, Dagestan Scientific Center, Institute of History, Archeology and Ethnography, Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Dagestan State University. – Ed. 2nd, add. – Makhachkala. – ISBN 978-5-905784-52-1.

Bourdieu P. (2007) Social space and the genesis of “classes” / P. Bourdieu // Sociology of social space: translated from French. – Moscow: Aleteya Publishing House. – Pp. 14–48.

Varshaver, E. (2015) «Coalition clinch» against the Islamic order: the dynamics of the market of dispute resolution institutions in Dagestan / E. Varshaver, E. Kruglova // Economic policy. – Vol. 10, No. 3. – Pp. 89–112. – DOI 10.18288/1994-5124-2015-3-05.

Gabrielyan R. R. (2019) Legal pluralism: from the genesis of a theoretical concept to implementation in modern conditions / R. R. Gabrielyan, I. N. Klyukovskaya, E. N. Konina // Humanities and Legal studies. – No. 4. – Pp. 161–167. – DOI 10.37494/2409-1030-2019-4-161-167.

Gritsenko G. D. (2009) Migrants in the socio-cultural space of the region: Sociological essays / G. D. Gritsenko, T. F. Maslova, A. V. Dmitriev. – Moscow: Infra-M. – 176 p. – ISBN 978-5-98281-158-5.

Denisova, G.S. (2005) Legal culture of youth as a latent factor of social tension in the regions of the North Caucasus / G.S. Denisova, I. A. Petrulevich // Conflictology. – No. 4. – Pp. 38-45.

Dmitriev V. A. (2003) Adats and Sharia among the Caucasian mountaineers / V. A. Dmitriev // Russia and the Caucasus: history, Religion, culture. – St. Petersburg: Dovlatov Foundation. – Pp. 107–127.

каз: история, религия, культура. – Санкт-Петербург: Довлатовский фонд, 2003. – С. 107–127. – EDN SOQQOL.

Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / Российская академия наук, Институт восточных рукописей. Утверждено к печати Институтом восточных рукописей РАН. – Москва: Восточная литература, 2012. – 232 с. – ISBN 978-5-02-036313-7. – EDN RRNGUL.

Казенин К. Исламское правовое ситуации конкуренции правовых систем: случай Северного Кавказа / К. Казенин // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2017. – № 3. – С. 234–264. – DOI: 10.22394/2073-7203-2017-35-3-234-264.

Капустина Е. Л. Выборы в сельском Дагестане: политическое событие как элемент социальной жизни / Е. Л. Капустина // Общество как объект и субъект власти: Очерки политической антропологии Кавказа. – Санкт-Петербург: Центр «Петербургское востоковедение», 2012. – С. 32–60. – EDN NNKKS SV.

Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе / М. М. Ковалевский. – Москва: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1890. – 140 с.

Ковлер А. И. Антропология права и правовой плюрализм (права человека и права народов) / А. И. Ковлер // Олень всегда прав: исследования по юридической антропологии / Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации; отв. ред. Н. И. Новикова. – Москва: Стратегия, 2003. – С. 24–50. – EDN SACVNB.

Мукомель В. И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества / В. И. Мукомель // Россия реформирующаяся. – 2016. – № 14. – С. 411–467. – EDN WBLZPF.

Парк Р. Э. Город: предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде / Р. Э. Парк // Избранные очерки: Сб. переводов / Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и соци-

Islam on the territory of the former Russian Empire: An Encyclopedic Dictionary (2012) / Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Manuscripts. Approved for publication by the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. – Moscow: Oriental Literature. – 232 p. – ISBN 978-5-02-036313-7.

Kazenin K. (2017) Islamic Law in a situation of competition of legal systems: the case North Caucasus / K. Kazenin // State, religion, church in Russia and abroad. – No. 3. – Pp. 234–264. – DOI: 10.22394/2073-7203-2017-35-3-234-264.

Kapustina E. L. (2012) Elections in rural Dagestan: a political event as an element of social life / E. L. Kapustina // Society as an object and subject of power: Essays of political anthropology of the Caucasus. – St. Petersburg: Center “Petersburg Oriental Studies”. – Pp. 32–60.

Kovalevsky M. M. (1890) Law and custom in the Caucasus / M. M. Kovalevsky. – Moscow: A. I. Mamontov and Co. – 140 p.

Kovler A. I. (2003) Anthropology of Law and Legal Pluralism (Human rights and Peoples' rights) / A. I. Kovler // The Deer is always right: studies in Legal Anthropology / N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; Association of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation; Rel. ed. by N. I. Novikov. – Moscow: Strategy. – Pp. 24–50.

Mukomel V. I. (2016) Adaptation and integration of migrants: methodological approaches to performance assessment and the role of the host society / V. I. Mukomel // Russia reforming. – No. 14. – Pp. 411–467.

Park R. E. (2011) Gorod: proposals for the study of human behavior in an urban environment / R. E. Park // Selected essays: Collection of translations / Center for Social. scientific.-inform. research. Department of Sociology and Social. psychology; Comp. and translated from the English by V. G. Nikolaev; Ed. by D. V. Efremenko. – Moscow. – Pp. 19–56.

ал. психологии; сост. и пер. с англ. В. Г. Николаев; отв. ред. Д. В. Ефременко. – МОСКВА, 2011. – С. 19–56. – EDN OHJVKD.

Петрулевич И. А. Правовая культура молодежи Северного Кавказа: специфика формирования и ценностное содержание: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / И. А. Петрулевич [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т]. – Ростов-на-Дону, 2003. – 27 с.

Правовая политика и пути совершенствования правотворческой деятельности в Российской Федерации / Г. И. Муромцев, В. П. Малахов, Г. В. Мальцев [и др.]. – Москва: Российский университет дружбы народов, 2006. – 542 с. – ISBN 5-209-01982-9. – EDN QXFOKL.

Ричардсон Д. Социальное конструирование правового плюрализма / Д. Ричардсон // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2013. – Т. 31, № 2. – С. 40–62. – EDN RXOEFL.

Сюкияйнен Л. Р. Исламское право: взаимодействие юридического и религиозного начал / Л. Р. Сюкияйнен // Ежегодник либертарно-юридической теории: вып. 1 / ред.-сост. В. А. Четвернин; Гос. ун-т Высшая школа экономики. – Москва: ТЕИС, 2007. – 198 с.

Тхакахов В. Х. Социальные и этнокультурные процессы на Северном Кавказе: вопросы методологии / В. Х. Тхакахов; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб.: НИИХ СПбГУ, 2002. – 212 с. – ISBN 5-7997-0435-5.

Фатхи В. И. Идея правового плюрализма в контексте юридической этнологии / В. И. Фатхи // Философия права. – 2007. – № 1(20). – С. 27–31. – EDN MUUIJZ.

Шекера Е. А. Социокультурные аспекты адаптации студентов-дагестанцев в Санкт-Петербурге // Caucaso-Caspica: Труды Института автохтонных народов Кавказско-Каспийского региона. Выпуск I / под ред. Г. Асагряна. Ер.: Изд-во РАУ, 2016. – С. 197–205.

Dupret B. Legal Pluralism, Plurality of Laws, and Legal Practices: Theories, Critiques, and Praxiological Re-specification // European Journal of Legal Studies. – 2007. – Volume Issue. – URL: <http://www.ejls.eu/1/14UK.htm> (дата обращения: 08.03.2023).

Petrulevich I. A. (2003) legal culture of youth of the North Caucasus: specifics of formation and value content: abstract of the dissertation... candidate of Social Sciences: 22.00.06 / I. A. Petrulevich [place of protection: Russian state. Ped. Un-t]. – Rostov-on-Don. – 27 p.

Legal policy and ways to improve law-making activities in the Russian Federation (2006) / G. I. Muromtsev, V. P. Malakhov, G. V. Maltsev [et al.]. – Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. – 542 p. – ISBN 5-209-01982-9.

Richardson, D. (2013) Social construction of legal pluralism / D. Richardson // State, religion, Church in Russia and abroad.– Vol. 31, No. 2. – Pp. 40–62.

Syukiyainen L. R. (2007) Islamic law: interaction of legal and religious principles / L. R. Syukiyainen // Yearbook of Libertarian legal theory: issue 1 / ed.-comp. V. A. Chetvernin; State University Higher School of Economics. – Moscow: TEIS. – 198 p.

Tkhakakhov V. H. (2002) Social and ethnocultural processes in the North Caucasus: questions of methodology / V. H. Tkhakakhov; St. Petersburg State University, St. Petersburg: St. Petersburg State University. – 212 p. – ISBN 5-7997-0435-5.

Fathi V. I. (2007) The idea of legal pluralism in the context of legal ethnology / V. I. Fathi // Philosophy of Law. – No. 1(20). – Pp. 27–31.

Shekera E. A. (2016) Socio-cultural aspects of adaptation of Dagestani students in St. Petersburg // Caucaso-Caspica: Proceedings of the Institute of Autochthonous Peoples of the Caucasian-Caspian region. Issue I / Edited by G. Asatryan. Ер.: Publishing House of RAU.– Pp. 197–205.

Dupret B. (2007) Legal Pluralism, Plurality of Laws, and Legal Practices: Theories, Critiques, and Praxiological Re-specification // European Journal of Legal Studies. – Volume Issue. – URL: <http://www.ejls.eu/1/14UK.htm> (date of application: 08.03.2023).

Griffiths J. (1986) What is legal pluralism? // Journal of Legal Pluralism. – No.24. – Pp. 1-50.

Griffiths J. What is legal pluralism? // Journal of Legal Pluralism. – 1986. – № 24. – Pp. 1-50.

Merry S. E. Legal Pluralism / S. E. Merry // Law & Society Review. – 1988. – Vol. 22. – № 5. – Pp. 869-896.

Roberts S. Against Legal Pluralism / S. Roberts // The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. – 1998. – Vol. 30. – № 42. – Pp. 95–106.

Tamanaha B. Understanding Legal Pluralism: Past to Present, Local to global / B. Tamanaha // Sydney Law Review. – 2008. – № 30. – Pp. 375–411.

Vanderlinden J. Anthropologie juridique / J. Vanderlinden // Paris: Dalloz. – 1996. – Vol. 1. – № VI. – 123 p.

Merry S. E. (1988) Legal Pluralism / S. E. Merry // Law & Society Review. – Vol. 22. – No.5. – Pp. 869-896.

Roberts S. (1998) Against Legal Pluralism / S. Roberts // The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. – Vol. 30. – No. 42. – Pp. 95–106.

Tamanaha B. (2008) Understanding Legal Pluralism: Past to Present, Local to global / B. Tamanaha // Sydney Law Review. – No. 30. – Pp. 375–411.

Vanderlinden J. (1996) Anthropologie juridique. / J. Vanderlinden // Paris: Dalloz. – Vol. 1. – No. VI. – 123 p.

Для цитирования: Шекера Е. А. Правовой плюрализм в Республике Дагестан: некоторые особенности правового габитуса дагестанской молодежи, живущей в Санкт-Петербурге // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 3 (61). – С. 148–165.
DOI 10.18522/2227-8656.2023.3.12
EDN SYRPWY

История статьи:
Поступила в редакцию – 20.03.2023
Получена в доработанном виде –
11.05.2023
Одобрена – 19.05.2023

Сведения об авторе

Шекера Екатерина Александровна
соискатель ученой степени кандидата
социологических наук Санкт-
Петербургского государственного
университета
shekerak@gmail.com

Information about author

Ekaterina A. Shekera
applicant for the degree
of Can. Sci. (Sociology),
Saint Petersburg State University
shekerak@gmail.com

АТАМАН М. И. ПЛАТОВ –
ДИАЛОГ
С ПОТОМКАМИ

ATAMAN M. I. PLATOV –
DIALOGUE WITH
DESCENDANTS

Л. А. Суркова *

L. A. Surkova *

* Государственная телерадиокомпания
«Дон-ТР», Ростов-на-Дону, Россия

* State TV and radio company “Don-TR”,
Rostov-on-Don, Russia

Цель исследования – рассмотреть применимость категории «нематериальное наследие» к личности и свершениям атамана Платова, оценить его актуальность в современном социально-культурном контексте.

Objective of the study is to consider the applicability of the category “intangible heritage” to the personality and achievements of Ataman Platov, to assess its relevance in the modern socio-cultural context.

Методологическая база исследования. Исследование проведено на основе анализа исторических источников, научных изысканий, архивных документов и материалов, свидетельствующих о жизни атамана М. И. Платова.

The methodological basis of the research. The research is based on the analysis of historical sources, scientific research, archival documents and materials testifying to the life of ataman M. I. Platov.

Результаты исследования. Обозначена актуальность патриотического наследия предводителя донского казачества для современного социума.

Research results. The relevance of the patriotic heritage of the leader of the Don Cossacks for modern society is indicated.

Перспективы исследования связаны с определением форм и методов использования нематериального наследия М. И. Платова в патриотическом воспитании.

Prospects of the study. The prospects of the research are connected with the definition of forms and methods of using the intangible heritage of M. I. Platov in patriotic education.

Ключевые слова: атаман М. И. Платов, этноисторический феномен, Войско Донское, патриотизм, национальные ценности, Отечественная война 1812 г., этнический кларк, нематериальное наследие, Старочеркасск, монумент.

Keywords: ataman M. I. Platov, ethno-historical phenomenon, Don Army, patriotism, national values, Patriotic War of 1812, ethnic clark, intangible heritage, Starocherkassk, monument.

Введение

Когда обозначилась дата – 270-летие атамана Платова, в памяти всплыли пушкинские строки:

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный.

К нему не зарастет народная тропа...»

На Дону 2023 год объявлен Годом Матвея Ивановича Платова.

Сколько поколений прошли свой путь по этой земле за почти три столетия, а нерукотворный памятник стоит – имя живет.

Уже в XXI веке в Ростовской области проводилось социологическое исследование, результаты которого опубликованы: «Среди наиболее знаковых личностей у казачества лидируют военные, отчасти мифологизированные в народной памяти герои-атаманы: М. И. Платов – 52,8 %, Ермак – 25,2 % и Я. П. Бакланов – 17,1 %» (Казачество как этносоциальный феномен... 2011. С. 24).

Мифологизированные? Пожалуй, но в основе мифа – личность, оставившая мощный след в отечественной истории. Личность, память о которой, оказывается, и через века важна для потомков, обретающих свою систему координат в меняющемся мире. В мире с неслыханной и непредставимой прежде густотой коммуникаций, где стремительно нивелируется национальное, сменяясь универсальным, стираются выработанные веками социально-этические каноны.

Нынешняя реальность неизбежно вызывает исторические параллели: «В годину военных бурь становятся явными, очевидными физические и духовные возможности и потенции народа; война обнажает все внутренние противоречия и пороки общества, она проверяет готовность народа к борьбе...» (Жданов, 2014. С. 277).

На фоне происходящих перемен в последнее время всё активнее происходит обращение – и на государственном уровне в том числе, – к пресловутому нерукотворному, то есть нематериальному наследию.

«В принятой в 2003 г. Генеральной конференцией ООН “Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия” предложено следующее определение нематериального или неосязаемого наследия: “Совокупность основанных на традиции творений культурного сообщества, признанных отражающими ожидания сообщества, поскольку они отражают его культурную и социальную тождественность; его стандарты и ценности передаются устно, посредством подражания или иными средствами”» (Основы музееведения, 2005. С. 63).

В сегодняшней России определение уточнено: «Под нематериальным культурным наследием принято понимать совокупность основанных на традиции форм культурной деятельности и представлений человеческого сообщ-

щества, формирующую у его членов чувство самобытности и преемственности...» (Дорохов, 2020. С. 20–27).

Иными словами, это инструмент, помогающий восстанавливать связь времен. В случае атамана Платова именно нематериальное наследие является основным.

В разные годы, при создании телевизионных фильмов «Портрет атамана в исторических декорациях» и «Казачьи версты 1812 года», автору этих строк довелось знакомиться со многими архивными документами, рукописями и частной перепиской эпохи Платова, сотрудничать с авторитетными историками-исследователями. Соглашусь с утверждением, что биография этого человека, прожившего при трех российских императорах, с каждым из которых у него были особые отношения; познавшего тюремное заключение; участвовавшего во всех войнах своего времени, где решалась судьба России; заложившего пятую и последнюю казачью столицу – Новый Черкасск; названного почетным доктором права Оксфордского университета; эта биография – одновременно и героическая летопись, и документальный детективный роман.

Судя по историческим источникам, интерес к личности атамана, неординарность которого признали еще современники, постоянно сопровождал жизнь этого, самого прославленного, сына Тихого Дона. Еще тогда, в конце XVIII и первые годы XIX веков, во времена далекие от всеобщей грамотности, об атамане Платове было написано больше, чем когда-либо о ком-либо из знаменитых казаков. А ведь давно известно – фактом становится только то, что замечено и описано.

Мы не касаемся песенно-поэтического творчества, впечатляюще отразившего подвиги донского героя в десятках, если не сотнях, и ныне живущих в народе произведений.

В те времена, когда из подвигов донского героя рождались первые легенды, появилась и платовская иконография – от батальных сцен до лубочных картинок. Сегодня в крупных музеях (и не только российских) представлены изображения легендарного казака, созданные русскими и зарубежными художниками. К слову, один из портретов кисти знаменитого живописца В. А. Тропинина, которому вихорь-атаман лично позировал, хранится в собрании Старочеркасского музея-заповедника. В том самом старом казачьем гнезде, разжалованном из столицы в станицу во времена атаманства Платова. Изображенный на нем казачий генерал еще не граф Российской империи, но кавалер многих боевых орденов, уверенно держащий в руке атаманскую булаву.

Портрет был написан до «грозы 1812 года», в значительной степени изменившей ход мировой истории. Ей суждено было стать апогеем воинской славы донского казачества и его легендарного предводителя. Об этом сохранилось множество свидетельств.

Из письма фельдмаршала Кутузова атаману Платову: «Почтение мое к Войску Донскому и благодарность к подвигам его, в течение кампании 1812 года, которые были главнейшею причиною к истреблению неприятеля, лишенного вскорости всей кавалерии и артиллерийских лошадей, следовательно, и орудий, неусыпными трудами и храбростью Войска Донского; сия благодарность пребудет в сердце моем. Сие чувство завещаю я и потомству моему» (Сапожников, 2012. С. 755).

29 октября 1812 года войсковой атаман М. И. Платов был удостоен графского титула. В Высочайшем рескрипте говорилось: «В знак признательности моей к войску Донскому и во изъявление особенного моего благоволения к заслугам вашим признал я справедливым возвести вас с потомством в графское достоинство» (Сапожников, 2012. С. 756). Правительствующий Сенат повелел управляющему Военным министерством князю А. И. Горчакову объявить о пожаловании атамана в графское достоинство всенародно. Честь, которой достаивались немногие.

Начальник штаба 1-й Западной армии генерал А. П. Ермолов констатировал: «Кампанию 1812 года Платов окончил с блеском и славою: дано достоинство графа, даны разные почести. Войска Донского уважены заслуги, и казаки сделались удивлением Европы» (Безотосный, 1999. С. 103).

Фельдмаршал Барклай де Толли признал в письме Платову: «В то достопамятное время не было ни одного случая, где бы Герои Донские не блеснули подвигами военными и патриотическими; не было битвы, где бы они не восторжествовали; не было трудов, которые бы они не преодолели» (Безотосный, 1999. С. 129).

13(25) апреля 1813 года Император Александр I рескриптом на имя атамана Платова изъявил признательность и благоволение Войску Донскому «... за услуги, оказанные в войне против Французов.

Божией милостью, Мы Александр Первый, Император и Самодержец Всероссийский и проч (ее) и проч (ее) и проч (ее).

Объявляем всенародно.

На Дон в нижние и верхние юрты, Нашим Атаманам и казакам, Войсковому Атаману Графу Платову, Правительству войска Донского и всему оному вернолюбезному Нам войску.

Донское Наше воинство, в настоящую ныне с Французами войну, усердием, подвижностью и храбрыми действиями своими оказало важные отечеству услуги. Поголовное ополчение и прибытие оногo в знатных силах к Нашей армии было столь поспешное и скорое, какое тогда токмо бывает, когда совершенная к исполнению долга своего ревность всех и каждого одушевляет и движет. Мужественная и неутомимая бдительность Войскового Атамана Графа Платова, також и сподвизавшихся с ним всех войска сего храбрых Генералов,

Офицеров и всех вообще Донских урядников и казаков, много способствовали к преодолению великих сил неприятельских и к одержанию над ним полных и знаменитых побед. Они непрестанными на него нападениями и частыми с ним битвами везде возбраняли ему способы к продовольствию, и чрез то привели всю многочисленную конницу его в совершенное изнурение и ничтожество. Когда потом, его за пределы Российские претерпел всеконечное и совершенное истребление. Толь знаменитые заслуги и подвиги Донского войска Нашего налагают на Нас долг пред целым светом засвидетельствовать справедливую Нашу к нему признательность и благоволение. Да сохранится сие свидетельство в честь и славу его в памяти потомков» (Агафонов, 2011. С. 141–142).

Текст царского манифеста был отпечатан и разослан в губернские правления, присутственные места, генерал-губернаторам, губернаторам – во все концы Российской империи.

Невероятно интересно читать эти свидетельства, оставленные, что называется, «по горячим следам» событий. В них словно слышны голоса истории, проступают характеры, еще не улеглись страсти... Хочется разглядеть за словами – людей, чьи героические образы знакомы с детства, по знаменитой Военной галерее Зимнего дворца. Среди парадных портретов героев Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813–1814 годов в Эрмитаже есть изображения 14 донских генералов-победителей.

Граф, генерал от кавалерии, войсковой атаман Войска Донского Матвей Иванович Платов изображен в генеральском казачьем мундире образца 1814 года с лентой ордена Св. Андрея Первозванного. «На левой стороне груди серебряная медаль участника Отечественной войны 1812 года, крест австрийского Военного ордена Марии-Терезии 3-й степени, звезды орденов Св. Андрея Первозванного, Св. Великомученика и Победоносца Георгия 2-класса и Св. Владимира 1-й степени, а также портрет английского принца-регента с алмазами. На шее на лентах орденов кресты орденов Св. Александра Невского с алмазами, Св. Великомученика и Победоносца Георгия 2-го класса, австрийского ордена Св. Леопольда 2-й степени, прусского королевского ордена Красного Орла 2-й степени, крест ордена Св. Иоанна Иерусалимского и именная золотая медаль» (Агафонов, 2011. С. 248).

Не раз приходилось слышать, что Платов сделал для казачества то же, что Петр Великий для России – прорубил для уникального этносоциального феномена окно в Европу.

Вернувшись на Дон после сколь многотрудного, столь и триумфального похода, увенчанный европейской славой старый воин подписал этот, возможно самый необычный за все годы его атаманства, Указ:

«В сие-то незабвенное время, когда никакое помышление не занимало более душ наших, как токмо одна забота о спасении Отечества нашего, все вооб-

ще воины Донские, исключая старцев осмидесяти и далее лет и ребят 10 и 12 лет, отправились с поспешностью в известный им путь славы... край Донской оставался совсем почти безлюдным... По совершении обязанностей наших на ратном поле, возвратились по благодати Всемиловейшего Государя нашего в жилища наши, и что же ... обрели мы в домах наших? Тот же порядок, то же благоустройство. Жены Донския сохранив верность и привязанность к мужьям своим, с коими были столь долго разлучены важными обстоятельствами всеобщих дел, спешили к ним с горячею любовью своею. Оне сохранили дома и имущества; оне вскормили в отсутствии их оставленных младенцев, кои также будут полезны отечеству, как и отцы их... Такое усердие, такая привязанность и уважение жен Донских к мужьям своим не заслуживают ли особой похвалы? Не способны ли оне потрясти каждое чувствительное сердце? ... Проникнутой чувствиями сими, я в сердечную себе обязанность вменяю, по долгу звания, Высочайше на меня возложенного, принести чрез сие всем женам воинов Донских мою совершеннейшую благодарность ... Пускай верность и усердие их, а наша за то к ним признательность, взаимное уважение и любовь, послужат в позднейшем потомстве правилом для поведения и нравственности жен Донских» (Астапенко, 2013. С. 79).

Феномен донских казаков, их победное участие в наполеоновских войнах, личность предводителя на протяжении столетий неизменно продолжали привлекать внимание военных историков, ученых, писателей. Этой теме в России и за рубежом посвящены многочисленные мемуары, статьи, монографии, диссертации и литературные произведения.

Символично, что именно в 1942 году, когда Государственный архив Ростовской области находился в эвакуации в Омске, его сотрудниками был подготовлен первый в советское время сборник документов «Донские казаки в Отечественной войне 1812 года». Публикация даже небольшой части подлинных материалов из Атаманской канцелярии в тяжелую пору противостояния с фашистской Германией вызвала огромный интерес, и в 1943 году состоялось переиздание сборника архивных документов.

С годами, когда актуальная некогда политика становилась историей, открылись прежде неизвестные отечественные и зарубежные архивные материалы, в научный оборот были введены новые факты. У исследователей появилась возможность скрупулезного, не эмоционального, а научно-критического разбора событий, потрясавших Европу 200 лет назад. Сегодня в свободном доступе объективные научные публикации, где день за днем, верста за верстой рассмотрены стратегия и тактика донцов и их атамана.

Обратимся к заключениям современных экспертов.

А. С. Сапожников «В сражениях при Мире, Романове, Могилеве, Молевом Болоте, Спас-Купле и Тарутине казаки одержали несомненные победы,

используя свою самобытную тактику. В то же время в истории Отечественной войны 1812 года отсутствуют примеры, когда европейская кавалерия разгромила бы казачью конницу.

...Впору говорить о некоем казачьем феномене 1812 года.

...Важнейшим показателем является количество захваченных казаками орудий. При вторжении артиллерия армии Наполеона насчитывала 1066 орудий. Большинство из них были довезены до Москвы; при отступлении они превратились в непосильную тяжесть. Платов утверждал, что его корпус захватил 547 орудий; вероятно, для этого у него были основания, поскольку трофеи такого рода, как правило, сдавались под расписку. По окончании Отечественной войны учредили специальную Комиссию, занимавшуюся сбором трофейной артиллерии. Всего было собрано 874 орудия, впоследствии их выставили перед зданием Арсенала в Московском Кремле. Там находятся французские, австрийские, неаполитанские, баварские, итальянские, голландские, баденские, ганноверские, саксонские, польские, испанские, вестфальские, вюртембергские пушки. Эта самая обширная коллекция орудий, принадлежавших одной армии, является уникальной – подобного трофея в мире больше не существует. Значительная ее часть собрана казаками, это своеобразный памятник их заслугам в 1812 г.» (Сапожников, 2012. С. 744).

В. М. Безотостный: «Успехи донских полков, а следовательно, и командовавших ими генералов, действительно можно назвать блистательными. Только количественные показатели корпуса Платова могли впечатлить любого. В кампанию 1812 года было взято 30 знамен и штандартов, 500–548 орудий противника, от 50 до 70 тысяч пленных...

...Платов во второй период Отечественной войны, как умудренный опытом предводитель казаков, выразитель казачьего духа и менталитета, проявил качества столь необходимые любому военачальнику. Ему были присущи понимание реальных условий войны, здравый смысл и умение заглядывать в будущее (т. е. он стремился сохранить боеспособность полков для предстоящих кампаний)» (Безотостный, 1999. С. 104–105).

Не секрет, что побежденный Наполеон не раз, даже в военно-теоретических работах возвращался к теме казаков. Еще подробность из исследования А.С. Сапожникова: «К концу жизни полководцу стало казаться, что его миссией было не что иное, как спасение Европы от казаков. Не случайно Коленкур, воспроизводя беседы с Наполеоном, сделал важное заключение: “Все свои затруднения он приписывал исключительно помехам со стороны казаков”» (Сапожников, 2012. С. 744).

Двадцать лет назад, в основанном атаманом Платовым Новочеркасске, единственный в мире Музей истории донского казачества, где хранятся боевые реликвии национального героя, инициировал проведение «Платовских

чтений». Начинание вызвало широкий резонанс, состоялось уже шесть научно-практических конференций этого цикла, где представляют свои изыскания, поиски и открытия, связанные с эпохой «вихорь-атамана», российские ученые. В кругу обсуждения не только биографические, военные, исторические аспекты, но и платовское наследие. Нематериальное, разумеется, с материальным давно разобрались прямые потомки. Речь о том, что, не имея физической субстанции, вполне осязаемо влияет на мир.

Как не вспомнить в этой связи ставшие хрестоматийными слова Юрия Андреевича Жданова: «Категории духа у нас явно не повезло. Почему-то она была полностью отдана на откуп анимизму, философскому идеализму, теологии и вычурной фантастике. Однако существует несомненно объективное содержание в привычных высказываниях: “здесь русский дух, здесь Русью пахнет”; “и всюду меркантильный дух”; “чтоб истребил Господь нечистый этот дух пустого, рабского, слепого подражанья”. И Толстому не случайно принадлежит заключение о том, что нашествие Наполеона на Россию потерпело крах, столкнувшись с неукротимым духом русского народа» (Жданов, 2014. С. 273).

Один из участников «Платовских чтений» профессор из Новочеркасска А. П. Скорик подошел к проблеме философски. Он посвятил свою работу теме «Атаман М. И. Платов – имя, знак, символ»:

«...Различные исследователи приложили немало усилий, чтобы судьба атамана Платова была детально раскрыта для потомков и познана хроникально, биографически, фактологически... Однако в исторической судьбе атамана наличествует абсолютная творчески-волевая жизненность, выражающая всю глубину имени и сущность... ибо его имя, по нашему мнению, значит нечто большее, нежели иное собственное имя.

Имя Платова буквально пронизано духом имеславия. Речь идет о вполне описываемых качествах личности атамана, таких как храбрость, преданность Отечеству и трону, патернализм по отношению к рядовому казаку. Понятое онтологически имя донского героя является особым местом встречи смысла человеческой мысли и имманентного смысла предметного бытия, что в законченном выражении делает имя Платова “идеей”, улавливающей и очерчивающей “эйдос” (некую субстанциональность, этнический кларк) существо биоэнергетики казачества как социального образования.

Этнический кларк отражает степень развития этнического сообщества донских казаков, аккумулирует пассионарную энергию, накладывает отпечаток на особенности культуры указанного социального образования, поддерживается определенной численностью людей (имеющей позитивную демографическую динамику), имеет личностное выражение, обеспечивает социальную целостность данного сообщества. Другими словами, это этническое “Я”, которое позволяет проводить сциетистски последовательно и вер-

бально-произвольно идентификацию и самоидентификацию. В свою очередь Платов выступает знаковым выражением этнического сообщества донских казаков и личностным импульсом этнического кларка» (Скорик, 2006. С. 19).

А. П. Скорик приходит к выводу, с которым трудно не согласиться:

«Имя Платова – интерсубъективный посредник, структур-медиатор в социальных взаимодействиях и коммуникации донских казаков. С его помощью донцы приобретают знания о своем историческом прошлом, с его помощью сохраняют свидетельства об этом историческом прошлом. В свою очередь, это позволяет преобразовывать полученное знание о Платове и транслировать его последующим поколениям донских казаков» (Скорик, 2006. С. 21).

Время подтвердило, что имя Матвея Ивановича Платова осталось для потомков как синоним, как символ победы.

Мы уже касались того, что историческая память о легендарном атамане хранится текстуально – в многочисленных письменных источниках и публикациях; визуально в обширной иконографии – от живописных портретов до книжных иллюстраций. Сложнее обстоит дело с архитектурными памятниками, которые можно буквально пересчитать по пальцам.

На родине героя – в бывшем Черкасске, а ныне Старочеркасской станице, чудом сохранилась Петропавловская церковь, где в 1853 году крестили будущего предводителя донцов. В центре станицы возвышается Воскресенский собор с майданом, где в августе 1801 года на войсковом казачьем круге новому атаману торжественно вручили булаву и насеку.

Из года в год военно-походная жизнь не оставляла Платову достаточно времени для занятий мирным строительством, в том числе в новой казачьей столице. Однако и первая гимназия, и первая типография в здешних краях – его дело. В Новочеркасске из сохранившихся строений помнят атамана только две каменные (первые в России) триумфальные арки. Они в последние годы его земной жизни были возведены в честь победы над Наполеоном. Платову не довелось увидеть величие заложенного им города и Вознесенского кафедрального собора, но именно под этими сводами покоится ныне его прах.

Мемориальных платовских мест сохранилось немного, однако это легендарное имя и столетия спустя носят улицы (не только на Дону), школы, кадетские корпуса, вузы, аэропорт и даже пароход.

В год 100-летия вихрь-атамана 9 мая 1853 года в центре Новочеркаска состоялось грандиозное торжество – открытие первого народного памятника М. И. Платову. Деньги на него собирали всем миром по подписке, свою лепту внесло и войсковое правительство. Авторы проекта академики А. А. Иванов и Н. А. Токарев, скульптура была отлита из бронзы в мастерской П. К. Клодта. На пьедестале золотыми буквами надпись: «Атаману графу Платову за военные подвиги с 1770 по 1816 год. Признательные донцы». Через несколько

лет вокруг пьедестала установили 10 трофейных пушек, 8 из них в 1813 году по приказу Платова были доставлены казаками с полей битвы на Дон.

Это событие подробно запечатлел художник Карл Мазер. Годы спустя, когда в Новочеркасске был открыт казачий музей, тогдашний атаман Войска Донского Максимович увидел историческую картину на аукционе в столице и купил ее в подарок музею. Пережив революции и войны, живописное полотно «Открытие памятника М. И. Платову в Новочеркасске в 1853 г.» и в наши дни повествует о масштабе торжества.

По удивительному совпадению, в 1862 году – ровно через полвека после наполеоновских войн – в центре Новгородского кремля был открыт уникальный монумент, посвященный не герою или событию, а целому народу. Народу великой страны. Это памятник Тысячелетию России по проекту М. О. Микешина. На нем запечатлены, выбранные из бесконечной вереницы достойнейших личностей разных эпох, 109 наших соотечественников, которым выпало олицетворять тысячелетнюю историю огромной державы. Среди них всего четыре героя Отечественной войны 1812 года – Кутузов, Багратион, Барклай де Толли и атаман Платов.

Новая историческая реальность страны диктовала смену кумиров. Само слово «казак» оказалось под запретом. В 1923 году в Новочеркасске памятник Платову был снят с пьедестала, отправлен на переплавку, а затем его место на постаменте занял вождь мирового пролетариата.

Но колесо истории совершило круг, меняя исторический ландшафт. В 1973 году в Москве перед зданием Бородинской панорамы установили «Памятник М. И. Кутузову и славным сынам русского народа, одержавшим победу в Отечественной войне 1812 года». В окружении фельдмаршала среди военачальников – Матвей Иванович Платов.

В годы перестройки, переходя к приоритету рыночных отношений, Россия распахнула двери перед экспансией новых ценностей. Агрессивные ценности потребления изрядно потеснили традиционные для многих поколений устои и принципы, патриотизм в том числе. Произошла серьезная трансформация социально-политических и нравственных ориентиров, особенно среди молодежи. Оказалось, что и аксиомы нуждаются в доказательстве, и что без духовного наследия страна беззащитна.

Однако нельзя не заметить упрямо проходящую через века тенденцию – годы идут, но снова и снова появляются энтузиасты или, как говорили в платовскую пору, «охотники», напоминать соотечественникам национальную историю. Так, вдохновленные высоким именем, потомки создают в память о великом сыне Тихого Дона монументы.

В 1993 году усилиями многих подвижников в Новочеркасске, при параде всех казачьих войск современной России, с церемониалом, повторившем тор-

жества 1853 года, на исторический пьедестал напротив атаманского дворца была водружена точная копия первого бронзового памятника М. И. Платову, восстановленная по старым чертежам скульптором В. В. Тарасенко.

В 2003 году в дни торжественного празднования на Дону 250-летия М. И. Платова на его родине в станице Старочеркасской был открыт бронзовый бюст, а на площади перед Вознесенским собором в Новочеркасске установлен конный бронзовый памятник атаману работы скульптора А. А. Скнарина.

В год 260-летия национального героя был сооружен величественный памятник атаману Войска Донского М. И. Платову в Москве, в исторической части столицы – казачьем сквере на Красноказарменной улице. Автор проекта – донской скульптор К. Р. Чернявский.

В 2015 году авторская копия памятника, по инициативе губернатора Ростовской области В. Ю. Голубева, установлена в центре Ростова-на-Дону.

Четверть века назад нам, творческой группе ГТРК «ДОН-ТР», посчастливилось снять для фильма о Платове бесценный раритет. Это хранящийся в Государственном историческом музее оттиск золотой медали в 30 червонцев для ношения на шее, пожалованной за подвиг, совершенный в 1774 году на Кубани. На лицевой стороне медали – портрет Екатерины II, на оборотной – надпись: «За ревностную и усердную службу Донского войска полковнику Матвею Платову».

Речь далее о самом первом подвиге будущего атамана, с которого началась его всероссийская слава.

В начале 1774 года на Кубани двадцатилетний казачий полковник Платов служил в отряде подполковника И. Бухвостова. За два с лишним столетия о знаменитом военном эпизоде написано очень много, но мы процитируем А. С. Сапожникова, предложившего:

«...рассказать об этом сражении только на основе документов, отбросив все позднейшие наслоения в виде преданий и легенд, справедливость которых трудно проверить...»

2 апреля походный полковник Платов был командирован с 200 казаками на помощь полковнику Степану Ларионову, прикрывавшему переселение верных России ногайцев на реку Ею. Как видно из рапорта, старшим из них был Платов. Охранявшие обоз казаки ожидали нападения противника, поскольку встретили они его 3 апреля уже в “сделанном ими ретраншаменте”. Что представляло собой это укрепление, из документов не видно, а мнения историков на этот счет расходятся. Утром 3 апреля подошел хан Девлет-Гирей со своим войском, которое “состояло из некрасовцев, черкесов, арапов и наших вероломных союзников татар”. Численность их Платов и Ларионов определяют в 20 тысяч... Казаков же у Платова было менее тысячи... и вооружен он был гораздо хуже, в основном луками и холодным оружием. Девлет-Гирей два-

ды предлагал Платову сдаться и обещал награду. В течение дня противник семь раз атаковал засевших в укреплении казаков, но безуспешно. За два часа до захода солнца на помощь осажденным пришел подполковник Бухвостов с двумя полками и обратил войско Девлет-Гирея в бегство, несмотря на его десятикратное превосходство.

Платов во время этого боя проявил себя с наилучшей стороны. По оценке Бухвостова: “Войска Донского походный полковник Платов, который будучи в осаде от неприятеля, оказался неустрашимым, ободряя своих подчиненных почти в отчаяние приходящих, удержал в слабом своем укреплении до моего к ним прибытия”.

Победную реляцию о разгроме Девлет-Гирея опубликовали в “Санкт-петербургских ведомостях” и имена отличившихся стали известны всей России» (Сапожников, 1995).

Как сказал позднее Денис Давыдов: «Если кому-нибудь придется быть в таком положении, то пусть приведет себе на память подвиг молодого Платова, и успех увенчает его оружие. Фортуна, не всегда слепая, возведет, быть может, твердого воина на ту ступень славы, на которую вознесла она масти того героя Дона» (Астапенко, 2013. С. 13).

Такова история. 243 года спустя она получила продолжение. Сообщение ТАСС от 1 ноября 2017 года:

«ПРИВОЛЬНОЕ / Ставропольский край / 1 ноября / ТАСС /. Казаки Ставрополья, Кубани и Ростовской области открыли в среду памятник герою Отечественной войны 1812 года атаману Войска донского Матвею Платову, передает корр. ТАСС. Монумент находится возле ставропольского села Привольное недалеко от пересечения границ трех регионов. Известность атаману Платову принесло его первое сражение, которое состоялось на территории нынешнего Ставропольского края. Возле хутора Богомолов у реки Калалы в 1774 году произошла историческая битва казачьих полков с турецкими войсками...

Идея увековечить память Платова возникла у жителей Ставропольского края, деньги на создание памятника собрали жители региона, приняли участие и инвесторы. Высота скульптуры – 5,5 м, высота всего монумента составляет около 10 м. В основание памятника вмонтирован бронзовый барельеф, который рассказывает о подвиге атамана.

“Здесь сходятся три прекрасных уголка России – Ростовская область, Краснодарский край и Ставрополье. Именно здесь стоит этот монумент, и все, кто будет проезжать, – все будут вспоминать о победах... – сказал на церемонии председатель Ставропольской краевой думы Геннадий Ягубов”»¹.

¹ На Ставрополье открыли памятник донскому атаману Платову. – 01.11.2017 // URL: https://tass.ru/kultura/4695390?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 26.06.2023).

Памятник создавался при поддержке Российского военно-исторического общества. Автор монумента – академик Российской академии художеств, заслуженный художник РСФСР, донской скульптор Сергей Олешня.

Говоря о подвиге молодого Платова, как не вспомнить заповедь донских казаков еще со времен Азовского осадного сидения. Их нельзя было подкупить, не было среди них случаев предательства, уже после заграничных походов ни один казак не остался за кордоном. Это впитывалось с молоком матери.

За долгую жизнь «в делах и походах» сын казачьего старшины Ивана Платова совершил немало подвигов: были и Измаил, и Очаков, и другие славные сражения, оставшиеся в военной истории Отечества. С именем атамана Платова вошло в энциклопедии и военные учебники местечко под названием Мир, которое сегодня помнят только специалисты.

В июне 1812 года «непобедимая» армия Наполеона перешла Неман. Русские войска под натиском неприятеля отступали вглубь страны, не давая сражения. Прикрывали арьергард 2-й Западной армии князя Багратиона донские казаки под предводительством Платова. Генерал И. Ф. Паскевич вспоминал: «С ним было 10 полков, не составлявшие и 4 тыс., но они в этом случае полезнее были 10 полков регулярной кавалерии. Казаки везде высматривали, о всем давали знать и под предводительством Платова дрались необыкновенно» (Паскевич, 1995. С. 82).

Через две недели непрерывного отступления Багратион прислал приказ Платову задержать противника у местечка Мир, чтобы дать отдых изнуренной русской армии.

«Перед войной с Россией Наполеон, знавший цену казакам, сделал ставку на союзную польскую кавалерию, которая, наряду с венгерской, считалась лучшей кавалерией Европы. Сам Платов считал, что польские кавалеристы “служат великою подпоркою” французам.

Польская кавалерия, со всем польским гонором, оторвалась от своей и французской пехоты и напала на арьергард Багратиона. И тут свое слово сказали казаки Платова» (Донское казачество в Отечественной войне 1812 г., 2012. С. 7).

Бой 27 июня 1812 года подробно описан в воспоминаниях генерала И. Ф. Паскевича: «На рассвете 27-го показались три полка польских улан под командою генерала Турно. У Платова был свой образ войны. Осмотрев неприятеля, он разделял свой отряд на несколько частей, смотря по удобству. Одну скрывал направо, а другую налево, и остальные должны были маячить перед неприятелем, то есть иногда броситься, потом уходить, заманивать и наводить его таким образом на фланговую засаду. Тогда, ударив неприятеля во фланг и в тыл, гнали и истребляли его, если он смешается, если даже

упорно держался и нельзя было одолеть его силою, то отступали врассыпную и опять собирались в известном пункте. Точно так поступил Платов и в этом случае. Три полка уланов были совершенно разбиты. Генерал Турно едва спасся. Нам досталось более 400 пленных, в том числе 2 подполковника» (Паскевич, 1995. С. 82).

В Государственном архиве Ростовской области хранятся рапорт атамана Платова Багратиону об этом сражении:

«Извещаю с победою, хотя с небольшою, однако же и не так малою, потому что еще не кончилась, преследую и бью. Может быть, и весь 6-ти полков авангард под командой генерала Турно и Радзиминского погибнет. Пленных много, за скоростью не успел перечесать и донести. Есть штаб-офицеры. С Меньшиковым донесу.

А на первый раз имею долг и с сим вашего сиятельства поздравить. Благослови, господи, более и более побеждать. Вот вентерь много способствовал, оттого и начало пошло.

Особо: у нас, благодаря Богу, урон до сего часа мал. Избавь, всевышний, от того и вперед, потому что перестрелки с неприятелем не вели, а бросились дружно в дротики и тем скоро опрокинули, не дав им поддержаться стрельбою.

Генерал от кавалерии Платов
27 июня 1812 года» (Коршиков, 2004. С. 67).

Вентерь – истари используемая на Дону рыболовная снасть, попадая в которую рыба уже не может выйти. Именно так называли казаки засады, устраиваемые для неприятеля. Старый казачий прием и на этот раз принес победу.

Багратион 27 июня отдал приказ по армии, начинавшийся словами: «Наконец неприятельские войска с нами встретились, и генерал от кавалерии Платов гонит их и бьет» (Сапожников, 2012. С. 137).

На следующий день польская кавалерия попыталась взять реванш, но не удалось. Об этом событии в дореволюционной «Военной энциклопедии» сказано:

«Мир, мест. Минской губернии. Арьергардное дело 27–28 июня 1812 года.

В противоположность неприятелю, позволившему разбить свою кавалерийскую дивизию на глазах прочих войск, действия Платова являются образцом сочетания осторожности и решительности. Сначала он пробует заманить в ловушку, а когда это не удается, то ... не теряя ни минуты, переходит в энергичное наступление» (*Военная энциклопедия, 1914. С. 338–339*).

История сохранила для потомков рапорт атамана Багратиону о втором сражении под Миром:

«Поздравляю ваше сиятельство с победою и с победою редкою над кавалериею. Что донес вам Меньшиков, то было только началом, после того сильное сражение продолжалось часа 4, грудь на грудь, так что я приказал придвинуть гусар, драгун и егерей.

Генерал Кутейников подоспел с бригадою его и ударил с правого фланга моего на неприятеля так, что из 6-ти полков неприятельских едва ли останется одна душа или, быть может, несколько спасется.

Я вашему сиятельству описать всего не могу, устал и на песке лежащий, пишу. Донесу, соображаясь за сим, но уверяю, будьте о моем корпусе покойны. У нас урон невелик по сему редкому делу, так что дрались грудь в грудь. Генерал-майор Иловайский 5-й получил две раны – сабельную в плечо легко и в правую ногу пулей, но он кончил свое дело. Генерал-майор и генерал-адъютант Васильчиков отлично в моем виде и с первым эскадронами ударил в лицо неприятелю и во все время удивительно храбро сражался. О коем как пред богом, так и пред начальством я должен отдать мою справедливость. Полковник-адъютант его высочества великого князя Шперберг был при мне и много, много помогал и способствовал в сей победе.

Генерал от кавалерии Платов
28 июня 1812 г. Близ Мира на песку»
(Коршиков, 2004. С. 67–68).

«Раевский сообщил 28 июня жене: “Казаки истребили вчера три полка кавалерии французской, польской и саксонской, и их авангард больше не появляется. Они утверждали, что мы отступали вследствие страха, который они нам внушают. Теперь их в этом разубедили”» (Сапожников, 2012. С. 137).

Барклай де Толли писал в приказе по 1-й армии: «Сейчас получено из 2-й Западной армии... Там при местечке Мире генерал Платов с казаками своими истребил совершенно три целые полка неприятельской кавалерии. Теперь ваша, храбрые воины, очередь наказать дерзость врага, устремившегося на Отечество наше. Время к тому уже наступило» (Сапожников, 2012. С. 137).

Мы еще раз обратимся к мемуарам генерала Паскевича: «Это дело имело большие последствия в нравственном отношении. В кавалерии или бьют всегда, или же всегда бывают биты. Все зависит от первого успеха. Платову необходимо было разбить неприятеля под Миром, чтобы остановить хвостовство и наглость поляков» (Паскевич, 1995. С. 82).

Это была первая победа русского оружия с начала войны с Наполеоном и пришла она на годовщину Полтавской битвы. Благодарственный молебен прошел по всей России.

Как завещание, остались слова атамана, сказанные 200 лет назад, после победы: «...Остатки европейцев, кои были в нечестивой армии коварного и злого неприятеля, возвестят соотчичам своим, каково ходить на Русь, – больно и дерзко задевать Россию» (Коршиков, 2004. С. 10).

Во время съемок фильма о Платове нам довелось побывать в местечке Мир. Белорусские историки утверждают, что визуально там ничего не изменилось за 200 лет – тот же замок, то же поле... Там только нет ничего, что

напоминало бы о бесстрашной битве донских казаков, с которой начались многие славные победы. Это несправедливо.

Возможно, час настал, и 270-летие вихорь-атамана хороший повод обозначить для потомков историческое место под названием Мир?

Список источников

Агафонов А. И. Донские генералы в Военной галерее Зимнего дворца / А. И. Агафонов. – 2-е изд., испр. и доп. – Ростов-на-Дону: Омега Паблишер, 2012. – (Донская библиотека 1812 года). – ISBN 978-5-902441-38-0. – EDN QPXTVZ.

Астапенко М. П. Вихорь-атаман. Историко-научное повествование / М. П. Астапенко. – Ростов-на-Дону: Ростовкнига, 2013. – 448 с.

Безотосный В. М. Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году: Малоизвест. и неизвест. факты на фоне знаменитых событий / В. М. Безотосный; Гос. ист. музей. – Москва: РОССПЭН, 1999. – 190 с. – ISBN 5-8243-0076-3.

Военная энциклопедия / под ред. Ген. штаба полк. В. Ф. Новицкого, воен. инж. подполк. А. В. фон Шварца [и др.]. [Т. 1 – Санкт-Петербург: Т-во И. Д. Сытина, 1911–1915. – Ред. т. 5–18: заслуж. проф., воен. инж. ген.-лейт. К. И. Величко, полк. В. Ф. Новицкий [и др.].

Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг.: сборник документов / Федеральное архивное агентство, Российский гос. военно-ист. архив [и др.]; [сост.: Е. П. Лукьяшко (отв. сост.) и др.]. – Ростов-на-Дону: Российский гос. военно-ист. архив [и др.], 2012. – 736 с. – ISBN 978-5-87259-639-4.

Дорохов Н. И. «Сохранение нематериального культурного наследия» как социально-правовой институт и его значение в современном обществе: теоретические, методологические и правовые аспекты / Н. И. Дорохов // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. – 2019. – № 1. – С. 137–146. – DOI 10.25586/RNU.V9276.19.01.P.137. – EDN YWMAUX.

Казачество как этносоциальный феномен современной России: (по результатам социо-

References

Agafonov A. I. (2012) Don generals in the Military Gallery of the Winter Palace / A. I. Agafonov. – 2nd edition, corrected and expanded. – Rostov-on-Don: Omega Publisher. – (Don Library of 1812). – ISBN 978-5-902441-38-0.

Astapenko M. P. (2013) “Vikhor”-ataman. Historical and scientific narration / M. P. Astapenko. – Rostov-on-Don: Rostovkniga. – 448 p.

Bezotosny V. M. (1999) Don generals and ataman Platov in 1812: Little known and unknown facts against the background of famous events / V. M. Bezotosny; State Historical Museum. – Moscow: ROSSPEN. – 190 p. – ISBN 5-8243-0076-3.

Military Encyclopedia (1911–1915) / Under the editorship of the General of Staff Colonel V. F. Novitsky, Military Engineer Lieutenant Colonel A.V. von Schwartz [et al.]. [Vol. 1 – St. Petersburg: I. D. Sytin’s Partnership, 1911–1915. – Ed. of Vol. 5–18: Honored Prof., Military Engineer Lieutenant General K. I. Velichko, Colonel V. F. Novitsky [et al.].

The Don Cossacks in the Patriotic War of 1812 and the foreign campaigns of the Russian army of 1813–1814: a collection of documents (2012) / Federal Archival Agency, Russian State Military Historical Archive [et al.]; [compiler: E. P. Lukyashko (responsible compiler) et al.]. – Rostov-on-Don: Russian State Military Historical Archive [et al.] – 736 p. – ISBN 978-5-87259-639-4.

Dorokhov N. I. (2019) «Preservation of intangible cultural heritage» as a socio-legal institution and its significance in modern society: theoretical, methodological and legal aspects / N. I. Dorokhov // Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society. –

логического исследования казачества Дона) / Ф. А. Барков, В. П. Водолацкий, Д. О. Садко [и др.]; Южнороссийский филиал Института социологии Российской академии наук, Сектор социологии казачества, Институт по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Южного федерального университета. – Ростов-на-Дону: Антей, 2011. – 168 с. – ISBN 978-5-91365-153-2. – EDN QPUXJL.

Коршиков Н. С. Дворяне и графы Платовы / Н. С. Коршиков. – Ростов-на-Дону: NB, 2004. – (История и генеалогия Донского дворянства). – ISBN 5-98155-009-0. – EDN QOXPZV.

Основы музееведения: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 052800 «Музейное дело и охрана памятников» / Т. В. Абанкина, К. З. Акопян, Л. Е. Востряков [и др.]; Министерство культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, Федеральное агентство по культуре и кинематографии, Государственный институт искусствознания, Российский ин-т культурологии; [Т. В. Абанкина и др.]; отв. ред. Э. А. Шулепова. – Москва: Едиториал УРСС – 502 с. – (Academia XXI: учебники и учебные пособия по культуре и искусству). – ISBN 5-354-00857-3. – EDN QUTSQF.

Паскевич И. Ф. 1812 год в воспоминаниях современников / Рос. АН, Ин-т рос. истории; [редкол.: А. Г. Тартаковский (отв. ред.) и др.]. – Москва: Наука, 1995. – 202 с. – ISBN 5-02-009607-5.

Сапожников А. И. Граф Матвей Иванович Платов. Опыт научной биографии: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / А. И. Сапожников. – Санкт-Петербург, 1995. – 17 с. – EDN ХНХGUP.

Сапожников А. И. Войско Донское в Отечественной войне 1812 года: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат дис. ... доктора исторических наук / А. И. Сапожников. – Санкт-Петербург, 2013. – 52 с. – EDN SVGVIZ.

Скорик А. П. Атаман М. И. Платов – имя, знак, символ // Краеведческие записки. Сб.

№. 1. – Pp. 137–146. – DOI: 10.25586/RNU.V9276.19.01.

Cossacks as an ethnosocial phenomenon of modern Russia: (based on the results of a sociological study of the Don Cossacks) (2011) / F. A. Barkov, V. P. Vodolatsky, D. O. Sadko [et al.]; South Russian branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Sector of Sociology of the Cossacks, Institute for Retraining and Advanced Training of Teachers of Humanities and Social Sciences of the Southern Federal University. – Rostov-on-Don: Antey. – 168 p. – ISBN 978-5-91365-153-2.

Korshikov N. S. (2004) Nobles and Counts of Platov / N. S. Korshikov. – Rostov-on-Don: Publishing house NB. – (History and genealogy of the Don nobility). – ISBN 5-98155-009-0.

Fundamentals of Museology: a textbook for university students studying in the specialty 052800 «Museum business and Monument Protection» (2005) / T. V. Abankina, K. Z. Hakobyan, L. E. Vostryakov [et al.]; Ministry of Culture and Mass Communications of the Russian Federation, Federal Agency for Culture and Cinematography, State Institute of Art Studies, Russian Institute cultural studies; [T. V. Abankina et al.]; ed. by E. A. Shulepov. – Moscow: Editorial URSS, 2005. – 502 p. – (Academia XXI: textbooks and manuals on culture and art). – ISBN 5-354-00857-3.

Paskevich I. F. (1995) 1812 in the memoirs of Contemporaries / Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History; [Editor: A. G. Tartakovsky (ed.), etc.]. – Moscow: Nauka. – 202 p. – ISBN 5-02-009607-5.

Sapozhnikov A. I. (1995) Count Matvey Ivanovich Platov. Experience of scientific biography: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences / A. I. Sapozhnikov. – St. Petersburg. – 17 p.

Sapozhnikov A. I. (2013) The Don Army in the Patriotic War of 1812: specialty 07.00.02 «Domestic history»: abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences / A. I. Sapozhnikov. – St. Petersburg. – 52 p.

Skorik A. P. (2006) Ataman M. I. Platov – name, sign, symbol // Local history notes.

науч. тр. / Музей истории донского казачества. Ростов-на-Дону: NB, 2006. – С. 19–23.

Ю. А. Жданов о теории и истории культурного строительства / Министерство культуры Ростовской области, Южный федеральный университет Северо-Кавказский научный центр высшей школы, Составитель сборника ведущих научных сотрудников СКНЦ ВШ ЮФУ, профессор Авдулов К. С., Ответственный за выпуск М. Д. Розин – доктор философских наук, профессор. – Ростов-на-Дону: Северо-Кавказский научный центр высшей школы федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования Южный федеральный университет, 2014. – 442 с. – EDN MCDJJCQ.

Collection of scientific tr. / Museum of the History of the Don Cossacks. – Rostov-on-Don: Publishing house «NB». – Pp. 19–23.

Yu. A. Zhdanov on the theory and history of cultural construction (2014) / The Ministry of Culture of the Rostov Region, the Southern Federal University, the North Caucasus Research Center of Higher Education, The compiler of the collection is a leading researcher of the SCSC of the Higher School of the Southern Federal University, Professor-Avdulov K. S., Responsible for the release of M. D. Rozin – Doctor of Philosophy, professor. – Rostov-on-Don: North Caucasus Scientific Center of Higher School of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education Southern Federal University. – 442 p.

Для цитирования: Суркова Л. А. Атаман М. И. Платов – диалог с потомками // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 3 (61). – С. 166–183.
DOI 10.18522/2227-8656.2023.3.13
EDN XHZLIB

История статьи:
Поступила в редакцию – 02.05.2023
Получена в доработанном виде –
07.06.2023
Одобрена – 28.06.2023

Сведения об авторе

Суркова Любовь Александровна
кандидат философских наук, заслуженный работник культуры РФ, редактор студии телевидения ГТРК «Дон-ТР»
surkova@dontr.ru

Information about author

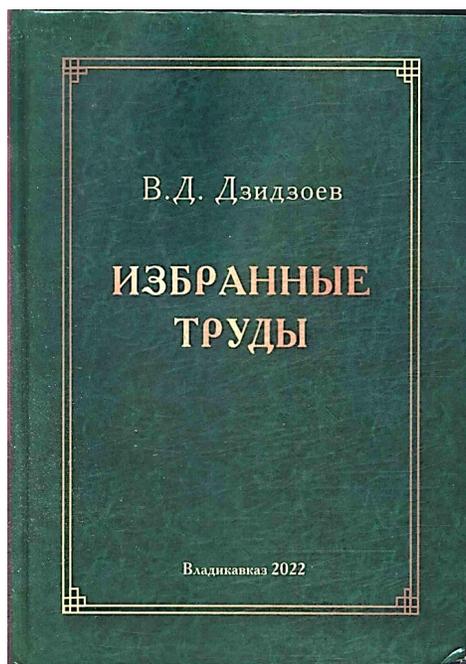
Lyubov A. Surkova
Candidate of Philosophical Sciences, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, editor of the TV studio of GTRK “Don-TR”
surkova@dontr.ru

EDN YSCVJM

Акаев В. Х., Хадиков А. К.

Достойный итог плодотворной научно-исследовательской деятельности. Рецензия на четырехтомник В. Д. Дзидзоева «Избранные труды» (Владикавказ: ВНЦ РАН, 2022. 2506 с.)

Доктора исторических наук, профессора В. Д. Дзидзоева хорошо знают не только в научных кругах Северного Кавказа, но в целом и Российской Федерации. Он ежегодно принимает участие в научных форумах, включая и международные, в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Краснодаре, других крупных отечественных городах. Ученого из Владикавказа приглашали и европейские коллеги в качестве одного из основных докладчиков на международных научных симпозиумах. По проблемам Кавказа он периодически выступал на международных научных конференциях в Польше, Финляндии и других странах. В последние годы В. Д. Дзидзоев принимает активное уча-

стие научных форумах, проводимых в Республике Северная Осетия – Алания, Республике Южная Осетия и Республике Абхазия.

По-прежнему творческая мысль Валерия Дударовича сосредоточена на активном научном поиске решения проблем национальной и федеративной политики Российской Федерации, вопросов межнациональных и межэтнических отношений на Кавказе, малоисследованных проблем выселения в годы Великой Отечественной войны советских народов, а также недостаточно исследованным аспектам их реабилитации. Анализу этих сложных проблем ученый посвятил более четырехсот научных работ, опубликованных в солидных академических журналах, включая Москву, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону и др. Занимаясь более сорока лет активной научно-исследовательской работой, он оставил заметный след в отечественной историографии.

Как закономерный итог (хотя по нашему мнению его еще рано подводить), в 2022 г. вышли в свет четыре тома его «Избранных трудов», ставшие достоянием научной общественности не только Северной Осетии, но в целом и Юга Российской Федерации. Их составителями стали доктора исторических наук, профессора З. Р. Кочкарова (Ставрополь), Х. Г. Магомедсалихов (Махачкала), а также кандидаты исторических наук, доценты Р. М. Никаев (Нальчик), А. К. Кулумбекова и А. Г. Дряев (Владикавказ). Все они являются учениками и последователями профессора В. Д. Дзидзоева. Под его научным руководством или научным консультированием ими в разные годы защищены кандидатские и докторские диссертации. В. Д. Дзидзоевым подготовлены более пятидесяти кандидатов и докторов наук по специальностям: «отечественная история», «политология» и «теория и история права и государства». Он является трижды ваковским профессором по трем разным специальностям. Более сорока лет В. Д. Дзидзоев пользуется известностью в республиках Северного Кавказа, а в целом и на Юге Российской Федерации. Как авторитетный специалист в сфере советской и российской национальной политики, международных отношений, федеративного строительства, национально-государственного строительства народов Кавказа, конфликтологии и политологии, он дважды (2002 и 2005 гг.) выступал с содержательными докладами на заседаниях Государственной Думы РФ.

Первый том (676 с.) посвящен актуальным проблемам национальной и федеративной политики Российской Федерации на Северном Кавказе и международным отношениям в многонациональном регионе. Сюда вошли научные работы ученого, представляющие наибольшую актуальность и востребованность обществом. В первый том включены также две его монографии. В первой отражены проблемы национально-государственного строительства в Осетии и постсоветского периода ее развития. В этой работе В. Д. Дзидзоев сосредоточил свое внимание на политико-правовом и историческом анализе многочисленных проблем в сфере общественно-политической жизни в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. Анализируя многочисленные и сложные проблемы, автор подчеркнул, что на долю Осетии, как на Севере, так и на Юге, выпали суровые испытания, сопряженные с большими жертвами в ходе грузино-осетинской войны 1989–1992 гг. на территории Южной Осетии. Только убитые и раненые исчисляются тысячами с осетинской стороны. Значительные потери понесла и грузинская сторона. Автор исследования, будучи объективным ученым, корректно анализирует противоречивые и запутанные проблемы в сфере национальной политики и международных отношений. Это обстоятельство послужило основанием того, чтобы депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ заслушали в 2002 и 2005 гг. доклады В. Д. Дзидзоева на своих заседаниях.

Вторая его монография «От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР. 1917–1924 гг.» была издана в 2003 г. В ней проанализирована совершенно не исследованная к этому времени проблема – начальный этап национально-государственного строительства коренных народов Северного Кавказа в начале XX в. Ценность этой работы трудно переоценить, ибо о Союзе объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана в советский период писали только в исключительно негативном плане. Во многих публикациях организаторы этой коллективной автономии (первоначально они видели себя только в составе России) представлены как «горские фанатики», «антинародные силы», «мусульманские экстремисты» и т. д. Объективной оценки организаторам Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана никто не давал из отечественных специалистов до появления монографии В. Д. Дзидзоева. Именно поэтому на его монографию дали высокие оценки рецензенты из Нальчика, Краснодара, Ростова-на-Дону и др.

Разумеется, любые фальсифицированные версии о первом опыте национально-государственного строительства на Северном Кавказе ничего общего не имели ни с исторической наукой, ни с общественно-политической стабильностью в многонациональном регионе. Заслуга профессора В. Д. Дзидзоева состоит в том, что он, по нашему мнению, первым не только на Северном Кавказе, но в целом и в Российской Федерации издал научную монографию о совместной коллективной национальной государственности народов Северного Кавказа. Не удивительно и то, что авторские коллективы многотомных историй Чеченской Республики и Республики Дагестан использовали интересную, объективную и содержательную работу В. Д. Дзидзоева.

Во **второй том «Избранных трудов» (598 с.)** В. Д. Дзидзоева включены основные научные работы, где рассматриваются многочисленные и актуальные проблемы фальсификации исторических исследований. Проблема в том, что фальсификационные «научные работы» по отечественной истории стали обычным явлением в общественно-политической и духовной жизни народов нашей страны, и особенно на Северном Кавказе. На протяжении более сорока лет профессор В. Д. Дзидзоев настойчиво и аргументированно ведет борьбу против фальсификации исторических фактов. Именно этой проблеме ученый посвятил в общей сложности около 160 работ. Среди них не только монографии, но и отдельные статьи, опубликованные в российских академических журналах. Составители второго тома включили сюда известную монографию «Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития. Историко-политологическое исследование», выдержавшую два издания (в 2000 и 2004 гг.), в которой автор разоблачает фальсификаторов истории на конкретных примерах. Исследование ученого получило высокие оценки рецензен-

тов, которые опубликовали целый ряд положительных отзывов в солидных академических журналах. А журнал «Научная мысль Кавказа» в 2004 г. счел необходимым провести по нему круглый стол в редакции журнала, то есть в Ростове-на-Дону. Проведение такого масштабного научно-политического мероприятия стало большим событием не только в научной жизни Северной Осетии, но в целом и Юга России. Отметим и то, что монография В. Д. Дзидзоева стала единственной в научном сообществе Осетии, по которой редакция сочла необходимым провести круглый стол. Добавим, что по монографии с высокой долей компетентности и профессионализма высказались крупные ученые со всей страны. Высокую оценку работе дали доктора исторических наук, профессора В. А. Кузнецов, Л. А. Чибиров (Владикавказ), В. В. Трепавлов и Н. А. Емельянова (Москва), Р. М. Куцетеров и Т. И. Булыгина (Ставрополь). Достаточно высоко оценили ростовчане, профессора В. В. Черноус и Н. С. Авдулов, монографическое исследование коллеги из Владикавказа. Все они пришли к выводу, что монография является результатом многолетнего научного труда, обогащает концепцию национальной политики и межнациональных отношений новыми подходами и современным научным анализом. На заседании круглого стола выступили 14 известных ученых, специализировавшихся по данной проблеме. Каждый из них подтвердил не только большой проделанный труд ученого-исследователя, но и приводил конкретный факт достоверности содержащихся в монографии примеров. В заключение участники круглого стола пришли к выводу, что достоверность и обоснованность полученных В. Д. Дзидзоевым результатов определяется глубоким анализом обширной источниковой базы, включающей разносторонние документы, в том числе интересные архивные данные.

Третий том «Избранных трудов» (568 с.) В. Д. Дзидзоева содержит научные работы, представляющие наибольшую актуальность и востребованность. Сюда же включены актуальные работы ученого, где аргументированно и убедительно разоблачаются фальсификации в отдельных исторических трудах. Составители тома включили и работы ученого, посвященные актуальным и недостаточно разработанным научным проблемам по истории не только Осетии, но и Кабардино-Балкарской Республики, в ряде вузов которой автор плодотворно работал на протяжении пятнадцати лет. Ряд отдельных научных исследований автора посвящен анализу проблем чеченского народа, Чеченской Республики, в них представлены существенные добавления и коррективы в устоявшиеся исторические концепции и выводы. В томе опубликована содержательная статья «О роли лженауки в этнополитических процессах на Кавказе в конце XX в. (исторические, политические, и правовые аспекты)», в которой раскрываются межнациональные, этнополитические процессы в регионе, имеющем важное значение для федерального центра.

Работы ученого, включенные в данный том, впечатляют своей аргументированностью и убедительностью.

Сложная, порой и трагическая история народов Северного Кавказа, создает благоприятные условия для параистории, что требует ясного научного анализа, корректных выводов. Профессор В. Д. Дзидзоев вместе со своими единомышленниками борется с лженаукой и фальсификацией «научных исследований», о чем свидетельствует внимательное знакомство с третьим томом его «Избранных трудов».

В **четвертый том «Избранных трудов» (664 с.)** автора включены работы, посвященные межнациональным, этнополитическим и правовым проблемам Абхазии и Южной Осетии, возникших после развала СССР. В. Д. Дзидзоев, который в течение 30 лет анализировал политические события в Абхазии и Южной Осетии, приводит немало конкретных фактов негативного отношения руководства Грузии в этих советских автономиях. Им обстоятельно проанализированы не только архивные документы из Сухума и Цхинвала, но и многие монографические исследования дореволюционного периода, периодическая печать первых лет советской власти.

В четвертый том включены научные разработки ученого, в которых, по мнению составителей, более четко и аргументированно объясняются такие исторические и политико-правовые понятия, как государство, право нации на самоопределение вплоть до отделения и образования нового независимого государства, геноцид, коренной народ и др. Здесь собраны актуальные и интересные научные работы, с которыми В. Д. Дзидзоев выступал на различных научных конференциях, включая международные, в том числе и за границей (Польша, Финляндия и др.). Вошли сюда доклады, научные статьи, опубликованные в российских академических изданиях, например, в журналах «Философия права», «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», «Северо-Кавказский юридический вестник», «Научная мысль Кавказа», «Юридический вестник Дагестанского государственного университета» (г. Махачкала), «Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН» (г. Нальчик) и др. Сюда же включены рецензии на монографические издания В. Д. Дзидзоева.

Теоретические и практические результаты научных исследований В. Д. Дзидзоева, безусловно, могут быть использованы в ходе более глубокого изучения и анализа проблем государственности, национально-государственного строительства на Кавказе. Изученный исторический, политический и правовой опыт в начальный период постсоветской истории применительно к Абхазии и Южной Осетии не только может, но и в обязательном порядке должен стать надежной основой в деле разработки современных подходов к проблемам государственности, совершенствования национальной политики, форм и методов этнополитической стабильности на Кавказе.

Особое место в исследованиях владикавказского ученого занимают различные аспекты и закономерности становления, развития и совершенствования национально-государственного строительства народов Кавказа, Северо-Кавказского многонационального, многоконфессионального региона, что до сих остаются востребованной наукой и обществом проблемой.

Для цитирования: Акаев В. Х., Хадиков А. К. Достойный итог плодотворной научно-исследовательской деятельности. Рецензия на четырехтомник В. Д. Дзидзоева «Избранные труды» (Владикавказ: ВНЦ РАН, 2022. 2506 с.) // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 3(61). – С. 184–189. EDN YSCVJM

История статьи:
Поступила в редакцию – 14.05.2023

Сведения об авторах

Акаев Вахит Хумидович

доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник Комплексного
научно-исследовательского института
им. Х. И. Ибрагимова РАН
Грозный, Чеченская Республика, Россия
akaiev@mail.ru

Хадиков Ацамаз Казбекович

кандидат юридических наук, доцент
кафедры истории, теории государства и
права юридического факультета Северо-
Осетинского государственного
университета им. К. Л. Хетагурова
Владикавказ, Республика Северная
Осетия – Алания, Россия
xadikovacamaz@mail.ru

Information about authors

Vakhit H. Akaev

Doctor of Philosophy, Professor,
Chief Researcher H. I. Ibragimov
Comprehensive Research Institute of the
Russian Academy of Sciences, Grozny, Chechen
Republic, Russia
akaiev@mail.ru

Atsamaz K. Khadikov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of History, Theory of State and Law
of the Faculty of Law of the K. L. Khetagurov
North Ossetian State University
Vladikavkaz, Republic of North Ossetia –
Alania, Russia
xadikovacamaz@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Содержание рукописи должно соответствовать тематике журнала. К публикации принимаются работы, ранее нигде не опубликованные.

Рекомендуемый объем статьи – 1 авторский лист (40 тыс. знаков с пробелами, или 18–20 страниц машинописного текста).

Текст статьи должен быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см.

Рекомендуемое количество источников в списке литературы – 20–25. 40 % из них – иностранные источники.

Языки публикаций: русский, английский.

Информация на русском языке

Название статьи
Фамилия, имя, отчество автора (полностью) Научная степень, звание, должность E-mail: Тел.
Аффилиация <i>Название организации</i> <i>Город</i> <i>Страна</i>
Аннотация (<i>объем от 200 до 300 слов</i>) <i>Содержит информацию о предпосылках исследования, цели, структуре, методах, выводах и предположение о дальнейшей работе</i>
Ключевые слова <i>Ключевые слова разделяются точкой с запятой</i>
Основные положения <i>Отражают ключевые результаты исследования, основное содержание статьи, изложенные тезисно и оформленные в виде 3–5 пунктов маркированного списка</i>

Информация на английском языке

Название статьи на английском языке
Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке Научная степень, звание, должность E-mail: Тел.

Аффилиация на английском языке <i>Название организации</i> <i>Город</i> <i>Страна</i>
Аннотация на английском языке (<i>объем от 200 до 300 слов</i>) <i>Содержит информацию о предпосылках исследования, цели, структуре, методах, выводах и предположение о дальнейшей работе</i>
Ключевые слова на английском языке <i>Ключевые слова разделяются точкой с запятой</i>
Основные положения на английском языке <i>Отражают ключевые результаты исследования, основное содержание статьи, изложенные тезисно и оформленные в виде 3–5 пунктов маркированного списка</i>

Статья должна быть написана в соответствии с международным форматом **IMRaD** (Introduction, Methods, Results, and Discussion).

Каждый раздел статьи отвечает на определенные вопросы.

Введение (I ntroduction)	Какой проблеме посвящено исследование? Введение должно определять суть проблемы (о чем именно идет речь), указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования
Методы (теоретические основы) (M aterials and M ethods (Theoretical basis))	Как изучалась проблема?
Результаты (R esults)	Каковы основные результаты? Результаты исследования, без интерпретаций
Обсуждение (D iscussion)	Что означают полученные результаты? Интерпретация результатов исследования и других связанных с ним материалов. Значение наблюдаемого мнения для цели исследования
Заключение (C onclusion)	Обобщите результат и его значение, последствия и практическое применение исследования, рекомендации

Благодарности (Acknowledgments)	Не обязательно
Список использованных источников (References)	На русском и английском языках

Требования к оформлению ссылок и списка литературы

В тексте источник указывается в круглых скобках (фамилия первого автора, год выхода).

Например, (Слаутер, 1996. С. 34) или (Acemoglu, 2003. P. 630).

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. На все источники в тексте должны быть даны ссылки.

Список литературы

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES):

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском, украинском и английском языках).

В списке литературы источники располагаются по алфавиту, источники на иностранных языках – после литературы на русском языке.

REFERENCES – список литературы на английском языке располагается по алфавиту.

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА

КНИГИ

Маршак А. Л. Социология культурно-духовной сферы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2007. 424 с.

СТАТЬИ

Герасимов Г. И. Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4. С. 84–96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

APA Style (2011). Режим доступа: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>.

ДИССЕРТАЦИЯ

Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития : автореф. дис. ... докт. филос. наук. Ростов н/Д., 2015.

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Беляева Л. А. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2005.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Скорынин С.Л. К проблеме маргинальности и культуры в современной России // Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI в. : материалы всероссийской научной конференции. СПб.: Интерсоцис, 2008. 224 с.

Оформление русскоязычной литературы в REFERENCES

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов. При переводе русскоязычных ссылок в APA-формат автор должен учитывать, что ссылки на латинице предназначены для иноязычного читателя и должны быть ему максимально **понятны**.

Транслитерация русскоязычных названий должна производиться на основе транслитерационного стандарта **BGN**.

Рекомендуем авторам воспользоваться ресурсом [http:// www.transliteration.com/transliteration/en/russian/bgn-pcgn/](http://www.transliteration.com/transliteration/en/russian/bgn-pcgn/) для перевода русскоязычного текста на латиницу:

- авторы (транслитерация);
- год (в круглых скобках);
- перевод названия работы;
- название русскоязычного источника (транслитерация курсивом);
- выходные данные с обозначениями на английском языке (город, издательство).

Пример оформления списка – REFERENCES

КНИГИ

Автор (год издания). *Заглавие*. Место издания: Издательство.

Marshak, A. L. (2007). *Sociology of cultural and spiritual sphere*. Moscow: Gumanitarnaya literatura Publ. (in Russian).

СТАТЬИ

Автор (год издания). *Заглавие*. *Название журнала*, номер выпуска, страницы.

Gerasimov, G. I. (2005). Education – the potential of sociocultural transformation of Russian society. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 4, 84-96. (in Russian).

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

Заглавие (год издания, если есть). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ

Автор (год издания). *Заглавие*. (Doctoral Dissertation, университет, город).

Lubsky, R. A. (2015). Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, specifics of development. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Автор (год издания). *Заглавие*. In редакторы (Eds.). Место издания: Издательство.

Belyaeva, L.A. (2005). Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Автор (год издания). *Заглавие* // Название конференции: *Proceedings of the Scientific Conference*. Место издания: Издательство.

Skorynin, S.L. (2008). To the problem of marginality and culture in modern Russia // Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX - beginning of the XXI century: *Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.

Свободная цена
Фотомаериалы из открытых источников

Сдано в набор 26.06.2023. Подписано в печать 28.06.2023
Дата выхода в свет 28.04.2023
Печать цифровая, гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 15,93
Формат 70×100 ¹/₁₆. Тираж 500 экз. Заказ № 9078

Издатель ООО «ОМЕГА-ПРЕСС»
344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Мясникова, 54/34/41,
тел. 8 (863) 219-97-25

Отпечатано в Отделе полиграфической, корпоративной
и сувенирной продукции Издательско-полиграфического
комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1,
тел. (863) 243-41-66

